

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3(63)

2026

BULLETIN

OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER
OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 3(63)

2026

Научный журнал
ВЕСТНИК БНЦ СО РАН

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Главный редактор

академик РАН Б. В. Базаров

Редакционный совет

акад. РАН Б. В. Базаров (Улан-Удэ) – пред.
акад. РАН А. П. Деревянко (Новосибирск)
д.э.н., проф. З. Б.-Д. Дондоков (Улан-Удэ)
д.и.н., проф. Е. И. Зеленов (Санкт-Петербург)
акад. РАН Н. Н. Крадин (Владивосток)
чл.-кор. РАН В. А. Ламин (Новосибирск)

акад. РАН В. И. Молодин (Новосибирск)
акад. РАН В. В. Наумкин (Москва)
чл.-кор. РАН И. Ф. Попова (Санкт-Петербург)
акад. РАН А. К. Тулохонов (Улан-Удэ)
акад. АНМ Т. Дорж (Монголия)
д.филос.н., проф. Хун Сюпин (洪修平) (Китай)

Редакционная коллегия

д.филос.н., проф. Н. А. Абрамова (Чита)
д.и.н., проф. М. Н. Балдано (Улан-Удэ)
д.и.н. В. Ю. Башкуев (Улан-Удэ) – уч. секр.
д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова (Улан-Удэ)
д.филос.н., проф. М. Гантуяа (Монголия)
д.и.н., проф. Л. М. Дамешек (Иркутск)
д.соц.н. С. Г. Кирдина-Чэндлер (Москва)

д.и.н., проф. С. И. Кузнецов (Иркутск)
д.и.н., проф. Л. В. Курас (Улан-Удэ) – отв. ред.
д.филос.н., проф. С. Ю. Лепехов (Москва)
д.и.н., проф. Е. И. Лиштованный (Иркутск)
д.и.н. А. М. Плеханова (Улан-Удэ) – зам. отв. ред.
д.филос.н., проф. Л. Б. Четырова (Самара)
акад. АНМ С. Чулуун (Монголия)

Журнал включен в систему РИНЦ

*Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций*

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИИ № ФС77-88315
от 14 октября 2024 г.*

*Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки
Российской Федерации в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук» (Распоряжение Минобрнауки № 469-р от 25.12.2020)*

Перечень научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, по которым журнал принимает статьи к публикации:

5.6.1 – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.3 – Археология (исторические науки); 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки)

ISSN 2222-9175

publisher.bscnet.ru

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, 2026
© Изд-во ИМБТ СО РАН, 2026

Scientific journal
BULLETIN OF THE BURYAT SCIENTIFIC CENTER OF SB RAS

Founder

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences

Editor-in-chief

Academician of the RAS B. V. Bazarov

Editorial board

Academician of the RAS B. V. Bazarov (Ulan-Ude) –
chairman

Academician of the RAS A. P. Derevyanko
(Novosibirsk)

D. Sc. in economics, Prof. Z. B.-D. Dondokov (Ulan-Ude)

D. Sc. in history, Prof. E. I. Zelenev (St. Petersburg)

Academician of the RAS N. N. Kradin (Vladivostok)

Corresponding member of the RAS V. A. Lamin
(Novosibirsk)

Academician of the RAS V. I. Molodin (Novosibirsk)

Academician of the RAS V. V. Naumkin (Moscow)

Corresponding member of the RAS I. F. Popova
(St. Petersburg)

Academician of the RAS A. K. Tulokhonov (Ulan-Ude)

Academician of the Mongolian Academy
of Sciences T. Dorzh (Mongolia)

D. Sc. in philosophy, Prof. Hong Xiuping (洪修平)
(China)

Editors

D. Sc. in philosophy, Prof. N. A. Abramova (Chita)

D. Sc. in history, Prof. M. N. Baldano (Ulan-Ude)

D. Sc. in history V. Yu. Bashkuev – scientific secretary
(Ulan-Ude)

D. Sc. in history, Prof. Ts. P. Vanchikova (Ulan-Ude)

D. Sc. in philosophy, Prof. M. Gantuyaa (Mongolia)

D. Sc. in history, Prof. L. M. Dameshek (Irkutsk)

D. Sc. in sociology S. G. Kirdina-Chandler (Moscow)

D. Sc. in history, Prof. S. I. Kuznetsov (Irkutsk)

D. Sc. in history, Prof. L. V. Kuras (Ulan-Ude) –
executive editor

D. Sc. in philosophy, Prof. S. Yu. Lepekhov (Moscow)

D. Sc. in history, Prof. E. I. Lishtovannyi (Irkutsk)

D. Sc. in history A. M. Plekhanova (Ulan-Ude) –
deputy executive editor

D. Sc. in philosophy, Prof. L. B. Chetyrova (Samara)

Academician of the Mongolian Academy
of Sciences S. Chuluun (Mongolia)

The journal is included into Russian Science Citation Index

*The edition is registered in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media*

Mass media registration certificate III № ФС77-88315 of 14 October 2024

*The journal is listed among Russian peer-reviewed scientific journals approved by the Higher Attestation
Commission of the Russian Ministry of Education and Science for the publication of major scientific results of theses
for academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences
(Order of the Ministry of Education and Science No. 469-r of 18 December 2020)*

The list of scientific disciplines and their corresponding branches of science, for which the journal
accepts articles for publication:

5.6.1 – Russian history (historical sciences); 5.6.2 – World history (relevant period) (historical sciences);
5.6.3 – Archaeology (historical sciences); 5.6.5 – Historiography, Source Studies and Methods of Historical
Research (historical sciences); 5.7.2 – History of philosophy (philosophical sciences); 5.7.9 – Philosophy
of religion and religious studies (philosophical sciences)

ISSN 2222-9175

publisher.bscnet.ru

© Federal State Budgetary Institution of Science
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, 2026
© IMBTS SB RAS Press, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология

- Ташиак В. И., Базаров Б. А., Дикий Я. В. Погребальные комплексы позднего бронзового – раннего железного веков, Средневековья и раннего Нового времени в окрестностях с. Ошурково в Республике Бурятия.....9

Отечественная история

- Нанзатов Б. З., Тишин В. В. Этноним **sajay*: бурятско-кыргызские параллели.....16
- Жамсуева Д. С. Кударинский дацан: архивные свидетельства истории возведения храма.....22
- Гаврилова Н. И., Дамешек Л. М. Почетные граждане городов Забайкальской области: количественный и социально-профессиональный состав. 1867–1915 гг. Ч. 1.....27
- Бадмаев В. Г. Подготовка таможенных учреждений Забайкальской области к Первому Всероссийскому съезду таможенных служащих (1–16 сентября 1917 г.).....35
- Ширанов А. А. Верхнеудинское общество взаимного кредита: специфика деятельности в условиях НЭПа.....40
- Намнанов Д. Д. Главные ламы хоринских дацанов.....45
- Загирбеков А. Н. Диаспоры и поликультурное пространство: проблемы интеграции и сохранения идентичности.....51
- Бухоголова С. Б. Просветительская деятельность Чойжил-Лхамы Базарона.....57
- Нолев Е. В., Плеханова А. М. Память о ратном подвиге горожан в годы Великой Отечественной войны в коммеморативном пространстве г. Улан-Удэ.....63

Всемирная история

- Марханова Т. Ф. Строительство буддийских монастырей как форма взаимодействия государства и религии в средневековом Китае.....69
- Кальмина Л. В. Тихое соперничество: Россия и Китай в монгольском пространстве на рубеже XIX–XX вв.75
- Цыбенков Б. Д. Некоторые данные о монгольском общественно-политическом деятеле Хайсан-Гуне.....81
- Башкуев В. Ю. «... Рациональную медицинскую помощь монголы должны получить именно через русские руки». Особенности начального этапа советско-монгольского медицинского сотрудничества (1926–1930 гг.). Ч. I.....87
- Батунаев Э. В., Хомяков С. В. Торгово-экономические связи как фактор «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в начале XX в.93
- Эрдэнэбат Д. Монголо-белорусские экономические связи в 1950-е гг. (по материалам газеты «Үнэн»).....99
- Григорьева Ю. Г. Краткая характеристика протестной активности монгольской молодежи в постсоциалистический период.....103

Историография. Источниковедение

- Батомункуева С. Р. Махакалы тибетского буддизма в сочинении Таранатхи «Драгоценный источник садхан океана идамов».....109
- Аюшеева М. В. Монгольская грамматика в изложении Г.-Ж. Дылгирова.....115
- Цыренова Н. Д. Письменная фиксация обычного права бурят в XIX в.: источниковедческий анализ «Нового постановления...» 1841 г.121
- Цыренов Ч. Ц. Раннецинские казенные печати эпохи Абахая по материалам исторического свода хроник «Цин шилу».....127
- Фандо Р. А., Любина Г. И. Медицинская тематика на страницах журнала «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Императорского Русского географического общества». Ч. I.....132

<i>Пашинин А. В.</i> 64-я Гвардейская стрелковая дивизия: источниковедческий анализ.....	137
---	-----

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Лугавцова А. П.</i> Учение «Синнэ-эн» («[Безграничный] сад истинной сущности») как пример «ново-новых» религий в Японии. Ч. I. Истоки «Сангхи истины».....	144
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Еникеева И. И., Салихова Э. А.</i> Фронтирная социология российско-монгольского трансграничья: социоэтнокультурная топология в монографии Д. Д. Бадараева.....	148
<i>Кушнарева Л. Л.</i> ИМБТ СО РАН – 100 лет. Результаты научной деятельности. Издания Бурятского института общественных наук СО АН СССР (БИОН) и Бурятского института естественных наук СО АН СССР (БИЕН). Ч. IV.....	154

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Батунаев Э. В.</i> Монгольский национальный архив и Первый исторический архив КНР: общая характеристика фондов по итогам открытого семинара в ИМБТ СО РАН.....	159
---	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Орбодоева М. В.</i> Философия как образ жизни: к 75-летию доктора философских наук Ирины Сафроновны Урбанаевой.....	163
<i>Цыбенова Ч. С.</i> Социолнгвистика в Бурятии: к юбилею профессора, доктора филологических наук Галины Александровны Дырхеевой.....	169

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Archaeology

<i>Tashak V. I., Bazarov B. A., Dikiy Ya. V.</i> Burial Complexes of the Late Bronze – Early Iron Age, the Medieval, and the Early Modern Periods in the Vicinity of Oshurkovo Village, Republic of Buryatia.....	9
---	---

Russian history

<i>Nanzatov B. Z., Tishin V. V.</i> The Ethnonym * <i>Sayay</i> : Buryat-Kyrgyz parallels.....	16
<i>Zhamsueva D. S.</i> Kudarinskiy Datsan: Archival Evidence on the History of the Construction of the Temple.....	22
<i>Gavrilova N. I., Dameshek L. M.</i> Honorary Citizens of the Towns of the Transbaikalian Region: Quantitative and Socio-Professional Composition. 1867–1915. Part 1.....	27
<i>Badmaev V. G.</i> Preparation of the Customs Offices of the Transbaikalian Region for the First All-Russian Congress of Customs Officers (September 1–16, 1917).....	35
<i>Shirapov A. A.</i> Verkhneudinskoe Mutual Credit Society: Specificity of Activities in the Conditions of the NEP.....	40
<i>Namnanov D. D.</i> The Chief Lamas of the Khorinsk Datsans.....	45
<i>Zagirbekov A. N.</i> Diasporas in a Multicultural Space: Problems of Integration and Identity Preservation.....	51
<i>Bukhologova S. B.</i> Educational Activities of Choyjil-Lkhama Bazaron.....	57
<i>Nolev E. V., Plekhanova A. M.</i> Memory of the Military Feat of the Citizen During the Great Patriotic War in the Commemorative Space of Ulan-Ude.....	63

World history

<i>Markhanova T. F.</i> The Construction of Buddhist Monasteries as a Mode of Interaction Between State and Religion in Medieval China.....	69
<i>Kalmina L. V.</i> Quiet Rivarly: Russia and China in the Mongolian Space at the Turn of 19 th –20 th Centuries.....	75
<i>Tsybenov B. D.</i> Some Information About the Mongolian Public and Political Activist Haisan-Gun.....	81
<i>Bashkuev V. Yu.</i> “... Mongolians Must Receive Rational Medical Assistance Precisely Through Russian Hands”. Features of the Initial Stage of Soviet-Mongolian Medical Cooperation (1926–1930).....	87
<i>Batunaev E. V., Khomyakov S. V.</i> Trade and Economic Ties a “Soft Power” Factor in the Russian-Mongolian Relations in the Early 20 th Century.....	93
<i>Erdenebat D.</i> Mongolian-Belorussian Economic Relations in the 1950s (Based on the Materials of the “Unen” Newspaper).....	99
<i>Grigoreva Yu. G.</i> Brief Description of Protest Activity of the Mongolian Youth in the Post-Socialist Period.....	103

Historiography. Source Study

<i>Batomunkueva S. B.</i> Mahakalas of Tibetan Buddhism in Taranatha’s “The Precious Source of Sadhananas of the Ocean of Yidams” Work.....	109
<i>Ayusheeva M. V.</i> Mongolian Grammar G.-Zh. Dylgirov.....	115
<i>Tsyrenova N. D.</i> Written Fixation of Buryat Customary Law in the 19 th Century: a Source Study Analysis of the “New Regulation...” of 1841.....	121
<i>Tsyrenov Ch. Ts.</i> Early Qing Treasury Seals of the Abahai Era Based on the Historical Chronicle “Qing Shilu”.....	127

<i>Fando R. A., Lubina G. I.</i> Medical Topics on the Pages of the Journal “Proceedings of the Troitskosavsk and Kyakhta Branch of the Imperial Russian Geographical Society”. Part 1.....	132
<i>Pashinin A. V.</i> 64 th Guards Rifle Division: a Source Analysis.....	137

PHILOSOPHY

<i>Lugavtsova A.</i> The Shinnyo-en “[Boundless] Garden of Thusness”) Tradition as an Example of “Neo-New Religions” in Japan. Part 1. The Origins of the “Sangha of Truth”.....	144
--	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Enikeeva I. I., Salikhova E. A.</i> Frontier Sociology of the Russian-Mongolian Cross-Border Area: Socio-Ethnocultural Topology in D. D. Badaraev’s Monograph.....	148
<i>Kushnareva L. L.</i> IMBT SO RAN – 100 Years. Results of Scientific Activity. Publications of the Buryat Institute of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences (BION) and the Buryat Institute of Natural Sciences of the USSR Academy of Sciences (BIEN). Part 4.....	154

SCIENTIFIC LIFE

<i>Batunaev E. V.</i> Mongolian National Archive and the First Historical Archive of the People’s Republic of China: General Characteristics of the Funds.....	159
--	-----

JUBILEE

<i>Orbodoeva M. V.</i> Philosophy as a Way of Life: to the 75 th Anniversary of Irina S. Urbanaeva, Doctor of Philosophical Sciences.....	163
<i>Tsybenova Ch. S.</i> Sociolinguistics in Buryatia: to the Anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor Galina Aleksandrovna Dyrkheeva.....	169

УДК 902/904(571.54)

ББК 63.4(2Р54)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-9-15

В. И. Ташак, Б. А. Базаров, Я. В. Дикий

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО –
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В ОКРЕСТНОСТЯХ
с. ОШУРКОВО В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В статье представлены результаты археологической разведки на локальном участке в окрестностях с. Ошурково (Иволгинский район, Республика Бурятия), проведенной в 2025 г. под руководством к. и. н. В. И. Ташака. Приводится описание пяти погребальных комплексов, датирующихся поздним бронзовым – ранним железным веком, эпохой Средневековья и ранним Новым временем. Предпринята попытка культурно-хронологической атрибуции памятников и намечены перспективы их дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Республика Бурятия, Иволгинский район, археологическая разведка, поздний бронзовый век, ранний железный век, эпоха Средневековья, объект археологического наследия, курган, плиточная могила.

V. I. Tashak, B. A. Bazarov, Ya. V. Dikiy

BURIAL COMPLEXES OF THE LATE BRONZE –
EARLY IRON AGE, THE MEDIEVAL,
AND THE EARLY MODERN PERIODS IN THE VICINITY
OF OSHURKOVO VILLAGE, REPUBLIC OF BURYATIA

This article presents the results of an archaeological survey conducted in 2025 within a localized area in the vicinity of Oshurkovo village (Ivolginsky District, Republic of Buryatia), under the supervision of V. I. Tashak, Cand. Sc. in History. The paper describes five burial complexes dated to the Late Bronze – Early Iron Age, the Medieval period, and the Early Modern period. An attempt is made to establish the cultural and chronological attribution of these sites, and directions for future research are outlined.

Keywords: Republic of Buryatia, Ivolginsky District, archaeological survey, Late Bronze Age, Early Iron Age, Medieval period, object of archaeological heritage, burial mound, slab grave.

Введение

В статье, посвященной археологическим разведкам 2024 г., подчеркивалась особая ценность проведенных работ, связанная с выявлением объектов археологического наследия в малоизученных районах республики из-за их территориальной удаленности и труднодоступности [Дикий, Бальжанов, Базаров 2026]. Нисколько не оспаривая этот тезис, следует отметить, что хорошо изученные в археологическом отношении пригородные районы по-прежнему сохраняют значительный научный потенциал [Древности Улан-Удэ... 2016; Цыденова 2026]. Археологическая разведка 2025 г. на одном локальном участке в Иволгинском районе наглядно это подтверждает: детальное обследование позволило выявить сразу 11 объектов археологического наследия, вклю-

ТАШАК Василий Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tv1960@mail.ru.

БАЗАРОВ Биликто Александрович – научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: biliktobazarov@yandex.ru.

ДИКИЙ Ярослав Витальевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: yaroslavdikii@gmail.com.

чая стоянки каменного века (некоторые из которых содержат более одного культурного слоя), могильники, датируемые широким хронологическим диапазоном – от позднего бронзового века до раннего Нового времени, а также оружейный клад эпохи Средневековья (рис. 4–14).

В настоящей публикации представлены сведения о новых погребальных комплексах, расположенных на левобережье р. Селенги в окрестностях с. Ошурково (Иволгинский район, Республика Бурятия). Стоянки каменного века и средневековый оружейный клад вынесены за рамки настоящей статьи, поскольку этим объектам посвящены самостоятельные публикации.

Характеристика погребальных комплексов

В 2025 г. выявлено пять погребальных комплексов: 1) «Ошурково. Одиночная плиточная могила»; 2) «Ошурково. Одиночный курган»; 3) «Ошурково. Могильник на гребне отрога»; 4) «Ошурково. Могильник в пади Сивачева»; 5) «Ошурково. Древнебурятское одиночное погребение».

1. Объект археологического наследия «Ошурково. Одиночная плиточная могила» расположен на левобережье р. Селенги, юго-юго-восточнее с. Ошурково, западнее автомобильной дороги Р-258 «Байкал» Иркутск – Улан-Удэ – Чита, на седловине небольшой гряды, образовавшейся на склоне горного отрога, простирающегося в юго-восточном направлении и разделяющего долины рек Ошуркова на севере и Уточкина – на юге (см. рис. 6).

В ландшафтном отношении плиточная могила расположена на открытом пространстве с сосновым редколесьем, на субгоризонтальной, немного выпуклой, поверхности седловины небольшой гряды со скалистыми выходами, венчающей горный отрог, который выдвинут от горного массива с запада на восток и обрывается над долиной Селенги. Надмогильная конструкция плиточной могилы частично разрушена из-за эксплуатируемой грунтовой дороги, ведущей в с. Ошурково из пади Уточкина: отсутствуют камни западной поперечной стенки, угловые камни завалены в сторону дороги. Длина надмогильной конструкции плиточной могилы – 3,5 м, ширина – 2,2 м. Восточная поперечная стенка представлена одной каменной плитой длиной 0,9 м и высотой 0,15 м. Высота северо-восточного углового камня – 0,25 м, юго-восточного – 0,25 м. Северо-западный угловой камень завален в западном направлении, в сторону грунтовой дороги. Юго-западный угловой камень также повален. Западная поперечная стенка отсутствует. Южная и северная продольные стенки надмогильной конструкции неполные, камни выбраны. Высота камней, составляющих продольные стенки, не более 0,2 м. Камни-крепиды фиксируются по периметру на расстоянии в 0,9–1 м от стенок надмогильного сооружения. Плиточная могила датируется временем позднего бронзового – раннего железного веков.

2. Объект археологического наследия «Ошурково. Одиночный курган» расположен на левобережье р. Селенги, южнее с. Ошурково, западнее автомобильной дороги Р-258 «Байкал» Иркутск – Улан-Удэ – Чита, на выположенном участке склона южной экспозиции в привершинной части горного отрога, простирающегося в юго-восточном направлении и разделяющего долины рек Ошуркова на севере и Уточкина – на юге (см. рис. 7). Одиночный курган в ландшафтном отношении расположен на границе небольшого открытого пространства и соснового леса. Курган в плане овально-вытянутой формы, ориентирован длинной осью по линии В – З. Надмогильная конструкция многослойная и составлена из скальных обломков крупных и средних размеров. Длина надмогильной конструкции – 3 м, ширина – 1,8 м. Высота кургана до 60 см. Курган датируется эпохой Средневековья (VI–XIV вв. н. э.).

3. Объект археологического наследия «Ошурково. Могильник на гребне отрога» расположен южнее с. Ошурково, на небольшой седловине на гребне горного отрога, разделяющего долины рек Уточкина и Ошуркова, в лесном массиве (см. рис. 8). В составе археологического памятника представлено два каменных кургана.

Курган № 1 занимает западную позицию на территории памятника. Представляет собой многослойную каменную кладку овальной формы размерами 7×5 м, вытянутую

по линии В – З. Сложен из скальных обломков размерами примерно 60×60 см. Высота до 70 см. Подошва плотно задернована, все камни кладки покрыты лишайником.

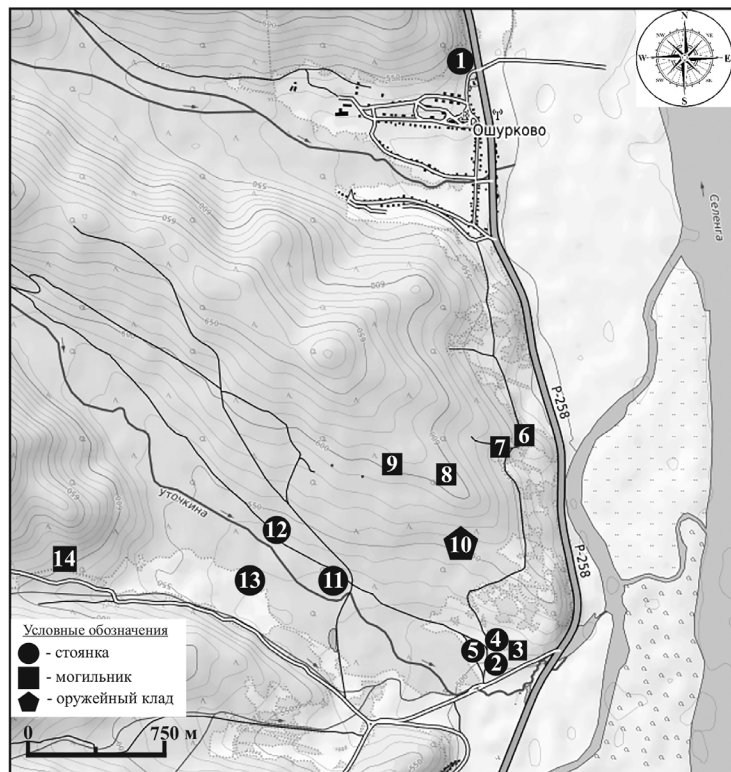

Рис. Карта-схема расположения известных археологических памятников в окрестностях с. Ошурково: 1 – стоянка Ошурково (позднепалеолитическая многослойная стоянка); 2 – стоянка Падь Уточкина (Ямщицкая станция); 3 – могильник Падь Уточкина (Ямщицкая станция); 4 – стоянка Уточкина падь – 2; 5 – стоянка Уточкина падь – 3; 6 – одиночная плиточная могила; 7 – одиночный курган; 8 – могильник на гребне отрога; 9 – древнебурятское одиночное погребение; 10 – археологический клад в пади Уточкина; 11 – стоянка Уточкина падь – 4; 12 – стоянка Уточкина падь – 5; 13 – стоянка Уточкина падь – 6 (ферма); 14 – могильник в пади Сивачева

Курган № 2 занимает восточную позицию на территории памятника. Представляет собой многослойную каменную кладку овальной формы размерами 4×2,4 м, вытянутую по линии В – З. Его высота до 50 см. Сложен из скальных обломков размерами примерно 60×60 см. Подошва плотно задернована, все камни кладки покрыты лишайником.

Археологический памятник датируется эпохой Средневековья (VI–XIV вв. н. э.).

4. Объект археологического наследия «Ошурково. Могильник в пади Сивачева» расположен юго-восточнее южной окраины с. Ошурково, на южном склоне залесенного левого (северного) борта пади Сивачева (см. рис. 14).

В его составе представлены семь каменных кладок курганного типа овальной, округлой и подпрямоугольной формы.

Курган № 1 – каменная кладка овальной формы, длинной осью ориентированная по линии СЗ – ЮВ. Длина – 3,5 м, ширина – 2,8 м, высота – до 40 см. Сложен из скальных обломков размерами примерно 50×50 см. Все камни плотно покрыты лишайником. Подошва задернована.

Курган № 2 – каменная кладка округлой формы, длинной осью ориентированная по линии СЗ – ЮВ. Длина – 3 м, ширина – 2 м, высота – до 50 см. Сложен из скальных обломков размерами примерно 50×50 см. Все камни плотно покрыты лишайником. Подошва задернована.

Курган № 3 – каменная кладка овальной формы, длинной осью ориентированная по линии СЗ – ЮВ. Длина – 3,4 м, ширина – 2,6 м, высота – до 70 см. Сложен из скальных обломков размерами не более 50×50 см. Все камни плотно покрыты лишайником. Подошва задернована.

Курган № 4 – каменная кладка подпрямоугольной формы. Вероятно, возводился в прямоугольной форме. Западный край ровный, восточный оплыл в юго-восточном направлении, по склону. Длинной осью ориентирован почти по линии С – Ю. Длина – 2,5 м, ширина – 2 м, высота – до 60 см. Сложен из скальных обломков размерами примерно 50×50 см. Все камни плотно покрыты лишайником. Подошва задернована.

Курган № 5 – каменная кладка овально-вытянутой формы. Вероятно, возводился в прямоугольной форме. В настоящее время западный край выглядит ровным. Длинной осью ориентирован по линии СВ – ЮЗ. Длина – 3,3 м, ширина – 2 м, высота – до 60 см. Сложен из скальных обломков размерами не более 60×60 см. Все камни плотно покрыты лишайником. Его подошва задернована.

Курган № 6 – каменная кладка подпрямоугольной формы. Несколько камней из кладки разбросано по периметру. Некоторые камни выворочены из кладки и перевернуты, но оставлены на месте. Прослеживается подквадратная первоначальная форма. Длинной осью ориентирован по линии С – Ю. Длина – 2,3 м, ширина – 2 м, высота – до 60 см. Сложен из скальных обломков размерами не более 50×50 см. Все камни плотно покрыты лишайником. Подошва задернована.

Курган № 7 – каменная кладка подпрямоугольной формы. Вероятно, возводился в прямоугольной форме. В настоящее время западный край выглядит ровным. Длинной осью ориентирован по линии С – Ю. Длина – 2,7 м, ширина – 2 м, высота – до 40 см. Сложен из скальных обломков размерами не более 50×50 см. Все камни плотно покрыты лишайником. Подошва задернована.

Севернее кургана № 1 зафиксирована раскопанная кладка. Вероятно, захоронение подверглось разграблению в период активной геологической разведки на этой территории в 1960–1970-е гг.

Археологический памятник датируется эпохой Средневековья (VI–XIV вв. н. э.).

5. Выявленный объект археологического наследия «Ошурково. Древнебурятское одиночное погребение» расположен южнее с. Ошурково, на уступе склона южной экспозиции, сразу у подножия скалистого гребня крупной гряды, протянувшейся в южном и юго-западном направлении от вершины отрога (см. рис. 9).

Археологический памятник представлен одной каменной кладкой овальной формы. Длинной осью ориентирован по линии В – З. Длина – 2,5 м, ширина – 1,5 м, высота от южного подножия – 0,5 м. Надмогильная кладка сложена из скальных обломков светлой породы, размеры которых варьируют от 10×10 до 50×50 см. Камни только в некоторых местах покрыты лишайником.

Археологический памятник датируется ранним Новым временем.

Обсуждение

До начала археологической разведки из архивных и опубликованных источников было известно о наличии непосредственно на этой территории трех памятников археологии. Широко известным из них является стоянка Ошурково (в учетной документации числится как «Позднепалеолитическая многослойная стоянка»), открытая А. П. Окладниковым в 1951 г. (см. рис. 1) [Окладников 1953; Палеолит СССР 1984; Константинов 1994]. Южнее этой стоянки на левом приустьевом участке р. Уточкина в единых границах территории находятся стоянка и могильник «Падь Уточкина (Ямщицкая станция)» (см. рис. 2–3). Стоянка открыта А. П. Окладниковым в 1948 г. и датируется временем неолита и железного века. Плиточный могильник, в составе которого насчитывается 9 надмогильных конструкций, не был известен по архивным источникам вплоть до его

обследования в 2008 г. специалистами Научно-производственного центра охраны памятников Республики Бурятия [Лбова, Хамзина 1999; Намсараев, Базаров 2008].

Ближайший к этому плиточному могильнику (в 4,6 км южнее) – Сотниковский, в составе которого также есть плиточные могилы [Сергеев 1935–1936; Диков 1958; Симухин 2012]. Следовательно, плиточный могильник в пади Уточкина, Сотниковский могильник и выявленная в 2025 г. вблизи с. Ошурково одиночная плиточная могила являются самыми северными памятниками культуры плиточных могил левобережья р. Селенги.

Надмогильные конструкции рассматриваемых средневековых могильников имеют традиционно овальные, округлые и подпрямоугольные формы в плане. По Н. В. Именохову, например, надмогильные сооружения раннемонгольской археологической культуры чаще выполнены в виде уплощенного овала или круга, реже – подпрямоугольника. Высотные характеристики варьируются от 15–20 до 30–40 см. Выделяются куполообразные курганного типа надмогильные сооружения высотой до 100–120 см. Прослежена зависимость размеров надмогильных кладок от возрастных и физических данных погребенного, при этом их размеры в среднем не превышают 250×350 см [1992: 27].

Надмогильные сооружения одиночного кургана и могильника в пади Сивачева по своим размерам в целом соответствуют параметрам, приведенным Н. В. Именоховым. При этом отличительной особенностью являются высотные характеристики: лишь у двух курганов могильника в пади Сивачева высота не превышает 40 см, тогда как у остальных сооружений данного могильника, одиночного кургана и курганов на гребне отрога она варьирует в пределах 50–70 см. Также обращают на себя внимание курганы могильника на гребне отрога, которые выбиваются своими крупными размерами из общего ряда рассматриваемых надмогильных сооружений. Учитывая трудозатраты, можно предположить, что это погребения представителей социальной элиты монгольского времени либо погребения иной археологической культуры (например, курумчинской). Если учесть, что оружейный клад (см. рис. 10), обнаруженный вблизи могильника, относится по типологии вооружения к тюркскому времени, последнее предположение не выглядит таким уж невероятным. В то же время локализация могильника на седловине, окруженной небольшими вершинами, указывает на его скрытый характер. Аналогичная топографическая ситуация отмечается у исследованного памятника в монгольском урочище Их хутул, расположенного на перевале в скрытом месте, окруженном невысокими холмами. Этот факт, по мнению А. А. Тишкина, соотносится с монгольской традицией устройства кладбища [Средневековые... 2022: 228].

Каменная кладка древнебурятского одиночного погребения по типологическим признакам и особенностям ландшафтного размещения, а также по неполной задернованности и слабому развитию лишайникового покрова отнесена нами к раннему Новому времени.

Необходимо учитывать, что указанные размеры надмогильных сооружений зафиксированы на объектах, не подвергавшихся раскопкам. При проведении археологических исследований указанные размеры, вероятнее всего, будут скорректированы в сторону увеличения. Это предположение применимо и к конфигурации надмогильных сооружений в плане.

Конечно, можно было бы коснуться вопроса связей стоянок и могильников. Однако на основе имеющихся материалов сделать это пока не представляется возможным. Известно, что в пределах стоянки Уточкина падь (Ямщицкая станция) А. П. Окладниковым были подняты фрагменты керамики, но их характеристики неизвестны, за исключением упоминания фрагмента сосуда хуннского типа. Хуннские погребения на исследованном участке не выявлены. В культурных слоях стоянок Уточкина падь – 3 (см. рис. 5) и Уточкина падь – 6 (ферма) (см. рис. 13), открытых в 2025 г., обнаружены фрагменты керамических сосудов. Однако они весьма немногочисленны и крайне малых размеров, т. е. культурно-хронологически не диагностируемы. В целом стоянки датируются широким диапазоном: железный век – эпоха Средневековья. Помимо этого, найдены куски шлака, представляющие собой отходы металлургического производства. Вопрос о связи этого производства с обнаруженным на этом локальном участке оружейным кладом остается открытым.

Заключение

Таким образом, продолжающиеся археологические работы ИМБТ СО РАН существенно дополняют перечень выявленных объектов археологического наследия, расположенных на территории Республики Бурятия. В условиях активного хозяйственного освоения пригорода Улан-Удэ актуальность таких археологических изысканий возрастает кратно. Они позволяют обеспечить сохранность выявленных объектов археологического наследия.

Рассмотренный нами локальный участок археологического исследования в Иволгинском районе представляет собой репрезентативный и высокоинформативный геоархеологический полигон, характеризующийся высокой плотностью разновременных и разнотипных археологических объектов. Проведение стационарных археологических работ на данном полигоне с привлечением комплекса естественно-научных методов создаст надежную эмпирическую базу данных для реконструкции динамики этнокультурных процессов в регионе Западного Забайкалья.

*Работа выполнена в рамках государственного задания («Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии»)
№ 126020616724-3.*

Источники и литература

Фонд Национального музея Республики Бурятия: НВФ № 2969 (Сергеев Г. П. Селенгинская археологическая экспедиция 1935–1936 гг. – Улан-Удэ, 1935–1936).

Дикий Я. В. Археологические разведки 2024 г. на территории Республики Бурятия / Я. В. Дикий, Б. Л. Бальжанов, Б. А. Базаров // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2026. – № 2(62). – С. 9–16.

Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья / Н. Н. Диков. – Улан-Удэ, 1958. – 106 с.

Древности Улан-Удэ и его окрестностей / Б. А. Базаров, Н. В. Именохоев, Д. А. Миягашев, Б. З. Нанзатов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2016. – № 2(22). – С. 85–98.

Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура / Н. В. Именохоев // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск: ВО Наука. Сиб. изд. фирма, 1992. – С. 23–48.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии / М. В. Константинов. – Улан-Удэ; Чита, 1994. – 265 с.

Лбова Л. В. Древности Бурятии: карта археологических памятников / Л. В. Лбова, Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 222 с.

Намсараев Д. В. Отчет о выполнении работ по установлению границ территорий объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Иволгинского района Республики Бурятия / Д. В. Намсараев, Б. А. Базаров. – Улан-Удэ, 2008.

Окладников А. П. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом / А. П. Окладников // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1953. – Вып. 51. – С. 16–23.

Палеолит СССР / под общ. ред. Б. А. Рыбакова; отв. ред. П. И. Борисковский. – М.: Наука, 1984. – 384 с.

Симухин А. И. Могильник Сотниково: результаты обследования 2007 г. / А. И. Симухин // Мир Центральной Азии – 3. – Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 303–305.

Средневековые монгольские погребения, исследованные в долине Эгийн-гола (Северная Монголия) / А. А. Тишкин, Т. О. Идэрхангай, Д. Цэнд и др. // Теория и практика археологических исследований. – 2022. – Т. 34. – № 4. – С. 215–233.

Цыденова Н. В. Археология г. Улан-Удэ и пригородов: история изучения, проблемы и перспективы исследования / Н. В. Цыденова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2026. – № 1(61). – С. 9–13.

References

Fond Nacional'nogo muzeya Respubliki Buryatiya: NVF № 2969 (Sergeev G. P. Selenginskaya arheologicheskaya ekspediciya 1935–1936 gg. – Ulan-Ude, 1935–1936).

Dikij Ya. V. Arheologicheskie razvedki 2024 g. na territorii Respubliki Buryatiya / Ya. V. Dikij, B. L. Bal'zhanov, B. A. Bazarov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2026. – № 2(62). – S. 9–16.

Dikov N. N. Bronzovyj vek Zabajkal'ya / N. N. Dikov. – Ulan-Ude, 1958. – 106 s.

Drevnosti Ulan-Ude i ego okrestnostej / B. A. Bazarov, N. V. Imenohoev, D. A. Miyagashev, B. Z. Nanzatov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2016. – № 2(22). – S. 85–98.

Imenohoev N. V. Rannemongol'skaya arheologicheskaya kul'tura / N. V. Imenohoev // Arheologicheskie pamyatniki epohi srednevekov'ya v Buryatii i Mongolii. – Novosibirsk: VO Nauka. Sib. izd. firma, 1992. – S. 23–48.

Konstantinov M. V. Kamennyj vek vostochnogo regiona Bajkal'skoj Azii / M. V. Konstantinov. – Ulan-Ude; Chita, 1994. – 265 s.

Lbova L. V. Drevnosti Buryatii: karta arheologicheskikh pamyatnikov / L. V. Lbova, E. A. Hamzina. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. – 222 s.

Namsaraev D. V. Otchet o vypolnenii rabot po ustanovleniyu granic territorij ob'ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) Ivolginskogo rajona Respubliki Buryatiya / D. V. Namsaraev, B. A. Bazarov. – Ulan-Ude, 2008.

Okladnikov A. P. Arheologicheskie raskopki na Angare i za Bajkalom / A. P. Okladnikov // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. – 1953. – Vyp. 51. – S. 16–23.

Paleolit SSSR / pod obshch. red. B. A. Rybakova; otv. red. P. I. Boriskovskij. – M.: Nauka, 1984. – 384 c.

Simuhin A. I. Mogil'nik Sotnikovo: rezul'taty obsledovaniya 2007 g. / A. I. Simuhin // Mir Central'noj Azii – 3. – Ulan-Ude; Irkutsk: Ottisk, 2012. – S. 303–305.

Srednevekovye mongol'skie pogrebeniya, issledovannye v doline Egijn-gola (Severnaya Mongoliya) / A. A. Tishkin, T. O. Iderhangaj, D. Cend i dr. // Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniij. – 2022. – T. 34. – № 4. – S. 215–233.

Cydenova N. V. Arheologiya g. Ulan-Ude i prigorodov: istoriya izucheniya, problemy i perspektivy issledovaniya / N V. Cydenova // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2026. – № 1(61). – S. 9–13.

УДК 94(517)+94(57)

ББК 63.3(29=)+63.3(5)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-16-21

Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин

ЭТНОНИМ **SAJAŋ*: БУРЯТСКО-КЫРГЫЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В статье вводятся в оборот сведения о бурятском этнониме *haihi*, рассматривается его происхождение и параллели. Авторы обосновывают связь этого этнонима в его исходном облике **sajaŋ* со значением *‘иноходец’, во-первых, с другим бурятским этнонимом *sai(a)γūd*, во-вторых, связь обоих с кыргызским этнонимом *sayaq*.

Ключевые слова: этноним, буряты, кыргызы, этимология, этническая история.

B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin

THE ETHNONYM **SAYAŋ*: BURYAT-KYRGYZ PARALLELS

The article introduces into scholarly circulation data on the Buryat ethnonym *Haihi*, examining its origin and parallels. The authors substantiate a connection between this ethnonym – in its original form **sajaŋ* with the meaning ‘pacer’ (or ‘ambler’) – and another Buryat ethnonym, *Sai(a)γūd*, as well as establishing a link between both of these and the Kyrgyz ethnonym *Sayaq*.

Keywords: ethnonym, Buriats, Kyrgyz, etymology, ethnic history.

Введение

Исследование этногенеза бурят тесно связано с изучением этнонимической номенклатуры. Как правило, преимущественное внимание в научной литературе уделяется названиям крупных подразделений, соотносимых с административными единицами (оток, аймак, административный род). При этом названия подразделений более низкого таксономического уровня удостаиваются редких упоминаний и еще реже становятся объектами специального исследований. Однако, как будет в частности продемонстрировано ниже, подобные этнонимы могут оказаться значимыми для решения проблем этнической истории, в том числе выявления исторических связей между народами степной Евразии.

В рамках исследования этнического состава бурят в материалах диалектологической экспедиции Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (БИОН БФ СО АН СССР), состоявшейся в мае – июне 1968 г., нами были обнаружены сведения, не введенные в научный оборот. В материалах изученных дневников исследователей А. Н. Содномова и Н. Б. Дугарова, участников Закаменско-Джидинского отряда под руководством И. Д. Бураева, был зафиксирован этноним, связанный со значительной группой населения с. Хамней, отмеченный как *haihi* [ОППВ ИМБТ СО РАН. № 2081а/1. Л. 9] или *haэхи* [Там же. № 2081/1. Л. 11]. В преданиях, записанных от информантов, это подразделение противопоставляется семи основным местным племенам, в числе которых упоминаются *хойхо*, *бүүрүнгүүд*, *хүрхүүд*, *тэртэ*, *чожоолог*, *хонгоодор*, *хамниган* [Там же. № 2081а/1. Л. 9] или *хоэхо*, *хүрхүүд*, *тэртэ*, *хонгоодор*, *хамниган*, *шошоолог* *бүүрүнгүүд*, обобщенно именуемым *барууни долоон* [Там же. № 2081/1. Л. 9, 11], что буквально значило бы ‘семь [относящихся к] правому’. При этом одно из записанных генеалогических преданий обыгрывает происхождение носителей названия *haihi* от человека с прозвищем *зүүн гар*, букв. ‘левая рука’ [Там же. № 2081а/1. Л. 10–11].

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: nanzatov@yandex.ru.

ТИШИН Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tihij-511@mail.ru.

Название *хайхи*, или *хаэхи*, не представлено в списках подразделений закаменских бурят в работах Г. Р. Галдановой [1992] и С. Д. Бабуева [1996], но его существование установлено теперь благодаря упомянутым полевым дневниковым записям. К сожалению, авторы этих записей, являвшиеся лингвистами по специализации, не только не ввели это название в научный оборот, но и не предложили для него никаких идентификаций и сопоставлений.

Этнонимы

Формы *хайхи* или *хаэхи*, представляющие собой записи двух произносительных вариантов, могут быть возведены к исходному среднемонгольскому **sajiki*, которое требует объяснения.

Формально в середине слова обнаруживается допустимое развитие комплекса **-aji-* в бурятском языке в соответствующие дифтонги *-ai-* > *-ae-* [Рорре 1955: 77–78; Рассадин 1982: 59 и след.]. Также вероятно, что сочетание **-aji-* может восходить к **-aja-* вследствие соответствующего преобразования гласного второго слога *i* после *j* [Рорре 1955: 127]. Более того, если бы предполагалось исходное **-aji-*, мы вправе были бы ожидать опереднения гласного первого слога под ассимилирующим влиянием следующего *i* [Рассадин 1982: 116–118]. В собственно закаменском говоре опереднения гласных не отмечено, тогда как в родственных ему других диалектах присаянской группы, тункинском и окинском, оно функционирует ограниченно и характерно лишь для первослогового *-a-* [Он же 1996: 32, 39, 41–42]. Однако это явление действует для комплекса **-aji-* [Там же: 34, 39–40, 41–42].

Концовка этнонима может быть интерпретирована как форма родительного падежа на *+i* [Рорре 1955: 191, 194]. В диалектах бурят присаянской группы так же, как, например, в аларском говоре, в родительном падеже форма аффикса *+i* после согласных или *+ji* после гласных добавляется к основе, когда соответствующее слово употребляется в качестве определения (в отличие от *+Ai* при изолированном употреблении) [Рассадин 1996: 63], в связи с чем приведем конкретный пример выражения *haэhu jahanaz* [ОППВ ИМБТ СО РАН. № 2081/1. Л. 15, 18], букв. '[принадлежащий к] кости *haэhu*'. Есть мнение, что западно-бурятский вариант показателя родительного падежа *+i* восходит к ранней общемонгольской форме [Цыдендамбаев 1979: 47–48].

Так или иначе, предшествующий этому гласному глухой *k* здесь, в заднерядном слове, развился бы из **q* перед *i* (< **i*) [Рорре 1955: 132–134, 137–138], но ни тот, ни другой глухой согласный в монгольских языках не могут находиться в абсолютном конце слова [Ibid.: 129, 139]. Ожидавшийся бы вместо этого в этой позиции звонкий *-g* перед узким *i* в западных бурятских диалектах должен преобразовываться в *-j-* [Ibid.: 152–153; Рассадин 1982: 103 и след.]. В частности, в говоре закаменских бурят, где после сонантов *l, n* иногда наблюдается развитие *-gi(-)* > *-di(-)* [Рассадин 1996: 51]. Наличие в записи этнонима щелевого *χ* (орфографически /x/) может объясняться тем, что он восходит к соответствующему щелевому аллофону звонкого **γ* [Он же 1982: 106–107, 113–115], который, следуя наличию после него *i*, восходившего бы к старому **i*, развился бы не ранее второй половины XIII в., когда в орфографии письменного-монгольского языка начинает отражаться слияние заднерядного **i* и переднерядного *i* в одну фонему [Владимирцов 1929: 118–123, 171]. Палатализация и спирантизация собственно *g* в бурятском языке началась не ранее XVIII в. [Будаев 1992: 53–54]. Это гипотетически показывает вероятность того, что уже к середине XIII в. могла существовать форма **sajay-i*, преобразовавшаяся в дальнейшем в **sajaxi*, давшее потом бурятское **hajixi*.

Таким образом, гипотетически восстанавливается исходная форма этнонима **sajay*, причем последующее преобразование начального *s-* > *h-* указывает на появление этого этнонима в бурятской среде, по крайней мере, не позднее начала XVIII в.

Ближайшей параллелью к данному этнониму, которая напрашивается на сопоставление, является другой бурятский этноним – *сайгууд*, зафиксированный среди балейских бурят, ранее входивших в состав китойской инородной управы [Нанзатов 2014: 123]. В полевых материалах встречается запись произношения как *sajaguud* [Архив ОППВ ИМБТ СО РАН. № 1984. Л. 111–112].

Орфографические формы *сайгууд* или *сайагууд* отражают, во-первых, в любом случае произношение с начальным *s-, не преобразовавшимся в бурятской среде в h-, косвенно свидетельствуя о его позднем появлении в ней (о заимствованиях с (-)s- в бурятском языке из монгольского, включая письменный язык см.: [Рассадин 1982: 84–85]; в частности, для присаянских говоров см.: [Он же 1996: 47, 50, 52]; во-вторых, наличие редуцированного гласного во втором слоге. Поэтому бурятское **saigūt* < **sajvγut* может быть морфологически интерпретировано как **sajvγ+Ud*, либо **sajv+γ+Ud*, т. е. это либо вариант с формой аффикса мн. ч., образованной собственно от аффикса +d, с соединительным гласным, когда он присоединяется к основам, оканчивающимся на согласные, кроме сонантов -n, -l, -r, либо это вариант того же составного аффикса +Ud с соединительным согласным *-g-, когда он присоединяется к основам, оканчивающимся на гласные [Рорре 1955: 179–180]. Первая из озвученных версий интерпретации вполне совпадает с реконструкцией этнонима *хайху* ~ *хаэхи*, изложенной выше. Реконструкция гласного второго слога также не создает препятствий (см. выше про -*aja-* > -*aji-*). Соответственно, восстанавливаемая форма **sajvγ* может являться передачей исходного **sajay*.

Этнонимы *хайху* ~ *хаэхи* и *сай(а)гууд*, таким образом, отражая два ареально и хронологически отдаленных друг от друга варианта одной исходной формы [I], но – что следует подчеркнуть – не связаны друг с другом непосредственно. Этноним *хайху* ~ *хаэхи* должен был развиваться непосредственно в среде, обретшей характеристики, присущие для бурятского языка, второй, *сай(а)гууд*, как видно из сохранения начального *s-, проник в бурятскую этнонимическую номенклатуру позже, из среды носителей других монгольских языков.

Будучи ограничены в объеме, мы лишь укажем на ближайшую параллель, которая обнаруживается в племенной номенклатуре кыргызов в этнониме *саяк* [Винников 1956: 147–148; Абрамзон 1960: 41–42, 46 след.]. У кыргызов Притяньшанья саяки были представлены в составе правого крыла, а именно на территориях бывших Наманганского и Андижанского уездов [Винников 1956: 147]. На севере саяки были преимущественно расселены на берегах Иссык-Куля. Именно на территориях Турайгырской и Улахольской волостей Пржевальского уезда саяки представляли абсолютное большинство, также их небольшие группы отмечались в долинах Нарына, Чу, Джумгала и др. [Абрамзон 1960: 47]. Первое упоминание этнонима встречается в персоязычном сочинении XVI в. «Маджмӯ‘ ат-Тавāйрх», где оно представлено как эпоним سیاق, наряду с названиями других крупных племен, известных у кыргызов [«Собрание историй»... 1960: 101 (опечатка, нужно: 102. – Авт.), примеч. 97; [Материалы... 1973: 208].

Этимология

В числе слов, вероятных для сопоставления, можно упомянуть письменно-монгольское *sajay* ‘horse with a special kind of amble’ [MED, 1960: 662], халха-монгольское *sajvək*, дэрбэтское (астраханское) *sajiz* ‘лошадь, ходящая особой иноходью’ [Владимирцов 1929: 283], калмыцкое *sajʷg* ‘halbpassgänger, nicht regelrechter passgang’ [Ramstedt 1935: 308], ойратское *sajaq* ‘an amler, pacer’ [Krueger 1984: 393], в связи с ними казахское *sajak* ‘жеребцы и мерины, отделенные от табуна’ (die männlichen Pferde, die nicht in der Tabune gehalten werden) [Радлов 1911: 289], кыргызское саяк ‘бродящий одиноко; бродяга’ [КРС 1985: 140], возможно, здесь же телеутское, кумандинское *sajak* ‘редкий, не густой’ (dünn, lose, nicht dicht) [Радлов 1911: 289], для которых ср. глагол *sajaf/-* алтайское, телеутское, лебединское (челканское) ‘разламывать, разбивать, уничтожать’, телеутское ‘отпрягать’, ‘расплести, сделать редким’, шорское ‘разсучить веревку’, сагайское, койбалское, качинское ‘содрать, разорвать’, чагатайское ‘разбивать хлопок палочками’ [Там же: 288–289]. Вопрос об их соотношении этих основ неоднократно обсуждался [Doerfer 1967: 306–307; Räsänen 1969: 395].

Судя по распространению слова в монгольских языках и в контрасте с этим ограниченным ареалом тюркских языков, к тому же представленному языками, широко взаимодействовавшими с монгольскими, логично предположить, что исходно речь идет о термине монгольского происхождения. В таком случае содержание искомого этнонима

связано со значением *‘иноходец (и т. п.)’, что, в свою очередь, можно сблизить с категорией этнонимов, связанных с мастьями лошадей.

Заключение

Таким образом, в этнонимической номенклатуре бурят выявляются две не синхронные друг другу формы этнонима, восходящие к исходному облику **sajay*. Явной параллелью является кыргызский этноним *саяк*. Его значение, вероятно, восходит к слову со значением ‘иноходец’, что сближает его с этнонимами, имеющими в основе названия мастей лошадей, известные в среде тюркских и монгольских народов. Письменные источники позволяют говорить о существовании кыргызской формы этнонима, по меньшей мере, к XVI в., а, согласно анализу одной из бурятских форм, этноним мог существовать в монголоязычной среде уже к середине XIII в.

Исследованный случай может представлять один из примеров распространения в среде разных частях степного мира одного исходного этнонима, возможно, отражая сохранение идентичности, восходящей к некогда единой исторической общности.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии») № 126020616724-3.

Примечания

I. В заключение следует упомянуть про одно заблуждение по поводу отождествления этнонима *сайгууд* с *хойхо*, которое проникло в научную литературу. В работе С. П. Балдаева на основе данных одного из его информантов (из сайгутского рода из улуса Нижний Хэт Иркутского уезда Иркутской губернии), полученных в 1908 г., сказано: «Их называли хойхо, хойбо, сайгут, хойгут, хойхо» и далее: «Люди хойхотских родов живут в Балее, Тунке, Закамне, Качуге, Ольхоне, Кударе и прочих местах» [1970: 166–167]. Таким образом, здесь декларируется отождествление двух этнонимов – *сайгууд* и *хойхо*. В научной литературе уже высказывались сомнения касательно правомерности такого отождествления [Нанзатов 2014: 121], но недавно предпринята попытка развития версии, основанной на сообщении, приведенном С. П. Балдаевым, подкрепляемая, однако, рядом несостоятельных с лингвистической точки зрения аргументов [Цыбикдоржиев, Батоева 2024]. Если предлагаемое нами сопоставление названий *хайхи* ~ *хаэхи* и *сайгууд* как двух форм одного исходного этнонима, то еще одним существенным доводом в пользу невозможности его отождествления с *хойхо* является тот факт, что сведения, приведенные в цитируемых выше дневниках полевой экспедиции, четко разводят друг с другом сообщества, именуемые *хайхи* ~ *хаэхи* и *хойхо*. Этноним *хойхо*, содержащий огубленный гласный в первом слоге и в двух позициях фарингальный *h*, восходил бы к совершенно иной исходной форме. Это, впрочем, требует специальной работы.

Источники и литература

Архив отдела письменных памятников Востока ИМБТ СО РАН (Архив ОППВ ИМБТ СО РАН: № 1984 (Цыдендамбаев Ц. Б. Дневник № 1 диалектологической экспедиции Боханского отряда 1963 г.), № 2081/1 (Материалы Закаменско-Джидинской диалектологической экспедиции. Руководитель И. Д. Бураев. 1968 г. – Блокнот № 1 по сбору материала по программе атласа. Село Хамней Закаменского района. Май – июнь 1968 г. Начальник отряда И. Д. Бураев. Записи Н. Б. Дугарова. – 95 л.), № 2081а/1 (Материалы Закаменско-Джидинской диалектологической экспедиции. Руководитель И. Д. Бураев. 1968 г. – Блокнот № 1 по сбору материала по программе атласа. Село Хамней Закаменского района. Июнь 1968 г. Начальник отряда И. Д. Бураев. Записи А. Н. Содномова. – 90 л.).

Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии / С. М. Абрамзон; под ред. Г. Ф. Дебеца // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – 1960. – Т. IV. – С. 3–137.

Бабуев С. Д. Из родословных закаменских бурят / С. Д. Бабуев // Байкал. – 1996. – № 4. – С. 131–142.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. I: Булагаты и эхириты / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 364 с.

Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования) / Ц. Б. Будаев. – Новосибирск: Наука, 1992. – 217 с.

Винников Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии / Я. Р. Винников // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции: в 5 т. Т. 1 / под ред. Г. Ф. Дебеца. – Фрунзе: АН СССР, 1956. – С. 136–181.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика / Б. Я. Владимирцов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – XII, 436 с.

Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX вв.) / Г. Р. Галданова. – Новосибирск: Наука, 1992. – 182 с.

Киргизско-русский словарь (Кыргызча-орусча сөздүк): в 2 кн. Кн. 1: А – К / сост. К. К. Юдахин. – Фрунзе: Советская энциклопедия, 1985. – 503 с.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I / отв. ред. В. А. Ромодин. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

Нанзатов Б. З. Китойская управа (этнический состав и расселение китойских и байлейских бурят) / Б. З. Нанзатов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2014. – № 1(13). – С. 117–125.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. Ч. 2. Стб. 1117–2230 / В. В. Радлов. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1911. – 107 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В. И. Рассадин. – М.: Наука, 1982. – 199 с.

Рассадин В. И. Присаянская группа бурятских говоров / В. И. Рассадин. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. – 217 с.

«Собрание историй» Маджму' ат-Тавāййх / фотогр. репрод. отр. рук. текста, введ., указатели; подг. к изд. А. Т. Тагирджанов. – Л.: Изд-во Ленигр. ун-та, 1960. – 202 с.

Цыбикдоржиев Д. В. Ветви племени хойхо в этнической Бурятии и за ее пределами / Д. В. Цыбикдоржиев, Д. Б. Батоева // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2024. – № 4(56). – С. 57–63.

Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении / Ц. Б. Цыдендамбаев. – М.: Наука, 1979. – 148 с.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. III: Türkische Elemente im Neupersischen / G. Doerfer. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967. – (2), 670 S.

Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Part 2: The consonants. n, x, γ, b, p, s, š. – Bloomington: Mongolian Society, 1984. – P. 205–464.

Mongolian-English Dictionary / ed. by F. D. Lessing; compiled by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin, F. D. Lessing. – Berkeley: University of California Press, 1960. – XVII, 1217 p.

Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies / N. Poppe. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955. – 300 p.

Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch / G. J. Ramstedt. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. – XXX, 560 s.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen / M. Räsänen. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. – 533 S. – (Lexica societatis Fenno-Ugricae. – XVII/1).

References

Архив отдела пис'mенных памятников Востока IMBT СО РАН (Архив OPPV IMBT СО РАН: № 1984 (Cydenambayev C. B. Dnevnik № 1 dialektologicheskoy ekspedicii Bohanskogo otryada 1963 g.), № 2081/1 (Materialy Zakamensko-Dzhidinskoy dialektologicheskoy ekspedicii. Rukovoditel' I. D. Buraev. 1968 g. – Bloknot № 1 po sboru materiala po programme atlasa. Selo Hamnej Zakamenskogo rajona. Maj – iyun' 1968 g. Nachal'nik otryada I. D. Buraev. Zapisi N. B. Dugarova. – 95 l.), № 2081a/1 (Materialy Zakamensko-Dzhidinskoy dialektologicheskoy

ekspedicii. Rukovoditel' I. D. Buraev. 1968 g. – Bloknот № 1 po sboru materiala po programme atlasa. Selo Hamnej Zakamenskogo rajona. Iyun' 1968 g. Nachal'nik otryada I. D. Buraev. Zapisi A. N. Sodnomova. – 90 l.).

Abramzon S. M. Etnicheskij sostav kirgizskogo naseleniya Severnoj Kirgizii / S. M. Abramzon; pod red. G. F. Debeca // Trudy Kirgizskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii. – 1960. – T. IV. – S. 3–137.

Babuev S. D. Iz rodoslovnih zakamenskih buryat / S. D. Babuev // Bajkal. – 1996. – № 4. – S. 131–142.

Baldaev S. P. Rodoslovnnye predaniya i legendy buryat. Ch. I: Bulagaty i ekhurity / S. P. Baldaev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1970. – 364 s.

Budaev C. B. Buryatskie dialekty (opyt diahronicheskogo issledovaniya) / C. B. Budaev. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 217 s.

Vinnikov Ya. R. Rodo-plemennyj sostav i rasselenie kirgizov na territorii Yuzhnoj Kirgizii / Ya. R. Vinnikov // Trudy Kirgizskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii: v 5 t. T. 1 / pod red. G. F. Debeca. – Frunze: AN SSSR, 1956. – S. 136–181.

Vladimircov B. Ya. Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i halhasskogo narechiya. Vvedenie i fonetika / B. Ya. Vladimircov. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1929. – XII, 436 s.

Galdanova G. R. Zakamenskie buryaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX vv.) / G. R. Galdanova. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 182 s.

Kirgizsko-russkij slovar' (Kyrgyzcha-oruscha sozdyk): v 2 kn. Kn. 1: A – K / sost. K. K. Yudahin. – Frunze: Sovetskaya enciklopediya, 1985. – 503 s.

Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii. Vyp. I / otv. red. V. A. Romodin. – M.: Nauka, 1973. – 280 s.

Nanzatov B. Z. Kitojskaya uprava (etnicheskij sostav i rasselenie kitojskikh i balejskikh buryat) / B. Z. Nanzatov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2014. – № 1(13). – S. 117–125.

Radlov V. V. Opyt slovary tyurkskikh narechij. T. IV. Ch. 2. Stb. 1117–2230 / V. V. Radlov. – SPb.: Tip. Imp. akad. nauk, 1911. – 107 s.

Rassadin V. I. Ocherki po istoricheskoy fonetike buryatskogo yazyka / V. I. Rassadin. – M.: Nauka, 1982. – 199 s.

Rassadin V. I. Prisayanskaya gruppa buryatskikh govorov / V. I. Rassadin. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1996. – 217 s.

«Sobranie istorij» Madzhmū' at-Tavārīh / fotogr. reprodukcii ruk. teksta, vved., ukazateli; podg. k izd. A. T. Tagirdzhanov. – L.: Izd-vo Lenigr. un-ta, 1960. – 202 s.

Cybikdorzhiev D. V. Vetvi plemeni hojho v etnicheskoy Buryatii i za ee predelami / D. V. Cybikdorzhiev, D. B. Batoeva // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2024. – № 4(56). – S. 57–63.

Cyendambaev C. B. Grammaticheskie kategorii buryatskogo yazyka v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii / C. B. Cyendambaev. – M.: Nauka, 1979. – 148 s.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. III: Türkische Elemente im Neupersischen / G. Doerfer. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967. – (2), 670 S.

Krueger J. R. Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Part 2: The consonants. n, x, γ, b, p, s, š. – Bloomington: Mongolian Society, 1984. – P. 205–464.

Mongolian-English Dictionary / ed. by F. D. Lessing; compiled by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin, F. D. Lessing. – Berkeley: University of California Press, 1960. – XVII, 1217 p.

Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies / N. Poppe. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955. – 300 p.

Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch / G. J. Ramstedt. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. – XXX, 560 s.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen / M. Räsänen. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. – 533 S. – (Lexica societatis Fenno-Ugricae. – XVII/1).

УДК 294.321

ББК 63.3(29=)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-22-26

Д. С. Жамсуева

КУДАРИНСКИЙ ДАЦАН: АРХИВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИИ ВОЗВЕДЕНИЯ ХРАМА

На основании введенных в научный оборот новых архивных источников в статье рассматривается история становления, строительства, развития Кударинского дацана. Раскрывается история возведения как основного соборного храма, так и вспомогательных помещений монастырского комплекса. Приведенные достоверные документы, свидетельства, сведения, оставленные выдающимся востоковедом А. М. Позднеевым, позволяют пролить свет на историю строительства, штатный состав и монастырскую повседневность исследуемого храма.

Ключевые слова: буддизм, строительство дацана, культовая архитектура, цокчен дацан, буддийское достояние.

D. S. Zhamsueva

KUDARINSKIY DATSAN: ARCHIVAL EVIDENCE ON THE HISTORY OF THE CONSTRUCTION OF THE TEMPLE

On the basis of new archival sources introduced into scholarly circulation, this article examines the history of the establishment, construction, and development of the Kudarinsky Datsan. It elucidates the history of the erection of both the main cathedral temple and the auxiliary buildings of the monastic complex. The reliable documents, testimonies, and data presented – left by the prominent orientalist A. M. Pozdneyev – shed light on the construction history, the official staff composition, and the monastic everyday life of the temple under study.

Keywords: Buddhism, datsan construction, cult architecture, tsokchen datsan, Buddhist heritage.

Кударинский дацан, также известный под тибетским названием Тубдэн-Даржа-Линг, являлся приходским храмом, духовенство которого удовлетворяло запросы мирян, связанных с различными случаями жизни верующих, причисленных к данному дацану. Миряне же, в свою очередь, по мере возможности способствовали обеспечению минимальным необходимым быта монахов.

В бурятском обществе первоначально основание дацана, характер и границы его прихода, управление общиной монахов определялось родовыми принципами: он учреждался родовым культовым обществом, территория прихода определялась расселением родовых групп, административные подразделения аймаков общины монахов строилось по принципу родовой общности, составу родственных групп, входящих в приход дацана.

У селенгинских бурят эти родовые принципы действовали иначе, поскольку лево- и правобережье Селенги были конгломератом разнородных выходцев из Монголии, этнический состав которых насчитывал более 80 компонентов: «На примере этнического состава селенгинских бурят хорошо прослеживается формирование сложных многоступенчатых идентичностей, выявляемых в настоящее время, в которых смешиваются локальные, территориальные, административные и племенные представления» [Нанзатов 2019: 92]. Селенгинские клановые общности не являлись кровными родами, но были вторичными и третичными объединениями, которые возникали, распадались и вновь объединялись в процессе постоянных междоусобиц кочевников Центральной Азии.

Образование дацанов зависело от процессов культового обособления этнических групп. Поэтому его приход состоял из различных групп, консолидированных по кров-

ЖАМСУЕВА Дарима Санжиевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Федерального бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: darisan@rambler.ru.

ному родству или единству генеалогического происхождения. Количество дацанов у селенгинских бурят определилось в конце XVIII в. Селенгинская этнотерриториальная группа бурят – выходцев из Монголии – в условиях российской системы административных родовых ведомств стала объединяться по генеалогической родовой общности от тех «отцов», которые осели в Забайкалье. К концу XVIII в. процессы клановой интеграции и сегрегации у селенгинских бурят закончились, отпала необходимость основания новых дацанов.

Селенгинские дацаны первыми перешли на территориальный принцип деления структуры дацанского прихода, обусловленный этническими, социокультурными, экономическими и политическими факторами истории их основателей. К ним относятся следующие: Сартульский, 1707; Цонгольский, 1730; Гусиноозерский, 1741; Ацайский, 1743; Джидинский, 1749; Булдумурский, 1957; Гегетуевский, 1769; Аракиретский, 1769; Ичетуевский, 1773; Загустайский, 1769; Иройский, 1810; Кударинский, 1831; Янгажинский, 1730.

Документы ГАЗК от 1875 г. свидетельствуют, что территории, находящиеся в ведении Кударинского дацана, находились следующие родовые объединения: «с востока по межам крестьян Урлукской волости; с юга по границе с Китаем; с запада – штаб 1-ой конной бригады; с севера – межи крестьянских владений Урлукской волости. На территории прихода находится озеро Долон Нор, селение Кудара» [Ф. 1. Оп. 1. Д. 14997. Л. 41].

По сведениям А. М. Позднеева, к началу XX в. прихожане Кударинского дацана разделялись по своему местожительству на 4 отдела: «1. К юго-востоку в 10 верстах от дацана находится населенное урочище Тамирийн адак; отсюда 40 верст до истоков Кудары и далее более в восточном направлении 500 верст до Семиозерья... 2. Прямо на восток от дацана, приблизительно в 200 верстах от него находится урочище Аца, в котором также живут прихожане Кударинского дацана как кочевые ясачные инородцы, так и казаки; помимо сего здесь находятся и оседлые русские поселения. От Ацы считается 50 верст до Ямаровских минеральных вод, а от Ямаровки – 250 верст до Семиозерья. 3. От дацана до Мензинского караула около 200 верст; по этой дороге в 60-ти верстах от дацана находится Урлукский аймак бурят. 4. К югу от Кудары поселения прихожан Кударинского дацана находятся в 10 верстах; за ними далее следует так называемый “Дунда аймак” – в 25 верстах. По соседству с ним раскидывается по берегам рек Чикоя и Кудары почти половина населения “Ламахайн аймака”, между тем другая половина Ламахайского аймака проживает в пределах Ацы, Мензинского караула и Семиозерья. Общее число прихожан Кударинского дацана определяется в 1990 душ мужского, 1996 душ женского, а всего в 3986 обоего пола душ» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 51].

По сведениям 1875 г., родовой состав прихода Кударинского дацана составляло население ашебагатского рода – 613 чел., цонгольского – 3, казаков – 1384 чел. [ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1129. Л. 66]. По документальным материалам Государственного архива Республики Бурятия выявлено: «В конце XVII века представители нескольких эхиритских родов из Верхоленья и Западного Прибайкалья переселились в прибрежные степи на юго-восточном побережье озера Байкал между руслом Селенги и хребтом Улан-Бургасы. Позднее к ним присоединились выходцы из других родов, относящихся к булагатам, западно-монгольским и небольшим западно-бурятским этническим сообществам. Здесь, в Забайкалье, они создали анклав, который в дальнейшем оформился в этнотерриториальную группу, ставшую именоваться “кударинскими бурятами”. Кударинские буряты расселились небольшими улусами на берегу Байкала (по протокам дельты Селенги, впадающей в Байкал, по рекам Хараузе и Булане) и образовали здесь четыре рода: абызаевский, первый и второй чернорудские и сборный. Первые три рода принадлежали, в основном, к племени эхиритов, а последний был образован из разных родов булагатского (кудинские булагаты) и отчасти эхиритского племени» (цит. по: [Елаев 2025]). В настоящее время кударинские буряты «расселены на территории Кабанского района и сконцентрированы в нескольких населенных пунктах: Корсаково, Энхэлук, Дулан, Кудара, Ранжурово, Загза. Однако еще до середины XX столетия, до укрупнения поселений буряты широко проживали по улусам Хандалинской, Дологонской (Корсаков-

ской) и Барун-Кударинской (Твороговской) степей и на многочисленных островах устья Селенги, а также по побережью Байкала» [Нанзатов 2016: 21].

Наряду с перечисленными материалами, содержащими в основном фактический материал по истории родов, в 2010 г. опубликован сборник документов «Кударинская степная дума в документах Национального архива Республики Бурятия» [2010], ставший началом документальной серии «Устав М. М. Сперанского 1822 г.: органы местного самоуправления бурят».

Хронология постройки Кударинского дацана, а также место его расположения отражает процесс распространения буддизма в этнической Бурятии. А. М. Позднеев, посетивший в 1909 г. Кударинский дацан, ознакомившись с его архивом, отмечает, что Кударинский дацан «до 1831 года представлял собой кочевой монастырь и помещался в войлочной юрте. В означенном году кударинские буряты пришли к заключению, что такое непрочное помещение не пригодно для дацана, так как в войлочной юрте при каждом дожде и ином виде распространения сырости портятся бурханы, книги, в целом всякого рода принадлежности и утварь дацана. Приступив к постройке деревянного дацана, они в выразили необходимость оформления. И в ноябре 1831 г. обратились с прошением к иркутскому губернатору, испрашивая его ходатайства “о разрешении им построить при речке Кудари новый деревянный дацан о пяти главах с одним при нем молитвенным домом, или сумэ”, для каковой цели ими уже была собрана сумма, размер которой по справкам, доставленным в Иркутское губернское правление на русском языке Верхнеудинским окружным управлением от 22 января 1832 г., за № 170, определялся в сумме до 8 руб.; по бурятскому переводу того же документа, – до 8 тыс. руб.; а по документу, последовавшему от Хамбо-ламы, – до 800 руб. Надо признать, что последняя из этих сумм должна быть более правильной, так как за это ручаются и размеры постройки самого дацана» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 51].

Кударинский дацан, постройка которого была завершена в 1832 г., о чем записано в положении Иркутского гражданского губернатора от 5 февраля 1832 г. за № 463, и простоял он «без всяких поправок около 30-ти лет» [Там же. Л. 49]. В ГАЗК датой основания дацана указан 1831 год. Также и дата возведения два малых храмов – Докшит и Хурдэ, основанных в том же, 1831 г. [Ф. 1. Оп. 1. Д. 2876. Л. 7].

В 1861 г. прихожане Кударинского дацана возбудили ходатайство о необходимости ремонта своего дацана, причем ими была сделана подписка добровольных пожертвований, о чем свидетельствует сохранившееся в архиве дацана «отношение Правления 4-ой сотни 2-го конного полка от 24 июля 1863 г., за № 544 к ширетую Кударинского дацана, коим Правление уведомляло, что вследствие отношения ширетуя, оно сделало распоряжение о понуждении нижних чинов 4-й сотни к скорейшей доставке денег пожертвованных ими для исправления Кударинского дацана. Исправления эти начались в 1864-м году (по крайней мере, с этого года вышеупомянутое Правление стало назначать казака Дорджи Аюшиева для счетоводства по приходу и расходу сумм, потреблявшихся на ремонтировку дацана) и окончилось в 1869 г., и к этому году в Кударинский дацан приезжал для освящения дацана тогдашний Хамбо-лама Ванчиков, преподавший в ту пору обеты гэлун и барма-рабджуна нынешнему ширетую Кударинского дацана Найданову. Одновременно с ремонтом дацана было исправлено и состоящее при нем малое сумэ в честь бурхана Аюши» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 49].

Необходимо отметить, что с 1853 по 1910 г. заново возведены главные храмы в 24 дацанах, перестроены, расширены и переоборудованы второстепенные сумэ почти во всех дацанах.

Что касается второй числящейся при Кударинском дацане кумирни Хурдэ, то по описанию очевидца, «это даже не кумирня и не сумэ. Известно, что у ламантов существует особого рода молитвенный прибор, представляющий собой деревянный цилиндр, который наполняется миллионом начертания шестисложной формулы: “Ом-мани-пад-мэ-хум”; прием, по их верованию, каждое круговращение этого цилиндра равняется чтению миллиона раз этой формулы. Сказанный прибор называется “Манийн хурду”, или сокращенно просто “Хурду”, и он-то в 1839 г. был воздвигнут в Кударинском дацане при следующих обстоятельствах» [Там же].

Из записей А. М. Позднеева, находящихся в фондах ИВР РАН, известно, что «сотник Ашибагатского казачьего полка Лубсан-Дамба Лумбунов в течение 7, 8 лет перед сим страдал каким-то наведенным на него злыми духами недугом и, наконец, избавился от своей болезни. 25 января 1839 г. он обратился к Хамбо-ламе с прошением, в котором ходатайствовал о разрешении ему, в благодарность за избавление от понесенных страданий и в молитвенное прошение себе долголетия, построить при Тубдэн-Дорчжалинском дацане “манийн хурду” на благо веры и живых существ. Разумеется, со стороны Хамбо-ламы не встретилось для сего никаких препятствий, и г. Лумбунов, соорудив свое “манийн хурду”, по обычаю поставил его в 9-ти аршинном деревянном срубе, построенном по образцу обыкновенного, холодного, без печей домика. Это и есть то, что называется в Кударинском дацане “Хурдуни сумэ” или кумирнею Курдуна. Каких-либо служений или хуралов здесь никогда не совершается, и верующие заходят сюда только для того, чтобы обойти вокруг хурду и несколько раз повернуть его» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 133. Л. 49].

Стоимость здания со всеми его наружными украшениями монастырское казначейство оценивает в 5858 руб. 19 коп., а двух малых сумэ – в 456 руб. 19 коп.; находящиеся в кумирнях бурханы и вся кумиренная утварь, по подсчетам лам, стоит 7688 руб. 15 коп.; общая же стоимость дацанских имуществ определяется в 14002 руб. 53 коп. Окружающие дацан заборы, хозяйственные постройки, чаеварни, амбары и пр. оцениваются в 374 руб., а стоимость хранящихся в них котлов, ковшей, чашек, чайников и пр. – 451 руб.

В начале XX в. в комплекс Кударинского дацана входили отдельные постройки, как хозяйственного назначения, так и ритуальные помещения. Жилые здания и стоящие за заборами постройки, окружающие дацан, представляли часть собственности прихожан дацана, но в большинстве своем принадлежали состоящим при дацане штатным и нештатным ламам. Общее число таких дворов с жилыми постройками было 37 [Там же. Л. 50].

«Население дацана, по словам настоятеля, составляло, во-первых, 8 чел. штатных лам; во-вторых, не состоящих в штате, но уже принявших обеты монашества и частью проживающих при Кударинском дацане ради изучения правил своего вероучения, а частью проживающих с той же целью при других дацанах и, наконец, сполна усвоивших себе богослужебный и вероучительный круг лиц, – при дацане считается до 200 чел. Из их числа, пожелавших принять участие в совершавшемся в период моей поездки годовом хурале “Яра” оказалось и собралось к дацану всего 24 чел. Малолетков, поступивших в дацан, принявших обеты и изучающих тибетскую и монгольскую грамоту, а ровно и круг дацанских чтений приблизительно 12 чел.; русского языка и грамоты из них никто не изучает» [Там же].

К сожалению, мы не располагаем сведениями о разрешении открытия типографии, но известно, что при дацане имелась небольшая типография. Список ксилографических досок, содержащих сочинения большого формата, приводим так, как описал А. М. Позднеев:

«1) Чжанчиб-ламримун тогмар лочжам 63 доски, ценою	2 р. 50 к.
2) Лорик-домцок 7 досок, ценою	1 р. 40 к.
3) Лорикъ намшик 37 досок, ценою	7 р. 40 к.
4) Дансок рикбийн домцок, 10 досок	2 р.
5) Дагрик-намшик 60 досок	12 р.
6) Донъдон чжу намшик 28 досок	5 р. 60 к.
7) Монгольское Тарба-чэнбо 105 досок	21 р.
8) Бицзэя субурган 1 доска	1 р.
9) Чокчой хорло – 10 досок	2 р.
10) Интчжи моншил 11 досок	2 р. 20 к.
11) Тойсом хомсомун намшит 18 досок	3 р. 60 к.
б) малого формата:	
12) Дорчжэ чжотба 78 досок	7 р. 80 к.
13) Тоже 88 досок, ценою	8 р. 80 к.

Общая стоимость типографских досок Кударинского дацана определяется в 87 р. 40 к.» [АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп.1. Д. 133. Л. 51].

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации») № 125091010220-3.

Источники и литература

Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (АВ ИВР РАН): ф. 44, оп. 1, д. 133.

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК): ф. 1, оп. 1, д. 1129; ф. 1, оп. 1, д. 2876; ф. 1, оп. 1, д. 14997.

Елаев А. А. Кударинской степной думе – 200 лет [Электронный ресурс] / А. А. Елаев // Официальный сайт Государственного архива Республики Бурятия. – Режим доступа: <https://gbu-garb.ru/novosti/kudarinskoj-stepnoj-dume-200-let.html> (дата обращения: 29.05.2026).

Кударинская степная дума в документах Национального архива Республики Бурятия / сост. Б. Ц. Жалсанова. – Улан-Удэ: [б. и.], 2010. – 247 с.

Нанзатов Б. З. Кударинские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение / Б. З. Нанзатов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2016. – № 4(24). – С. 20–29.

Нанзатов Б. З. Селенгинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение (северный и центральный ареалы) / Б. З. Нанзатов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2019. – № 3(35). – С. 79–95.

References

Arhiv vostokovedov Instituta vostochnyh rukopisej Rossijskoj akademii nauk (AV IVR RAN): f. 44, op. 1, d. 133.

Gosudarstvennyj arhiv Zabajkal'skogo kraja (GAZK): f. 1, op. 1, d. 1129; f. 1, op. 1, d. 2876; f. 1, op. 1, d. 14997.

Elaev A. A. Kudarinskoj stepnoj dume – 200 let [Elektronnyj resurs] / A. A. Elaev // Oficial'nyj sajt Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Buryatiya. – Rezhim dostupa: <https://gbu-garb.ru/novosti/kudarinskoj-stepnoj-dume-200-let.html> (data obrashcheniya: 29.05.2026).

Kudarinskaya stepnaya дума v dokumentah Nacional'nogo arhiva Respubliki Buryatiya / sost. B. C. Zhalsanova. – Ulan-Ude: [b. i.], 2010. – 247 s.

Nanzatov B. Z. Kudarinskie buryaty v XIX veke: etnicheskij sostav i rasselenie / B. Z. Nanzatov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2016. – № 4(24). – S. 20–29.

Nanzatov B. Z. Selenginskie buryaty v XIX v.: etnicheskij sostav i rasselenie (severnij i central'nyj arealy) / B. Z. Nanzatov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2019. – № 3(35). – S. 79–95.

УДК 94(571.53)

ББК 63.3(2Рос54)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-27-34

Н. И. Гаврилова, Л. М. Дамешек

ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНЕ ГОРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ
ОБЛАСТИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ
И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ.
1867–1915 гг. Ч. 1

В статье на основе материалов РГИА воссозданы социальные характеристики корпуса почетных граждан городов Забайкальской области. Компаративный анализ статистических сведений о присуждении почетного звания в городах десяти губерний и областей Сибири, Дальнего Востока и Степного края за 1863–1915 гг. позволил выявить специфику состава награжденных в области. Представлена динамика численности почетных граждан городов Забайкалья, раскрыты особенности количественного роста их состава в областном центре и уездных городах.

Ключевые слова: почетный гражданин города, Забайкальская область, городская дума, общественная инициатива, генерал-губернатор, губернатор, купечество.

N. I. Gavrilova, L. M. Dameshek

HONORARY CITIZENS OF THE TOWNS
OF THE TRANSBAIKALIAN REGION: QUANTITATIVE
AND SOCIO-PROFESSIONAL COMPOSITION. 1867–1915. Part 1

This article, based on materials from the Russian State Historical Archives, reconstructs the social characteristics of the corps of honorary citizens of the cities of the Transbaikalian Region. A comparative analysis of statistical data from 1863 to 1915 on the awarding of honorary titles in cities across ten provinces and regions of Siberia, the Far East, and the Steppe region revealed the specific characteristics of those awarded in the region. The dynamics of the number of honorary citizens of Transbaikalian towns are presented, revealing the patterns of their quantitative growth in the regional capital and district towns.

Keywords: Honorary citizen, Transbaikalian Region, town council, public initiative, governor-general, governor, merchants.

Формирование корпуса почетных граждан российских городов началось в 1863 г. В пореформенный период присуждение этого звания стало «исключительной формой выражения признательности и благодарности городского общества за деятельность на пользу города, а также данью уважения к лицам, имеющим особые заслуги перед отечеством» [Нардова 1999: 211]. Решение о награждении принадлежало органам городского самоуправления, а не государственным структурам, что приобретает существенное значение при изучении развития общественной инициативы в городах в пореформенный период.

В современной историографии изучение почетного гражданства сибирских городов ведется главным образом на примере губернских и областных центров [Гаврилова 2025: 66]. Вместе с тем представляется перспективным исследование корпуса почетных граждан в границах отдельных губерний и областей как целостных административ-

ГАВРИЛОВА Наталья Игоревна – кандидат исторических наук, доцент; старший научный сотрудник научно-исследовательского центра отечественной истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Байкальский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: nig2312@yandex.ru.

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского центра отечественной истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Байкальский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: Levdameshkek@gmail.com.

но-территориальных единиц с исторически сложившейся сетью городских поселений, что позволяет выявить особенности присвоения почетного звания в городах различного уровня, специфику социального состава награжденных в губернских/областных, уездных/окружных и безуездных городах.

В статье представлены результаты исследования количественного и социально-профессионального состава почетных граждан городов Забайкалья как административно-территориального образования с ярко выраженной спецификой. Образованная в 1851 г. Забайкальская область рассматривалась в качестве плацдарма для усиления российского влияния во Внутренней Азии [Кальмина 2016: 190; Дамешек Л., Дамешек И. 2019: 17–18]. Законодательной инициативе принадлежала главенствующая роль и в развитии городов Забайкалья, изменении их статусных позиций [Паликова 2010: 27–28; Кальмина 2017а: 13; б: 33, 37; 2021: 296].

Характеристика корпуса почетных граждан городов Забайкалья еще не стала предметом самостоятельного изучения. В качестве исследовательской проблемы тема была обозначена в статье «Почетные граждане города Чита, почетное звание» [Дроботушенко, Лыцусь]. Существенное значение имеют работы Т. А. Константиновой [2001], Т. В. Паликовой и др. [2010] [Паликова, Кальмина, Мишакова 2007], Н. Б. Свиридовой, Т. В. Паликовой [2022], В. А. Щербака [2022], С. К. Лямина, В. А. Ловцова [2025], А. В. и Н. Н. Константиновых [2020], содержащих богатый материал о почетных гражданах Читы, Верхнеудинска, Нерчинска и Акши [Шильдер-Шульднер 1906: 25; Решетников... 1931: 1328]. Подчеркнем, что характеристики социальных общностей различного типа выступают сферой устойчивого интереса региональной историографии [Дамешек Л., Дамешек И. 2019]. Методологические основы их изучения, широкое применение компаративного метода нашли отражение и в настоящем исследовании.

Основу источниковой базы составил рабочий Список почетных граждан городов [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 312. 204 л.], который вели в Хозяйственном департаменте МВД, а в начале XX в. – в Главном управлении по делам местного хозяйства. В научный оборот источник был введен В. А. Нардовой [1999: 211–212] – первой в современной историографии обратившейся к анализу института почетного гражданства городов России. Сведения Списка, охватывающие период с 28 июля 1863 г. по 9 июля 1915 г., заносились в таблицу по рубрикам: 1) лица, которым присвоено звание почетного гражданина города; 2) города, звание почетного гражданина которых присвоено указанным лицам; 3) дата высочайшего соизволения на присвоение звания почетного гражданина города; 4) за какие заслуги присвоено звание почетного гражданина города (рубрика добавлена 6 апреля 1897 г.) [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 312. Л. 114]. Подчеркнем, что данный источник является наиболее полным перечнем лиц, удостоенных высочайшее утверждение звания почетного гражданина города. Содержащиеся в нем сведения позволили нам существенно уточнить состав почетных граждан сибирских городов.

Также привлечены материалы ГАИО о присуждении почетного гражданства М. С. Корсакову [Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. К-1650; д. 97. К-1756], Н. П. Дитмару [Там же. Д. 61. К-1651], Н. М. Мартьянову [Там же. Д. 671. К-1985]. Ряд из них вводится в научный оборот впервые.

Согласно Списку, почетное гражданство в городах Забайкальской области было высочайше утверждено 12 лицам. Имеющиеся в литературе сведения позволили расширить общий перечень до 13 чел.: в 1891 г. звание почетного гражданина Нерчинска было присвоено А. К. Кузнецову [Константинов, Константинова 2020: 107] (табл.).

Всего в течение 1863–1915 гг. звание почетного гражданина города было высочайше утверждено по ходатайству городских дум более 2 тыс. раз [Нардова 1999: 212]. Из них 133 было вынесено органами общественного управления 38 городов десяти губерний и областей Азиатской России (в силу ярко выраженных социокультурных особенностей области Туркестанского генерал-губернаторства нами не учитывались) [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 312. 204 л.]. Каждое 10-е ходатайство (13 из 133, или 9,8 %) приходилось на забайкальские города.

Таблица

Почетные граждане городов Забайкальской области (1867–1915)

№ п/п	Ф. И. О.	Социальный статус награжденного лица	Дата высочайшего соизволения на присвоение звания почетного гражданина города	За какие заслуги присвоено звание почетного гражданина города
1	2	3	4	5
Чита				
1	Дитмар Николай Петрович	Исправляющий должность военного губернатора Забайкальской области*	17.11.1867	
2	Ильяшевич Лука Иванович	Бывший военный губернатор Забайкальской области, генерал-майор	02.02.1890	
3	Мацевский Евгений Осипович	Генерал-лейтенант	15.11.1901	Сочувственное отношение к интересам и нуждам города*
4	Игнатьева Мария Дионисьевна	Вдова читинского купца	11.03.1914	Дар городу благоустроенного ночлежного дома, оцененного в 40 тыс. руб.
Верхнеудинск				
5	Фролов Иакинф Петрович	Купец I гильдии	08.01.1898	
6	Фролов Петр Аввакумович		02.01.1903	Значительные пожертвования на нужды городского общества (31,5 тыс. руб.)
7	Кукель Елизавета Ивановна	Вдова генерала от инфантерии	06.02.1915	За пожертвование в пользу города недвижимого имущества стоимостью 50 тыс. руб.
Акша				
8	Шильдер- Шульднер Николай Юрьевич	Коллежский советник, бывший Акшинский уездный начальник	22.01.1904	Содействие в деле учреждения общественного собрания, попечительство о бедных и пр.

Окончание табл.

1	2	3	4	5
9	Решетников Анатолий Платонович	Коллежский советник, бывший Акшинский уездный врач	20.04.1907	Безвозмездное лечение жителей в течение 23 лет
10	Бек Евгений Владимирович	Бывший старший врач Акшинской войсковой больницы, медицинский инспектор Нерчинского округа ведомства Кабинета Е. И. В., доктор медицины, статский советник	21.02.1913	Бескорыстная врачебная помощь страждущему населению города и устройство общественного дома для народных развлечений
Селенгинск				
11	Малыгин Алексей Петрович	Селенгинский купеческий сын	29.12.1909	Пожертвования на нужды неимущего населения города, церковные и общественные
Нерчинск				
12	Кузнецов Алексей Кириллович		1891	
13	Суровцев Михаил Федорович	Нерчинский мещанин, частный поверенный, председатель совета Общества о начальном образовании в г. Нерчинске и председатель наблюдательного комитета Нерчинской с/х школы им. государя императора Николая II	29.11.1914	Многолетняя общественная деятельность и выдающиеся труды по делу народного образования, в частности создание в городе с/х школы имени государя императора Николая II

* – сохранены формулировки, содержащиеся в источнике.

Сост. по: [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 312. Л. 17, 91об., 125об., 115, 134об., 201об., 142, 155об., 186об., 166об., 199; Константинов А., Константинова Н. 2020: 107].

Показатели численности почетных граждан городов Забайкалья находились в одном диапазоне с аналогичными данными по другим губерниям и областям Восточной Сибири. К середине 1915 г. 18 почетных граждан насчитывалось в городах Иркутской губернии, 15 – в городах Енисейской губернии, 13 – в городах Якутской области. Наибольшее же число высочайше утвержденных ходатайств выдвинули муниципалитеты Тобольской (25 приговоров) и Томской (22 приговора) губерний. На порядок ниже была численность корпуса почетных граждан городов Дальнего Востока и Степного края. В Приморском крае почетного звания были удостоены 9 чел., в городах Амурской области – 7, Акмолинской области – 6, Семипалатинской области – 5 чел.

Большая часть корпуса почетных граждан городов Забайкалья сосредотачивалась в уездных центрах (69,2 %; 9 из 13 чел.). Трижды ходатайствовала о присуждении награды Верхнеудинская городская дума (1898, 1903, 1915), трижды инициировали награждение уполномоченные Акши (1904, 1907, 1913), дважды – уполномоченные Нерчинска (1891, 1914). Но почетного гражданина города избрали в Селенгинске (1909).

Превалирование доли награжденных в уездных городах было характерно и для других сибирских губерний, расположенных западнее Забайкальской области (Енисейской – 26,7 %, Томской – 36,4, Тобольской – 24 %) [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 312. 204 л.]. Но города Дальнего Востока и Якутской области отличало возрастание доли почетных граждан в областных центрах.

Составленный в Хозяйственном департаменте МВД Список не содержит данных о почетных гражданах Троицкосавска и Баргузина. Уточнить сведения удалось благодаря отложившемуся в ГАИО приговору Кяхтинского городского общества от 30 ноября 1865 г. о присвоении звания «кяхтинского почетного гражданина» генерал-губернатору М. С. Корсакову в знак благодарности за «ходатайство о пожертвовании городу каменных зданий бывшей кяхтинской таможни и разных пожарных инструментов», «а также особое внимание и попечение о благе и пользе нашего города» [ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 20. К-1650. Л. 1–2]. Инициатива стала одним из первых решений о награждении, вынесенных городскими обществами Забайкальской области. Однако сведений о высочайшем соизволении на принятие М. С. Корсаковым звания обнаружить не удалось (в связи с этим данная кандидатура не учитывается нами при подсчете общего числа почетных граждан городов Забайкалья).

Первым же высочайше утвержденным в звании стал военный губернатор Н. П. Дитмар. С ходатайством о его награждении в знак благодарности «за полезные услуги, оказанные городу в три года управления областью» [Там же. Д. 61. К-1651. Л. 2–5] читинское городское общество выступило 25 августа 1866 г., спустя несколько месяцев после подобной инициативы кяхтинцев.

Областной центр Забайкалья вошел в первую пятерку городов Азиатской России, решения которых положили начало формированию корпуса почетных граждан российских городов за Уралом. Первые три ходатайства от Тобольска, Семипалатинска и Красноярска были утверждены 6 августа 1865 г. [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 312. Л. 5об., 6–7]. Инициативы сибиряков соответствовали общей тенденции повышения внимания обществ российских городов к присуждению почетного звания. Если в 1863 г. было подано и высочайше утверждено 2 ходатайства, в 1864 г. – 6, то в 1865 г. поступило 59 приговоров [Нардова 1998: 172–173]. Подавляющее большинство (39) из них касалось руководителей местной администрации.

В 1866 г. утверждено ходатайство от Омска [РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 312. Л. 10]. Пятым городом стала Чита: 17 ноября 1867 г. последовало высочайшее соизволение на принятие почетного звания губернатором Н. П. Дитмаром [Там же. Л. 17].

Отмеченный в литературе «запаздывающий» характер количественного роста корпуса почетных граждан городов Сибири [Гаврилова 2025: 66] был характерен и для городов Забайкалья. До 1900 г. звание было присвоено 4 раза из 13, в то время как для городов европейской части России 1863–1870-е гг. явились периодом наивысшего роста численности награжденных (около 40 % от общего числа) [Нардова 1999: 213–215; Гаврилова 2025: 62].

В сибирских городах число почетных граждан значительно увеличивается в конце 1880-х – 1890-е гг. и в 1910-е гг., что соответствовало периодам активизации общественной деятельности городских дум региона [Гаврилова 2025: 62]. Эта же тенденция была характерна и для городов Забайкалья. С начала 1890-х гг. присвоение почетного звания вошло в практику деятельности дум уездных городов области. В 1891 г. уполномоченные Нерчинска вынесли решение о награждении общественного деятеля города, создателя Нерчинского музея А. К. Кузнецова. Как отмечают А. В. и Н. Н. Константиновы, «после посещения музея цесаревичем Николаем (1891 г.), который пробыл здесь, к удивлению жителей, более часа, пожертвовал музею 500 руб. и подарил Кузнецову бриллиантовую булавку, отношение к нему и его детищу изменилось: вскоре Кузнецов стал почетным гражданином Нерчинска» [2020: 107]. В 1898 г. городская дума Верхнеудинска избрала почетным гражданином купца I гильдии И. П. Фролова в награду за его благотворительную деятельность.

В течение 1901–1915 гг. число отмеченных званием в городах Забайкалья возрастает (звание получили 9 из 13 чел.). Подавляющая часть ходатайств исходила от уездных

городов области (7 из 9). Подобный социальный тренд демонстрировали и другие малые города Сибири и Дальнего Востока.

В целом корпус почетных граждан городов Забайкалья характеризовался чертами, присущими подобным группам в других губерниях и областях Восточной Сибири. Однако в случае Забайкальской области показатели являлись «пограничными»: наименьшими для губерний Восточной Сибири, но значительно большими для областей Дальнего Востока. Другим значимым маркером формирования корпуса почетных граждан городов Забайкалья следует признать существенную активность уездных городов в присуждении почетного звания. По этому параметру характеристики почетного гражданства городов Забайкальской области приближались к аналогичным показателям в городах Западной Сибири.

Источники и литература

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 24, оп. 1, д. 20, к-1650; д. 61, к-1651; д. 97, к-1756; д. 671, к-1985.

Российский государственный исторический архив (РГИА): ф. 1287, оп. 38, д. 312.

Гаврилова Н. И. Формирование корпуса почетных граждан городов Сибири (1865–1916 гг.) / Н. И. Гаврилова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2025. – Т. 32. – № 3. – С. 59–68.

Дамешек Л. М. Социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Азиатской России в свете одного юбилея (к 210-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2019. – № 3(35). – С. 10–23.

Дроботушенко Н. Е. Почетный гражданин города Чита, почетное звание [Электронный ресурс] / Н. Е. Дроботушенко, А. И. Лыцусь // Энциклопедия Забайкалья. – Режим доступа: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=5250> (дата обращения: 20.12.2025).

Кальмина Л. В. Забайкальская область – геополитический проект самодержавия / Л. В. Кальмина // Власть. – 2016. – № 9. – С. 190–195.

Кальмина Л. В. Бюджетная политика Забайкальских городов в 1870–1910-е гг. / Л. В. Кальмина // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2017а. – № 3(27). – С. 7–14.

Кальмина Л. В. Бюджетная политика Забайкальских городов в 1870–1910-е гг. / Л. В. Кальмина // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2017б. – № 4(28). – С. 33–41.

Кальмина Л. В. Геополитика как «арбитр» в экономическом соревновании забайкальских городов (середина XIX – начало XX в.) / Л. В. Кальмина // Историко-экономические исследования. – 2021. – Т. 22. – № 2. – С. 279–299.

Константинова Т. А. Губернаторы Забайкалья, 1851–1917 гг. / Т. А. Константинова. – Чита: Госархив, 2001. – 89 с.

Константинов А. В. «Ввиду выдающихся заслуг»: к 175-летию Алексея Кирилловича Кузнецова / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 4. – С. 102–113.

Лямин С. К. И. А. Тарасенко-Отрешков и Н. Ю. Шильдер-Шульднер: факторы карьерной неуспешности вице-губернаторов в Российской империи начала XX века / С. К. Лямин, В. А. Ловцов // Вестник архивиста. – 2025. – № 1. – С. 186–203.

Нардова В. А. Институт Почетного гражданства городов в дореволюционной России (правовой аспект) / В. А. Нардова // Россия в XIX–XX вв. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – С. 171–182.

Нардова В. А. Институт Почетного гражданства городов в дореволюционной России (количественный и социально-профессиональный состав) 1863–1899 гг. / В. А. Нардова // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. – СПб.: Алетей, 1999. – С. 211–221.

Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX вв. (социальное, экономическое, культурное развитие) / Т. В. Паликова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 312 с.

Паликова Т. В. Купечество – Верхнеудинск – Улан-Удэ / Т. В. Паликова, Л. В. Кальмина, О. Э. Мишакова. – Улан-Удэ: ЭКОС, 2007. – 190 с.

Решетников Анатолий Платонович // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь: в 5 т. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. III: М – Р / сост.: А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – М., 1931. – Стлб. 1328.

Свиридова Н. Б. Городское общественное управление в Забайкальской области в последней трети XIX – начале XX в. / Н. Б. Свиридова, Т. В. Паликова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. – 186 с.

Шильдер-Шульднер Николай Юрьевич, почетный гражданин города Акши // Деятели России: 1906 г. / ред.-изд. А. М. Шампаньер. – СПб., 1906. – 340 с.

Щербак В. А. Анна Николаевна Бек – первый педиатр Восточного Забайкалья / В. А. Щербак // Вопросы современной педиатрии. – 2022. – № 21(4). – С. 311–314.

References

Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 24, op. 1, d. 20, k-1650; d. 61, k-1651; d. 97, k-1756; d. 671, k-1985.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA): f. 1287. op. 38. d. 312.

Gavrilova N. I. Formirovanie korpusa pochetnyh grazhdan gorodov Sibiri (1865–1916 gg.) / N. I. Gavrilova // Gumanitarnye nauki v Sibiri. – 2025. – Т. 32. – № 3. – С. 59–68.

Dameshek L. M. Social'nyj portret general-gubernatorskogo korpusa Aziatskoj Rossii v svete odnogo yubileya (k 210-letiju so dnya rozhdeniya general-gubernatora Vostochnoj Sibiri grafa N. N. Murav'eva-Amurskogo) / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2019. – № 3(35). – С. 10–23.

Drobotushenko N. E. Pochetnyj grazhdanin goroda Chita, pochetnoe zvanie [Elektronnyj resurs] / N. E. Drobotushenko, A. I. Lycus' // Enciklopediya Zabajkal'ya. – Rezhim dostupa: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=5250> (data obrashcheniya: 20.12.2025).

Kal'mina L. V. Zabajkal'skaya oblast' – geopoliticheskij proekt samoderzhaviya / L. V. Kal'mina // Vlast'. – 2016. – № 9. – С. 190–195.

Kal'mina L. V. Byudzhetnaya politika Zabajkal'skih gorodov v 1870–1910-e gg. / L. V. Kal'mina // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2017a. – № 3(27). – С. 7–14.

Kal'mina L. V. Byudzhetnaya politika Zabajkal'skih gorodov v 1870–1910-e gg. / L. V. Kal'mina // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2017b. – № 4(28). – С. 33–41.

Kal'mina L. V. Geopolitika kak «arbitr» v ekonomicheskom sorevnovanii zabajkal'skih gorodov (seredina XIX – nachalo XX v.) / L. V. Kal'mina // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. – 2021. – Т. 22. – № 2. – С. 279–299.

Konstantinova T. A. Gubernatory Zabajkal'ya, 1851–1917 gg. / T. A. Konstantinova. – Chita: Gosarhiv, 2001. – 89 s.

Konstantinov A. V. «Vvidu vydayushchihsya zaslug»: k 175-letiju Alekseya Kirillovicha Kuznecova / A. V. Konstantinov, N. N. Konstantinova // Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij. – 2020. – Т. 16. – № 4. – С. 102–113.

Lyamin S. K. I. A. Tarasenko-Otreshkov i N. Yu. Shil'der-Shul'dner: factory kar'ernoj neuspeshnosti vice-gubernatorov v Rossijskoj imperii nachala XX veka / S. K. Lyamin, V. A. Lovcov // Vestnik arhivista. – 2025. – № 1. – С. 186–203.

Nardova V. A. Institut Pochetnogo grazhdanstva gorodov v dorevolucionnoj Rossii (pravovoj aspekt) / V. A. Nardova // Rossiya v XIX–XX vv. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 1998. – С. 171–182.

Nardova V. A. Institut Pochetnogo grazhdanstva gorodov v dorevolucionnoj Rossii (kolichestvennyj i social'no-professional'nyj sostav) 1863–1899 gg. / V. A. Nardova // Problemy social'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX vekov. – SPb.: Aletejya, 1999. – С. 211–221.

Palikova T. V. Goroda Zabajkal'ya vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. (social'noe, ekonomicheskoe, kul'turnoe razvitiye) / T. V. Palikova. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-та, 2010. – 312 s.

Palikova T. V. Kupechestvo – Verhneudinsk – Ulan-Ude / T. V. Palikova, L. V. Kal'mina, O. E. Mishakova. – Ulan-Ude: EKOS, 2007. – 190 s.

Reshetnikov Anatolij Platonovich // Deyateli revolyucionnogo dvizheniya v Rossii. Biobibliograficheskoy slovar': v 5 t. T. 2: Semidesyatye gody. Vyp. III: M – R / sost.: A. A. Shilov, M. G. Karnauhova. – M., 1931. – Stlb. 1328.

Sviridova N. B. Gorodskoe obshchestvennoe upravlenie v Zabajkal'skoj oblasti v poslednej treti XIX – nachale XX v. / N. B. Sviridova, T. V. Palikova. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2022. – 186 s.

Shil'der-Shul'dner Nikolaj Yur'evich, pochetnyj grazhdanin goroda Akshi // Deyateli Rossii: 1906 g. / red.-izd. A. M. Shampan'er. – SPb., 1906. – 340 s.

Shcherbak V. A. Anna Nikolaevna Bek – pervyj pediater Vostochnogo Zabajkal'ya / V. A. Shcherbak // Voprosy sovremennoj pediatrii. – 2022. – № 21(4). – S. 311–314.

УДК 94

ББК ТЗ(2)535

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-35-39

В. Г. Бадмаев

ПОДГОТОВКА ТАМОЖЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
К ПЕРВОМУ ВСЕРОССИЙСКОМУ СЪЕЗДУ ТАМОЖЕННЫХ
СЛУЖАЩИХ (1–16 сентября 1917 г.)

В статье на материалах Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) рассмотрена история подготовки таможенных учреждений Забайкальской области к Первому Всероссийскому съезду таможенных служащих (1–16 сентября 1917 г.). Изучены положения, вносимые на двух съездах таможенных служащих Кяхтинского района, на которых решались вопросы служебного и материального характера.

Ключевые слова: таможенные учреждения, Всероссийский съезд таможенных служащих, Кяхтинская таможня, Забайкальская область.

V. G. Badmaev

PREPARATION OF THE CUSTOMS OFFICES
OF THE TRANSBAIKALIAN REGION FOR THE FIRST
ALL-RUSSIAN CONGRESS OF CUSTOMS OFFICERS
(September 1–16, 1917)

Based on materials from the State Archive of the Republic of Buryatia (GARB), this article examines the history of the preparation of the customs institutions of Transbaikalian Region for the First All-Russian Congress of Customs Officers, held on September 1–16, 1917. The proposals submitted at the two congresses of customs officers of the Kyakhta District are analyzed, at which issues of both an official and a material (financial/economic) nature were addressed.

Keywords: customs offices, All-Russian Congress of Customs Officers, Kyakhta Customs, Transbaikalian Region.

После событий Февральской революции 1917 г. в стране возникло двоевластие в лице Временного правительства и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В июле 1917 г. Временное правительство возглавил министр-председатель А. Ф. Керенский, в функции которого входило: реорганизация государственного аппарата, принятие декретов по закреплению завоеваний новой власти и созыв Учредительного собрания, на котором следовало утвердить эти декреты и принять Конституцию. Фактически на местах реальная власть находилась в руках Советов, поскольку правительство могло действовать только при их поддержке и проводить свои декреты с их санкции [Тимошина 2008: 193–194]. Таким образом, в период с февраля по октябрь 1917 г. в Забайкальской области таможенные учреждения по-прежнему опирались на таможенный устав 1910 г., однако на местах приходилось действовать самостоятельно. После февраля 1917 г. ведущую роль в реорганизации таможенной системы взяли на себя возникшие профсоюзы таможенных служащих [Савченко 2014: 12], поэтому в основном таможенные учреждения ориентировались на власть Советов. В связи с этим все важные вопросы и решения о деятельности таможенных учреждений предлагалось урегулировать на Первом Всероссийском съезде таможенных служащих, который должен был состояться 1–16 сентября 1917 г. в Петрограде. Перед этим было решено определиться, кого делегировать на съезд, и утвердить повестку съезда. Так, в Забайкальской области прошло два совещания (съезда) таможенных служащих в Кяхте.

БАДМАЕВ Виталий Германович – аспирант Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: badmaev.vitaliy.98@mail.ru.

Первое «совещание» [I] (съезд) служащих таможенных учреждений Кяхтинского района состоялось 18–19 июня 1917 г. в слободе Кяхте Забайкальской области. В его работе приняли участие 10 таможенных учреждений (8 таможенных постов, 1 таможня и 1 таможенная застава), от которых были представлены 9 управляющих, 33 досмотрщика, 4 канцелярских чиновника, 1 контролер, 1 пакгаузный смотритель. От Введенской таможенной заставы и Макаровского таможенного поста представители не прибыли [ГАРБ. Ф. Р. 391. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–7].

Съезд, заслушав обращение Комитета служащих Московской таможни от 31 мая 1917 г. о необходимости созыва Всероссийского съезда таможенных служащих и об организации Всероссийского союза таможенных служащих, постановил: присоединиться к пожеланию организовать Всероссийский союз путем, указанным в резолюции соединенного совещания Петроградских таможенных организаций, состоявшегося 1 и 2 мая 1917 г., при участии делегата от Комитета служащих Московской таможни, т. е. через Всероссийский съезд.

В первом разделе постановления зафиксировано решение: избрать делегата на Всероссийский съезд и рассмотреть вопросы, затронутые районными съездами и могущих возникнуть впоследствии; созвать съезд служащих всего Читинского участка в г. Чите не позже 1 августа 1917 г. Делегатами на предстоящий съезд в Чите от Кяхтинского района избраны от чиновников М. Величковский, кандидат – М. Ворожейкин; от досмотрщиков – И. Ханецкий, кандидат – А. Удовиченко. Расходы на поездку утверждаются комиссиями учреждений (таможни, заставы и посты) и оплачиваются районным комитетом. Тем не менее съезд в Чите так и не состоялся. Поэтому 3 августа 1917 г. был созван второй съезд таможенных служащих Кяхтинского района.

В тот же период на Кяхтинском съезде сформирован Комитет организаций таможенных служащих Кяхтинского района. В его состав вошли шесть человек, избранных закрытым голосованием. Председатель – И. Величковский; товарищи председателя – К. Полишевский, М. Южновский; члены – А. Удовиченко, И. Ханецкий; секретарь – В. Пироцкий. Были созданы четыре подрайонных комитета: 1) на Покровском посту обслуживал Беловодский, Георгиевский, Покровский и Цакирский посты; 2) на Кяхтинском посту охватывал Усть-Кяхтинскую таможенную заставу, Кяхтинский, Киранский и Кударинский посты; 3) в Кяхтинской таможне – для служащих; 4) на Введенской таможенной заставе – включал Шарагольский, Макаровский посты и Введенскую заставу. Кроме того, от служащих Кяхтинского района делегированы два представителя в Совет рабочих и солдатских депутатов: от чиновников – И. Величковский; от досмотрщиков – М. Южновский, кандидаты – М. Семенов, И. Ханецкий. В уездный Комитет общественной безопасности избран К. Полишевский, кандидатом – В. Пироцкий [ГАРБ. Ф. Р. 391. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–7].

Во втором разделе этого документа, состоявшем из 28 пунктов, были рассмотрены вопросы служебного и материального обеспечения, которые носили рекомендательный характер и отстаивали права рабочих на таможне. К ним следует отнести внутренние проблемы таможни, уравнивание в правах таможенных служащих таможенных постов и других ведомств, решение финансовых вопросов.

Для решения внутренних проблем таможни было предложено: сократить рабочий день (до 8 ч), облегчить труд таможенных канцелярских работников (штатных и канцелярских), предоставление отдыха один раз в неделю, введение трехсменного дежурства, освобождение досмотрщиков от уборки и мытья полов канцелярии.

Ради уравнивания в правах таможенных служащих рекомендовалось: за поимку контрабанды, при одинаковом участии в задержании чиновника и досмотрщиков награду выдавать поровну, выдавать досмотрщикам на одинаковых с чиновниками основаниях при призыве на военную службу по мобилизации пособие с сохранением за ними получаемого до призыва содержания. Также было предложено внимательно относиться к просьбам досмотрщиков о переводах их из одного учреждения, расположенного в месте их постоянного жительства, в другое.

В работе таможенных постов с другими ведомствами предлагалось обращаться в уездный и городской комитеты общественной безопасности, а также в Совет рабочих и солдатских депутатов с просьбой разъяснить местному населению, что

таможенные учреждения сохранены Временным правительством, обслуживают общегосударственные интересы и служащие этих учреждений исполняют свой долг. Поэтому они не заслуживают того враждебного отношения, какое проявляется к ним и тех оскорблений и насилий, каким они нередко последнее время подвергаются, в особенности от лиц, переходящих границу в нетрезвом виде.

Особого внимания заслуживали финансовые вопросы, которые предполагали предоставление права таможенным служащим на полную пенсию за 25 лет службы и в половинном размере пенсии за 10 лет службы с распространением на всех служащих независимо от класса должности. Кроме того, следовало выделить досмотрщикам бесплатно казенные квартиры с отоплением и освещением, обеспечивая дровами и керосином по действительной надобности, а при отсутствии казенных квартир – выдавать квартирные деньги по норме, какая будет установлена; обеспечить лечение чинов таможенного ведомства за счет казны в течение четырех месяцев с предоставлением в случаях специального лечения в пунктах нахождения врачей специалистов, чтобы больной имел право на получение содержания в течение года [ГАРБ. Ф. Р. 391. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–7].

Таким образом, таможенные служащие стремились обеспечить защиту прав рабочих и уравнивание их в правах. Тем самым революционные события и идеи нашли отражение в работе таможенных учреждений Забайкалья.

В третьем разделе обсуждался вопрос об участии представителей от Введенской заставы и Макаровского поста в организации таможенных служащих Кяхтинского района и признании ими принятого съездом постановления.

В четвертом было предложено объявить подписку на «Заем Свободы» между участниками съезда, в результате которой собрано 2060 руб. [Там же].

В июле 1917 г. Департаментом таможенных сборов во все таможи России были направлены инструкция [II] и правила выборов на Всероссийский съезд таможенных служащих. В результате от Забайкальской области планировалось отправить делегатов из данных таможенных учреждений (табл.).

Таблица

Инструкция Департамента таможенных сборов

№	Наименование таможенного учреждения	Число делегатов	Место избирательного собрания	Районный центр, организующий выборы	Примечания
57	Читинское инспекторство – на 7 чел.	1	Чита	Управление инспектора	Отдел избирательных собраний
58	Таможенные учреждения Читинского инспекторства – на 270 чел.	6	Чита и другое место по удобству	Управление инспектора	Общее собрание
59	Кяхтинская таможня – на 23 чел.	1	Кяхта	Кяхтинская таможня	Отдел избирательных собраний
60	Сретенская таможня – на 27 чел.	1	Сретенск	Сретенская таможня	Отдел избирательных собраний
61	Маньчжурская таможня – на 85 чел.	2	Маньчжурия	Маньчжурская таможня	Отдел избирательных собраний

Сост. по: [ГАРБ. Ф. Р. 391. Оп. 1. Д. 10. Л. 32–33].

Всего на съезде должно было быть представлено 74 таможенных учреждения со всей страны. 20 июля 1917 г. общее собрание служащих Кяхтинской таможни приняло решение, что в интересах сохранения единства организации служащих Кяхтинского таможенного района не выделять таможни из состава района, а, пользуясь предоставленным Организационным бюро правом, изменить намеченное инструкцией распределение избирательных мест. Тем самым было решено избрать делегатов на Всероссийский съезд от всего Кяхтинского района, включая и таможню, три делегата, из которых не менее одного должно быть от служащих таможни [ГАРБ. Ф. Р. 391. Оп. 1. Д. 10. Л. 20–21]. 22 июля 1917 г. Комитет таможенных служащих Кяхтинского района постановил провести второй съезд 3 августа 1917 г. с учетом служащих Кяхтинского района [Там же. Л. 18–19].

3 августа 1917 г. на съезд прибыли представители от таможенных постов: Цакирского, Покровского, Георгиевского, Кяхтинского, Киранского, Кударинского и Шарагольского, Усть-Кахтинской и Введенской заставы и Кяхтинской таможни. Всего 50 делегатов из 99 чел. личного состава перечисленных учреждений. Закрытой баллотировкой большинством голосов председателем был избран И. Г. Величковский, товарищем председателя – К. С. Палишевский и секретарем – В. М. Пироцкий [Там же. Л. 37].

На этом съезде, как и на первом, основное внимание было уделено вопросам улучшения работы таможенных учреждений. В целом съезд поддержал инициативы первого съезда, дополнив некоторые пункты. Так, было принято решение не выдавать наградные деньги за задержание контрабандистов в пользу повышения должностных окладов. Пункт, посвященный воспитанию детей всех таможенных служащих за казенный счет, дополнялся положением, уравнивающим пособия на воспитание детей для досмотрщиков и чиновников. Что касается окладов, то рекомендовалось упразднить систему трех окладов содержания досмотрщиков, заменив периодическими прибавками, назначаемыми за выслугу не менее трех лет, установив первоначальный оклад в размере не менее 900 руб. в год. Однако размер компенсации за наем жилья для тех, кто не пользовался казенной квартирой, не должен превышать 180 руб. в год [Там же. Л. 34–36].

Съезд подверг критике некоторые положения первого съезда. Так, было решено не поддерживать постановление об освобождении досмотрщиков от подметания полов, открытия и закрытия окон и оконных ставень, топки печей, ухода за казенными лампами и очистки постового двора и о найме сторожей для выполнения этих работ.

Было принято решение делегировать на Всероссийский съезд таможенных служащих в Петроград трех делегатов – одного от чиновников и двух от досмотрщиков. Закрытой баллотировкой абсолютным большинством голосов делегатами были избраны от чиновников – К. С. Палишевский и от досмотрщиков – Г. М. Бельчев и И. А. Ханецкий; кандидатами от чиновников – В. Ф. Борцов, от досмотрщиков – Н. А. Апанович [Там же. Л. 37]. Делегатов обязали на Всероссийском съезде руководствоваться постановлениями и пожеланиями, принятыми первым и вторым съездами служащих Кяхтинского района.

Таким образом, таможенные учреждения Забайкальской области в период революционных преобразований, нестабильной государственной системы не только не ослабили профессиональную деятельность, но и регулировали ее, проводили съезды и делегировали своих представителей на Всероссийский съезд, что свидетельствует о высокой внутренней организации таможенных учреждений Забайкальской области.

1–16 сентября 1917 г. состоялся Первый Всероссийский съезд таможенных служащих в Петрограде. Был сформирован Центральный комитет профсоюзов таможенных работников, который около года руководил таможенным делом в стране [Прокопович 2020: 18]. Съезд провозгласил создание Всероссийского союза таможенных служащих и лозунг «Наш союз беспартийный», принял Устав и Декларацию, избрал Центральный комитет союза [Савченко 2014: 12].

После победы Октябрьской революции комитет профсоюзов таможенных служащих и низовые организации встали на платформу советской власти. Советское правительство, заботясь о защите экономических интересов страны на границе, из-

дало ряд постановлений, регулирующих деятельность таможенной службы, а в таможенные учреждения был направлен ряд распоряжений, регламентирующих организацию таможенного контроля [Основы... 2017: 30].

Таким образом, съезды таможенных служащих в Кяхте отстаивали права таможенных служащих. Особую ценность представляли инициативы, выдвинутые досмотрщиками, которые обладали глубоким пониманием внутренней структуры таможенной службы, стремясь устранить излишнюю бюрократию, упростить отчетность, проведение в жизнь идеи участия самих служащих в определении личного состава ведомства, штатного расписания и окладов содержания. Все это сыграло важную роль в подготовке представителей Забайкальской области к участию в первом Всероссийском съезде таможенных служащих.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект «От Чайного пути к Монгольскому коридору “Нового шелкового пути”: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая») № 24-48-03025.

Примечания

I. Первый съезд единожды назван совещанием, далее – съезд [ГАРБ. Ф. Р. 391. Оп. 1. Д. 10. Л. 5].

II. В тексте документа Инструкция ошибочно названа Конструкций [Там же. Л. 32].

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. Р. 391, оп. 1. д. 10.

Основы таможенного дела: учебник для вузов / под общ. ред. А. П. Джабиева. – М.: Юрайт, 2017. – 392 с.

Прокопович Г. А. История таможенного дела и таможенной политики. Ч. 2 (XX век): учеб. пособие / Г. А. Прокопович. – СПб.: Интермедия, 2020. – 156 с.

Савченко М. М. Таможенная политика России в годы Первой мировой войны / М. М. Савченко // Вестник Российской таможенной академии. – 2014. – № 4. – С. 7–15.

Тимошина Т. М. Экономическая история России: учеб. пособие. 14-е изд., перераб. и доп. / Т. М. Тимошина; под ред. М. Н. Чепурина. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2008. – 424 с.

References

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. R. 391, op. 1. d. 10.

Osnovy tamozhennogo dela: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. A. P. Dzhabieva. – M.: Yurajt, 2017. – 392 s.

Prokopovich G. A. Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoj politiki. Ch. 2 (XX vek): ucheb. posobie / G. A. Prokopovich. – SPb.: Intermediya, 2020. – 156 s.

Savchenko M. M. Tamozhennaya politika Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny / M. M. Savchenko // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. – 2014. – № 4. – S. 7–15.

Timoshina T. M. Ekonomicheskaya istoriya Rossii: ucheb. posobie. 14-e izd., pererab. i dop. / T. M. Timoshina; pod red. M. N. Chepurina. – M.: ZAO «Yusticinform», 2008. – 424 s.

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(2Р54)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-40-44

А. А. Ширапов

ВЕРХНЕУДИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО КРЕДИТА: СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЭПа

В статье на основе архивных материалов и статистических данных анализируется деятельность Верхнеудинского общества взаимного кредита во второй половине 1920-х гг. Рассматриваются внутренняя организация, состав членов, финансовые операции общества. Показано, что, несмотря на ограниченные ресурсы и конкуренцию с государственными банками, общество успешно поддерживало частное предпринимательство в условиях налогового давления и политики ограничения капитала.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, НЭП, Верхнеудинск, Общество взаимного кредита, финансы.

A. A. Shirapov

VERKHNEUDINSKOE MUTUAL CREDIT SOCIETY: SPECIFICITY OF ACTIVITIES IN THE CONDITIONS OF THE NEP

This article, using archival materials and statistical data, analyzes the activities of the Verkhneudinsk Mutual Credit Society in the second half of the 1920s. It examines the society's internal organization, membership, and financial operations. It demonstrates that, despite limited resources and competition from state-owned banks, the VOVK successfully supported private entrepreneurship in the face of tax pressure and capital restrictions.

Keywords: Buryat-Mongolian ASSR, NEP, Verkhneudinsk, Mutual Credit Society, Finance.

Создание Верхнеудинского общества взаимного кредита и его место в финансовой системе Бурят-Монгольской АССР

8 декабря 1925 г. в столице Бурят-Монгольской АССР состоялось значимое событие – открытие Верхнеудинского общества взаимного кредита (далее – ВОВК). К этому времени в городе уже функционировали отделения Государственного (Госбанк) и Дальневосточного (Дальбанк) банков, а также Бурят-Монгольское общество сельскохозяйственного кредита (Бурселькредит) [Плеханова, Ширапов 2025: 106]. С учреждением ВОВК в республике сложилась многоуровневая система финансово-кредитных организаций, каждая из которых специализировалась на решении определенных задач.

Через сеть отделений Государственного банка осуществлялось кредитование государственных предприятий промышленности и торговли. При наличии свободных средств, согласно директивам центра, отделениям разрешалось финансировать и частные предприятия, но на менее выгодных условиях: размер процентной ставки краткосрочной ссуды для государственных и кооперативных предприятий в среднем составлял от 10 до 12 %, сроки кредитования – 2 и 3,5 месяца соответственно, тогда как для частной клиентуры – 13–15 %; 1–2 месяца [Плеханова 2011: 158]. Однако уже с 1924 г. банковское кредитование частным предпринимателям стало ограничиваться. Так, если удельный вес кредитования частных лиц и учреждений в декабре 1923 г. составлял 24 %, то в 1925 г. Госбанком было выдано кредитов на сумму 231 тыс. руб., из которых на долю государственного торгово-промышленного сектора приходилось 139 тыс. (более 60 %), частных лиц – 6 тыс. (менее 3 %) [Бурят-Монгольская... 1926: 151]. Это неравенство отражало общую политику советской власти, направленную на поддержку государственного сектора.

ШИРАПОВ Алдар Амаголович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: agmaren@mail.ru.

Отделения Дальневосточного банка специализировались на финансовом сопровождении внешнеторговой деятельности. В 1925 г. на обеспечение экспортно-импортных операций банком было выдано чуть более 113 тыс. руб., в 1926 г. – уже около 1 млн 759 тыс. [Бурят-Монгольская... 1927: 88].

Кредитование агропромышленного сектора находилось в ведении Бурят-Монгольского общества сельскохозяйственного кредита. В 1925 г. Бурселькредитом на различные производственные нужды аграриев было выдано ссуд на сумму 714 тыс. руб. [Бурят-Монгольская... 1926: 78–79]. Эта сумма была самой значительной среди всех кредитных учреждений Верхнеудинска, что подчеркивало аграрную направленность экономики республики.

Финансово-кредитная поддержка частных промышленных и торговых учреждений была возложена на общества взаимного кредита [Уразова 2008: 76]. Именно ОВК было тем инструментом, который позволял частному капиталу выживать в условиях жесткой конкуренции с государством. Цель данной статьи заключается в анализе и оценке истории деятельности Верхнеудинского общества взаимного кредита во второй половине 1920-х гг.

Верхнеудинское общество взаимного кредита: правовые основы и внутренняя организация

Верхнеудинское ОВК действовало на основании утвержденного 2 сентября 1922 г. Советом труда и обороны РСФСР «Нормального Устава ОВК». Согласно его положениям, общества взаимного кредита могли вести учет векселей и выдавать срочные ссуды (сроком не более 6 месяцев), открывать для клиентов специальные текущие счета под обеспечение различным движимым имуществом, валютой, золотом и ценными бумагами, покупать и продавать товары по поручению членов ОВК и частных лиц, вести товарно-комиссионные операции и т. д. [Васильева 2005: 72–73]. Спектр возможных операций был достаточно широк, что позволяло обществу гибко реагировать на потребности своих членов.

Структура общества включала общее собрание, совет, правление и приемный комитет. Высшим органом ОВК являлось общее собрание, объединявшее всех членов общества. Именно им утверждались все основные документы, касавшиеся деятельности ОВК, избирались и утверждались члены совета, правления и приемного комитета. Совет контролировал работу ОВК, правление отвечало за его финансово-кредитную деятельность, в ведении приемного комитета находились вопросы, связанные с приемом новых членов ОВК и проверкой их кредитоспособности [ГАРБ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 67. Л. 26, 52]. На начало 1928 г. в ОВК состояло 205 членов, в т. ч. 111 мелких торговцев и домовладельцев, 61 ремесленник. Преобладание торговцев и ремесленников отражало социальную базу общества – именно эти группы больше всего нуждались в оборотных средствах. При этом сельских хозяев было только 3, рабочих и служащих – 5. 25 членов ОВК относились к лицам свободных профессий [Там же. Л. 9–11об.]. Основным капитал общества состоял из взносов его членов. По состоянию на середину октября 1928 г., его размер равнялся 234 тыс. руб. [Там же. Д. 66. Л. 2].

Канторские помещения ОВК располагались в арендованном частном доме мещанки Петровой. Аренда частных помещений была обычной практикой для небольших кредитных учреждений, не имевших собственной недвижимости. Для обеспечения повседневной работы общества закупались различные канцелярские принадлежности (бланки, книги), продукты питания (чай и сахар), газеты [Там же. Д. 67. Л. 52]. Даже такие мелкие расходы, как покупка чая и сахара для сотрудников, фиксировались в документах, что говорит о строгом учете.

Финансово-кредитная деятельность Верхнеудинского общества взаимного кредита: заметные успехи при скромных ресурсах

Как уже говорилось, Верхнеудинское ОВК занималось финансированием частной промышленности и торговли на территории Бурят-Монголии. В 1926 г. обществом было учтено векселей на сумму 109 тыс. руб., выдано ссуд под залог товаров – на 2 тыс.,

на текущих счетах клиентов находилось 43 тыс. Хотя сумма ссуд под залог товаров выглядит незначительной, она показывает, что общество только начинало осваивать этот вид операций. Безусловно, данные цифры уступают показателям других финансово-кредитных учреждений Верхнеудинска. Так, представительством Дальбанка в указанный период было учтено векселей более чем на 317 тыс. руб., выдано ссуд под залог товаров на 152 тыс., на текущих счетах клиентов отделения находилось около 78 тыс. Показатели Верхнеудинского филиала Госбанка были еще более внушительными – 1 млн 42 тыс. руб., 192 тыс. руб. и 733 тыс. руб. соответственно [ГАРБ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 31. Л. 35].

По сравнению со своими конкурентами ВОВК располагало несравненно меньшими материальными ресурсами и более узким кругом клиентов. Так, в 1926 г. в общем объеме выданных по республике кредитных средств Госбанк занимал 43,8 %, Дальбанк – 36,4, Бурселькредит – 16,4, ОВК – всего 3,4 % [Плеханова 2011: 159–160]. Общество было лишено возможности привлекать бюджетные средства, кроме сравнительно небольших кредитов со стороны Госбанка. При этом шло постоянное увеличение числа членов и, соответственно, капитала ВОВК. Если в июне 1927 г. в обществе состояло 198 чел., а размер основного капитала равнялся 201 тыс. руб. [ГАРБ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 31. Л. 56об.], то три года спустя, в мае 1929 г., число членов ВОВК составляло уже 215 чел., а капитал общества насчитывал более чем 230 тыс. руб. [Там же. Д. 66. Л. 25]. Рост был не взрывным, но устойчивым, что говорило о доверии предпринимателей к обществу. Доходы ВОВК позволили его членам 1 октября 1928 г. выкупить у мещанской семьи Зимновых дом с целью размещения конторы учреждения [Там же. Д. 67. Л. 63].

Причина успешной деятельности Верхнеудинского общества взаимного кредита заключалась в том, что для частных торговцев и промышленников оно выступало фактически единственным доступным источником кредитов, поскольку Госбанк и Дальбанк неохотно кредитовали частных из-за идеологических установок.

Это обстоятельство было особенно важным ввиду целенаправленной политики советской власти, ориентированной сначала на ограничение, а затем и ликвидацию частного капитала. 18 июня 1926 г. для частных предпринимателей был введен налог на сверхприбыль, размер которого мог достигать 50 % оклада подоходного налога [Собрание законов и распоряжений...: 735–736]. Такой налог фактически изымал значительную часть дохода, подрывая стимулы к развитию бизнеса. В условиях налогового давления со стороны государства кредиты, выдаваемые обществом торговцам и промышленникам, давали возможность поддерживать развитие предпринимательства. Без доступа к кредитам многие частные предприятия были бы вынуждены закрыться. Если в конце 1925 г. в республике насчитывалось 1154 частных предпринимателя и организации, то к началу 1927 г. эта цифра увеличилась почти в 2 раза – до 2095 [Бурят-Монгольская Автономная... 1927: 102].

Второй фактор, объяснявший успех деятельности ВОВК, заключался в наличии подготовленных кадров, многие из которых имели многолетний опыт работы в дореволюционных финансово-кредитных организациях. Эта преемственность стала решающим преимуществом в условиях нехватки квалифицированных финансистов. Так, в 1927 г. пост председателя правления занимал М. И. Родовский, его заместителем был Ф. Н. Ботков, обязанности бухгалтера исполнял Д. Я. Воскобойников [ГАРБ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 31. Л. 53]. Указанные лица на протяжении многих лет являлись членами правления и совета еще дореволюционного Верхнеудинского ОВК [Там же. Д. 94. Л. 1об.].

ВОВК оказывал кредитно-финансовые услуги вплоть до принятия Постановления ЦИК и СНК СССР 30 января 1930 г. «О кредитной реформе», согласно которому законодательно ликвидировался институт коммерческого кредитования [Решения партии и правительства... 1967: 166–173]. С этого момента все расчеты между предприятиями проходили через государственные банки, а общества взаимного кредита подлежали ликвидации.

Заключение

Таким образом, деятельность Верхнеудинского общества взаимного кредита стала примером частной кредитной инициативы в условиях НЭПа. Располагая скромными материальными ресурсами и обслуживая преимущественно мелких торговцев и ремесленников, ВОВК сумело стать важнейшим источником финансирования частного сектора Бурят-Монголии. Устойчивый рост числа членов и основного капитала говорит о доверии предпринимателей к обществу. Его успех во второй половине 1920-х гг. обеспечивался двумя главными факторами: монопольным положением на рынке кредитования частных и высоким профессионализмом руководства, сохранившего дореволюционный опыт.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Источники и литература

- Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. Р-200, оп. 1, д. 31, 66, 67.
Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док-тов за 50 лет: в 5 т. Т. 2: 1929–1940 гг. – М.: Политиздат, 1967. – 798 с.
Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1926 г. № 42–77. Отдел первый / Упр. Делами Совета Народ. Комиссаров СССР. – М.: [Б. и., б. г.], – 810 с.
Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика: очерки и отчеты: 1924–1925. – Верхнеудинск: Изд. Госплана Б.-М. АССР, 1926. – 409 с.
Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика: очерки и отчеты: 1925–1926. – Верхнеудинск: Изд. Госплана Б.-М. АССР, 1927. – 224 с.
Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская республика (материалы к отчету IV съезда советов). 1926/7–1927/8 гг. – Верхнеудинск: Изд. ЦИК и СНК Б.-М.А.С.С.Р., 1927. – 237 с.
Васильева Е. В. Из истории обществ взаимного кредита / Е. В. Васильева // Финансы и кредит. – 2005. – № 7(174). – С. 65–75.
Плеханова А. М. Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации / А. М. Плеханова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 441 с.
Плеханова А. М. Банковская система Бурят-Монгольской АССР в период НЭПа: специфика и условия формирования / А. М. Плеханова, А. А. Ширапов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2025. – № 3(59). – С. 105–110.
Уразова С. А. Кредитная система СССР в период НЭПа / С. А. Уразова // Финансы и кредит. – 2008. – № 37(325). – С. 69–80.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. R-200, op. 1, d. 31, 66, 67.
Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam: sb. dok-tov za 50 let: v 5 t. T. 2: 1929–1940 gg. – M.: Politizdat, 1967. – 798 s.
Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1926 g. № 42–77. Otdel pervyj / Upr. Delami Soveta Narod. Komissarov SSSR. – M.: [B. i., b. g.]. – 810 s.
Buryat-Mongol'skaya Avtonomnaya Socialisticheskaya Sovetskaya Respublika: ocherki i otchety: 1924–1925. – Verhneudinsk: Izd. Gosplana B.-M. ASSR, 1926. – 409 s.
Buryat-Mongol'skaya Avtonomnaya Socialisticheskaya Sovetskaya Respublika: ocherki i otchety: 1925–1926. – Verhneudinsk: Izd. Gosplana B.-M. ASSR, 1927. – 224 s.
Buryat-Mongol'skaya Avtonomnaya Socialisticheskaya Sovetskaya respublika (materialy k otchetu IV s'ezda sovetov). 1926/7–1927/8 gg. – Verhneudinsk: Izd. CIK i SNK B.-M.A.S.S.R., 1927. – 237 s.
Vasil'eva E. V. Iz istorii obshchestv vzaimnogo kredita / E. V. Vasil'eva // Finansy i kredit. – 2005. – № 7(174). – S. 65–75.

Plekhanova A. M. Buryatiya v 1920-e gg.: opyt social'no-ekonomicheskoy modernizacii / A. M. Plekhanova. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2011. – 441 s.

Plekhanova A. M. Bankovskaya sistema Buryat-Mongol'skoj ASSR v period NEPa: specifika i usloviya formirovaniya / A. M. Plekhanova, A. A. Shirapov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2025. – № 3(59). – S. 105–110.

Urazova S. A. Kreditnaya sistema SSSR v period NEPa / S. A. Urazova // Finansy i kredit. – 2008. – № 37(325). – S. 69–80.

УДК 94(571.54)

ББК 63.3(2Р54)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-45-50

Д. Д. Намнанов

ГЛАВНЫЕ ЛАМЫ ХОРИНСКИХ ДАЦАНОВ

Статья посвящена главным ламам хоринских дацанов. Основные сведения о главных ламах хоринских дацанов – их имена, даты назначения, краткие сведения их предыдущей деятельности прописаны в исторических летописях хоринских бурят, а также в документах Государственного архива Республики Бурятия.

Ключевые слова: летописи, главный лама, хори-буряты, хоринские дацаны, Ш.-Н. Хобитуев, В. Юмсунов, Т. Тобоев.

D. D. Namnanov

THE CHIEF LAMAS OF THE KHORINSK DATSANS

The article is devoted to the chief lamas of the Khorinsk datsans. Essential information concerning these chief lamas – namely, their names, dates of appointment, and brief accounts of their prior activities – is preserved in the historical chronicles of the Khorinsk Buryats, as well as in documents held by the State Archive of the Republic of Buryatia.

Keywords: chronicles, chief lama, Khori Buryats, Khorinsk datsans, Sh.-N. Khobituev, V. Yumsunov, T. Toboev.

Актуальность темы в том, что практически не исследована деятельность и не введены в научный оборот биографические данные главных лам хоринских дацанов. Как известно, в исторических летописях хоринских бурят имеются некоторые расхождения по их последовательности, датам назначения и связанных с ними именам. Тем не менее эти сведения используются в различных публикациях. Объединив бурятские исторические летописи хори-бурят, архивные источники, публикации известных ученых, мы попытались установить перечень имен главных лам хори-бурят и хоринских дацанов.

Изначально хоринские буряты поклонялись Джебзун-Дамбе хутутге, в последующем, до 8 января 1853 г., главными среди хоринских лам были монгольские ламы Лубсан-Намжил, Лубсан Дондоп, затем тибетский лама Агван Пунсэг, тибетский гэлун лама Лубсаншираб, халха-монгол лама Лубсаннамжил, гецул, дархан-лама Лубсан Жинба (Дэмбил) Ринчинов, дархан-нансо лама Лубсан-Ринчин Дугаров, Юмсэн гэлун Лубсан-Дагба, затем Лубсан-Шираб, из Эгитуйского дацана лама Дамчи Цэгцобун Хонгориюв, Ригдэл Пунсэг Сондоллов, Чоймпэл Тубушиев, Дансаран Цуванов, Лубсан-Тойндоп Субанов, Дубдан Цэбэгэй.

В фонде Гусиноозерского дацана ГАРБ имеются сведения о перечне главных лам хоринских дацанов: «... Лубсан-Шираб, Лубсан Юмсэн, Рэгдэл-Пунцаг Сондолун, Чоймпил Тубусун, Дансаран Суваанай, Тойндоп Цэбээнэй» [Ф. 84. Оп. 1. Д. 574. Л. 62–73].

Первые сведения о буддизме на территории Бурятии относятся к XVII в. В 1712 г. появились группы тибетских и монгольских лам. В. Юмсунов пишет о 150 ламах, которые поселились по разным селенгинским и хоринским родам. По сведениям Ш.-Н. Хобитуева, «хоринские буряты до установления границы (до 1727 г.) поклонялись Жэбзэн Дамба хутагта ... В 1723 году умер Жэбзэн Дамбахутагта» (цит. по: [Чимитдоржиев 2022: 267]). Джебзун-Дамба хутухта XVI – 1635–1723 гг. (Ундэр-гэгэн Дзанабадзар, первый монгольский Богдо-гэгэн, правитель Халхи империи Цин).

НАМНАНОВ Данзан Дампилович – кандидат исторических наук, главный специалист по ГОиЧС Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: danzan.namnanov@mail.ru.

В общих сведениях Г.-Д. Нацова «О появлении и распространении ламаизма среди бурят» отмечено, что при хоринском тайше Шодо Болтирокове «... находился монгольский лама Лубсан-Намжил. У тайши была печатная книга, называемая “Esi-ge-einYum”, и божество Саган Дара Эхэ, держал он их в специальной войлочной юрте рядом с домом. Некоторые говорят, что это божество и книги “Юм” находятся сейчас в Кижингинском дацане» [Нацов 1998: 6]. Б. Д. Цыбенков отмечает, что «... тайша Шодо Болтироков в 1729 г. содержал ламу монгольского происхождения по имени Лубсан-Намжил, исповедовал буддийскую религию и имел сочинение, напечатанное на монгольском языке в 16 томах и называемое “Юм”, которое было святыней его отца ...» [2011: 7–8]. Имя Лобсанг «благой, просветленный ум» (бурят. Лубсан) указывает на стремление монаха к постижению высшей мудрости Дхармы.

«... Хоринское ноенатство на практике проверив с положительной стороны ламаизм среди селенгинских бурят, желая в свою очередь обзаводиться ламами, посылает делегацию в монгольский монастырь ныне Гандан сумэ возле г. Улан-Батора с целью пригласить в Хоринское ведомство лам, для посвящения бурят в ламаистскую веру... Монгольские ламы отправляют ламу Лубсан-Дондоп в 1740 г. ... По прибытию он из селенгинских дацанов приглашает 10–15 лам, в том числе одного ламу-эмчи Шалдаева Сунгрей и философа-ламу Сандан-Пунцок» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 316. Л. 1–2]. По сведениям Б. Жигмидона, подобным образом началось распространение ламаизма среди хоринских бурят.

Официальной датой признания буддизма в Бурятии считается 1741 г. По сведениям Т. Тобоева, «в 1741 году соржо лама из тангутского рода, тибетский лама Агбан Пунсэг был назначен главным ламой над селенгинскими и хоринскими ламами» (цит. по: [Чимитдоржиев 2022: 260]). Агван Пунсэг (Нгаванг Пунцок) по ходатайству цонгольских родоначальников был назначен указом Елизаветы Петровны главным ламой забайкальских лам и стал одним из 150 лам, перешедших границу. Именно ему принадлежит особая роль, так как он стоял у истоков появления буддизма в Бурятии. По сведениям Ш.-Н. Хобитуева, «в 1751 году был построен из дерева Цонгольский дацан. В это время хоринские ламы подчинялись цонгольскому цоржо ламе» [Там же: 268].

По сведениям кижингинских лам, «... в 1752 г. Канцелярия по пограничным делам утвердила тибетского гэлон ламу Лубсаншираба Главным ламой над 33-мя хоринскими ламами ...» [Содномов, Доржиев 2011: 4]. Он также был одним из 150 монгольских и тибетских лам.

«... В связи с языковым барьером через непродолжительное время Главным ламой хоринских лам был назначен Лубсаннамжил, халха ...» [Там же: 4], который был одним из 150 монгольских и тибетских лам.

По сведениям В. Юмсунова, «Хоринские буряты имели своих лам, был войлочный дуган. В 1752 году среди хори-бурят было 33 ламы. Главным (старшим) среди них был лама Дугаров. После него был Лубсан-Шираб...» (цит. по: [Чимитдоржиев 2022: 262–264]). По сведениям Р. Д. Содномова, С. С. Доржиева, «1752 г. по подобным же причинам (языковый барьер. – Д. Н.) Главным ламой хори-бурят назначен Лубсанринчен Дугаров» [2011: 5].

В период с 1755 по 1764 г. дархан-нансо лама Дугарон (Лубсан-Ринчин Дугаров). «В 1755 году от 22 февраля (указом) Кяхтинского пограничного правления за № 149 лама Дугарон был назначен старшим ламой хоринских лам с присуждением титула дархан-нансо, вместо почившего гэцула Лубсан-Жимба Ринчино, который был известен в среде старейших хоринских лам как дархан-лама» [Бадмаева, Очирова 2018: 234–282]. По летописи В. Юмсунова в переводе Н. Н. Поппе, «главным ламой над хоринскими ламами был Лубсан Ширап, между тем как следующим за ним главным ламой в Хори был Дугаров. Однако, за его смертью, по представлению хоринского тайши Ринце Шодоева и указом Иркутского губернского правительства, от 22 февраля 1755 г. за № 149, в должности главного ламы над хоринскими ламами был утвержден Дэмбил Ринцеев, имевший звание дархан нансо» [Летописи... 1940: 50]. По другой версии – Лубсанжимбэ (Дэмбил) Ринчинэй.

В 1764–1775 гг. Юмсангэлун Лубсан-Дагба (Лубсан-Дондуб Дагба лама). Халха-монгол. С 1758 по 1776 г. был шэрээтэ ламой Худунского дацана. По сведениям Ш.-Н. Хобитуева, «в 1764 году было уже 41 хоринских лам. Главным ламой был Юмсэнгэлэн Лубсан-Дагба» (цит. по: [Чимитдоржиев 2022: 268]). По летописи В. Юмсунова, «телун Лубсан Юмсу». «1764 г. – Юмсэнгэлэн Лубсан Дондуб (Дагба), (1-й) шэрээтэ и одновременно Главный лама хори-бурят» [Содномов, Доржиев 2011: 5].

По сведениям Г.-Д. Нацова, «... в 1775–1783 гг. дархан-нансо лама Лубсан-Намжил или Лубсан-Шираб» [1998: 152]. По сведениям Т. Тобоева, «дархан нансо Лубсан-Намжил в 1775 году стал Главным ламой хоринских бурят. После него Юмсэнгэлэн Лубсан-Дагба, затем был утвержден в 1783 году Лубсан-Шираб» (цит. по: [Чимитдоржиев 2022: 260–261]).

В 1783–1796(98) гг. Лубсан-Шираб. По сведениям В. Юмсунова, «в 1783 году в хоринских дацанах было установлено 28 комплектных лам. Главным ламой хоринских дацанов был назначен Лубсан-Шираб ... после его смерти Рэгдэл-Пунсаг Сондоллов был избран главным ламой хори-бурят» [Там же: 262]. «В соответствии с указом Верхнеудинской провинциальной канцелярии от 6 июля 1783 года в Кодунском и Сулхаринском дацанах было утверждено 28 комплектных лам ... Главным (старшим) ламой среди них был назначен ширетуй Худунского дацана Лубсан-Шираб» [Бадмаева, Очирова 2018: 234–282]. По сведениям Р. Д. Содномова и С. С. Доржиева – лама Лубсан-Шираб «... в 1783 г. шэрээтэ лама Худунского дацана стал Главным ламой хори-бурят» [2011: 6]. По летописи В. Юмсунова в переводе Н. Н. Поппе, «вследствие кончины в 1796 году главного хоринского ламы Лубсан Ширапа вместо него главным хоринским ламой избран Ригдэл Пунцук Цондоллов. По представлении его он был указом, данным тайше Ринцеву Иркутским губернским правлением 14 июля 1799 года за № 4166, в той должности утвержден» [Летописи... 1940: 53]. По летописи Ш.-Н. Хобитуева, «с 1792 по 1804 г. Ригдэл Пунсэг Сондолун был шэрээтэ ламой Худунского дацана... Умер главный лама Лубсан-Шираб, вместо него был назначен цоржо лама Пунсэг Сондолун» [2022: 268].

По архивным источникам, в фонде Эгитуйского дацана имеется рукописный подлинник на старомонгольском – «приказ Иркутского губернского правления № 26525 г. Иркутск от 31 декабря 1798 г. о назначении Дамчи Цэгцобуна Хонгориева Главным ламой 11-ти Хоринских дацанов: Указ его всероссийского императорского величества из Иркутского губернского правления Баргузинского округа Хоринского 11 родов новому избранному главному ламе над 100 штатными ламами из Харганатского рода Дамчою Хонгорину Цигцобуну. По указу императора из Иркутского губернского правления утвержденный по рапорту Баргузинского Нижнеземского суда в законном порядке ты, Дамчой Хонгорин Цигцобун, став ламой дацана Хоринских 11 родов, надеюсь, возложенное на тебя звание будешь, как положено уважаемому приличному человеку, исполнять. Став надежным подданным его императорского величества, порученные тебе и звание, и должность исполняй одинаково. Во-первых, на должности главного ламы штатных лам Хоринских дацанов также управляй другими ...» [ГАРБ. Ф. 285. Оп. 2. Д. 8. Л. 5].

В исторических летописях Д. Х. Цигцобун не указан, будучи главным ламой короткий период, так как в 1799–1804 гг. им был назначен гэлун лама Ригдэл-Пунсэг Сондолуун (Сондоллов). «После смерти главного ламы хоринских бурят Лубсан Ширабона ламы вместо него в результате выборов хоринских бурят указом Иркутского наместнического правления от 16 июня 1799 года за № 4166 был утвержден цоржо-лама Пунсуг Сондолун» [Бадмаева, Очирова 2018: 234–282].

По сведениям Р. Д. Содномова и С. С. Доржиева, «1799 г. – закончил земную жизнь Лубсаншираб ламхай, Сондолуун Ригдэлпунцог назначен Главным ламой хоринских дацанов ...» [2011: 7].

По сведениям В. Юмсунова, «в 1800 году в хоринских дацанах было уже более 100 лам. После смерти Лубсан-Шираб главным (старшим) ламой хоринских дацанов был избран Рэгдэл-Пунсаг Сондолун. После него главным ламой хоринских дацанов был

штатный лама Кудунского дацана гэцүл Чоймпил Тубусуев. Вместо него соржо ламой дацана стал Дансаран Суванов. После Чоймпил Тубусуева главным ламой был Дансаран Суванов. После его смерти главным ламой хоринских дацанов был назначен соржо лама Кудунского дацана Тойндол Суванов. Затем он был избран помощником Пандито Хамбо ламы» (цит. по: [Чимитдоржиев 2022: 262–264]).

«После смерти Сондолун ламы в 1804 году вместо него был избран шэрээтэ Кодунского дацана Лубсан-Содбо Дава-Нурано, который находился на этой должности в течение 26 лет. На должность соржо ламы был назначен гэбгы лама Кодунского дацана Дансурун Цувано. Настоятелем Анинского дацана стал Чойнпил Тубушийн, выбранный хоринским народом старшим ламой 3-х дацанов, который был утвержден в 1805 году» [Бадмаева, Очирова 2018: 234–282].

«После смерти главного ламы хоринских дацанов Тубуушын, вместо него хоринскими бурятами был выбран и утвержден соржо лама Худунского дацана Дансурун Цувано» [Там же]. Дансаран Цуванов – старший брат Тойндол Цуванова, был гэбгы ламой Худунского дацана. Когда шэрээтэ ламой Худунского дацана был избран Нуранайн Даба (Лубсансодбо Нуранов), находившийся на этой должности в течение 16 лет, с 1804 по 1820 г., вместо Дабы Нуранова на должность соржо ламы Худунского дацана был назначен гэбгы лама Дансаран Цуванов.

В 1810–1812 гг. Дансаран Цуванов (Дансурун Сувано, Цувано). По сведениям В. Юмсунова, «после смерти Суванай Дансаран, вместо него главным ламой хоринских дацанов был назначен Суванай Тойндол» (цит. по: [Чимитдоржиев 2022: 263]). По сведениям Ш.-Н. Хобитуева, «после смерти главного ламы хоринских дацанов (Чоймпэл Тубушиева, Тубуушын. – Д. Н.) вместо него стал соржо лама Худунского дацана Дансаран Цуванай» [Там же: 269].

В 1812–1853 гг. Дуйндун (Тойндол) Цуванов (Лубсан-Тойндол Субанов). В народе его уважительно называли Галаабнай ламхай (от слова «главный» на бурятском). Под его руководством «... был подготовлен проект “Кодунского устава”. В августе 1830 г. лично им было передано лично Шиллингу Кодунский устав, озаглавленный как “Религиозный устав Монголо-бурятского духовенства Забайкалья”, состоявший из 289 пунктов и содержащий принципы управления делами буддийской монастырской сангхи и порядка ее взаимодействия с органами власти ...» [Содномов, Доржиев 2011: 8].

По сведениям Ш.-Н. Хобитуева, «после смерти главного ламы хоринских лам вместо него стал его младший брат Дуйндун Цуванай» (цит. по: [Чимитдоржиев 2022: 269]). «После его смерти (примечание автора – Дансаран Суванова) в 1812 году вместо него приказом Иркутского губернского правительства был назначен его младший брат Тойндол Цуванов» [Бурядайт... 1992: 105–197]. «В 1812 году скончался цоржи-лама Дансурун Сувано, на его место цоржи-ламы хоринских бурят (указом) Иркутского губернского правительства от 10 февраля за № 6076 или от 10 апреля за № 6046 был утвержден его младший брат Тойндол Цувано... Указом Иркутского губернского правления за № 163 или № 1634 от 27 сентября 1818 года цоржи лама Худунского дацана Тойндол Цувано был утвержден в должности главного цоржи-ламы хоринских 4-х дацанов и помощником бандидохамбо ламы» [Бадмаева, Очирова 2018: 234–282]. По сведениям Т. Тобоева, «с 1818 года Т. Цуванов был назначен помощником Пандито Хамбо ламы и главным ламой хоринских дацанов» (цит. по: [Чимитдоржиев 2022: 261]). «С момента назначения главного ламы хори-бурят в противостояние между Гусиноозерским и Цонгольским дацанами вмешивается сильный соперник в лице объединения хори-бурятских лам. Уже в 1818 году у них было 10 дацанов и свыше 200 лам во главе с Тойндол Цувановым. Воспользовавшись ходатайством Бандидо Хамбо-ламы Ишижамсуева о назначении ему помощника, Цуванов в 1818 году добился назначения на эту должность, хотя была согласована другая кандидатура. С этого времени по 1853 год должность дид Хамбо-ламы находилась у хори-бурятских лам. Поэтому Кодунский дацан стал вторым по значению после Тамчинского дацана» [Герасимова 1957: 37]. Известно, что Пандито хамбо-лама в качестве кандидатуры назвал своего брата Данзанчойвана.

«Ширетуем (Кудунского) дацана в 1832 году в год водяного дракона Приказом Иркутского губернского правления № 11022 от 18 октября 1832 года был назначен главный лама хори-бурят цоржо лама Тойндол Цуванов» [Бурядайт... 1992: 105–197].

После увольнения Тойндол Субанова в августе 1852 г. главным ламой хоринских дацанов до начала января 1853 г. был назначен соржо лама Кудунского дацана Дубдан Цэбэгэй. В фонде Гусиноозерского дацана имеется на старомонгольском «заявление цоржо ламы Хоринского Худунского дацана Дубдан Цэбэгэй на имя Пандито Хамбо ламы Восточной Сибири Чойван Доржо Ишижамцуеву об освобождении его от занимаемой должности главного ламы хоринских бурят по состоянию здоровья от 8 января 1853 г.» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 116. Л. 10–10об].

По сведениям Ш.-Н. Хобитуева, главные ламы располагались в Кудунском (Кижингинском) дацане, который был расположен в центре расселения хоринских бурят. Кроме того, они назначались, как правило, из числа шэрээтэ лам Кудунского дацана. В настоящее время остаются неизвестными биография и жизнедеятельность главных лам хоринских дацанов. Отрывочные сведения о них сохранились в ГАРБ в фонде «Главный лама Хоринских дацанов», где находятся 22 ед. хр. Из всех главных лам хоринских дацанов наиболее известны данные из биографии Тойндол Суванова, который на протяжении длительного периода занимал эту должность. По собственному заявлению он был уволен согласно предписанию: «... Забайкальского областного управления от 30 августа 1852 года об увольнении Тойндол Цуванова, главного ламы хоринских дацанов, помощника Бандидо Хамбо ламы с должности и оставлении его в должности ширетуя Кудунского дацана» [Там же. Л. 4–4об.].

«Положением о ламайском духовенстве Восточной Сибири» 1853 г. были упразднены должности главного ламы хоринских дацанов и помощника Пандито хамбо-ламы, а хоринские дацаны и ламы, как и все дацаны Восточной Сибири, подчинялись напрямую Пандито хамбо-ламе.

Источники и литература

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 84, оп. 1, д. 116, 574; ф. 285, оп. 2, д. 8.

Центр восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) ИМБТ СО РАН: ОАФ, оп. 1, д. 316.

Бадмаева Л. Б. Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят / Л. Б. Бадмаева, Г. Н. Очирова. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. – 288 с.

Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков / К. М. Герасимова. – Улан-Удэ: Бургиз, 1957. – 158 с.

Летопись хоринских бурят: хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова. Вып. 4 / Т. Тобоев, В. Юмсунов; пер. Н. Н. Поппе; отв. ред. А. П. Баранников. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 107 с.

Нацов Г.-Д. Материалы по ламаизму. Ч. II / предисл., пер., примеч. и глос. Г. Р. Галдановой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – 187 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Кто мы – бурят-монголы? / Ш. Б. Чимитдоржиев. – 5-е изд. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2022. – 352 с.

Содномов Р. Д. «Кижингинский дацан «Даши Лхунбо», вчера, сегодня, завтра / Р. Д. Содномов, С. С. Доржиев. БТСР. – Улан-Удэ: Новапринт, 2011. – 46 с.

Цыбенков Б. С. Из истории буддизма хори-бурят (XVIII – нач. XX в.): учеб. пособие / Б. С. Цыбенков. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2011. – 135 с.

Бурядайт туухэ бэшэгууд / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. – 240 х.

References

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. 84, op. 1, d. 116, 574; f. 285, op. 2, d. 8.

Centr vostochnyh rukopisej i ksilografy (CVRK) IMBT SO RAN: OAF, op. 1, d. 316.

Badmaeva L. B. Letopis' Sh.-N. Hobitueva kak pamyatnik pis'mennoj kul'tury buryat / L. B. Badmaeva, G. N. Ochirova. – Ulan-Ude: Belig, 2018. – 288 s.

Gerasimova K. M. Lamaizm i nacional'no-kolonial'naya politika carizma v Zabajkal'e v XIX i nachale XX vekov / K. M. Gerasimova. – Ulan-Ude: Burgiz, 1957. – 158 s.

Letopisi horinskih buryat: hroniki Tuguldur Toboeva i Vandana Yumsunova. Vyp. 4 / T. Toboev, V. Yumsunov; per. N. N. Poppe; otv. red. A. P. Barannikov. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. – 107 s.

Nacov G.-D. Materialy po lamaizmu. Ch. II / predisl., per., primech. i glos. G. R. Galdanovoj. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1998. – 187 s.

Chimitdorzhiev Sh. B. Kto my – buryat-mongoly? / Sh. B. Chimitdorzhiev. – 5-e izd. – Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2022. – 352 s.

Sodnomov R. D. «Kizhinginskij dacan «Dashi Lhunbo», vchera, segodnya, zavtra / R. D. Sodnomov, S. S. Dorzhiev. BTSR. – Ulan-Ude: Novaprint, 2011. – 46 s.

Cybenov B. S. Iz istorii buddizma hori-buryat (XVIII – nach. XX v.): ucheb. posobie / B. S. Cybenov. – Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU, 2011. – 135 s.

Buryaadaj tuuhe besheguud / sost. Sh. B. Chimitdorzhiev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1992. – 240 h.

УДК 94(31)
ББК 6/8(63. 60,5. 60,7)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-51-56

А. Н. Загирбеков

ДИАСПОРЫ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена анализу положения среднеазиатских и закавказских диаспор в Республике Бурятия. Рассмотрены исторические предпосылки формирования общин, их социально-экономическая интеграция и проблемы адаптации. Особое внимание уделено процессам сохранения этнокультурной идентичности и поддержания межкультурного диалога.

Ключевые слова: Республика Бурятия, диаспора, миграции, интеграция, этнокультурная идентичность, поликультурное пространство, межкультурный диалог.

A. N. Zagirbekov

DIASPORAS IN A MULTICULTURAL SPACE: PROBLEMS OF INTEGRATION AND IDENTITY PRESERVATION

This article analyzes the situation of Central Asian and Transcaucasian diasporas in the Republic of Buryatia. The author examines the historical preconditions for the formation of these communities, their socioeconomic integration, and adaptation challenges. Particular attention is paid to the processes of preserving ethnocultural identity and supporting intercultural dialogue.

Keywords: Republic of Buryatia, diaspora, migration, integration, ethnocultural identity, multicultural space, intercultural dialogue.

Республика Бурятия – сложное поликультурное пространство, в котором исторически сосуществуют различные этнические группы. В постсоветский период особое место в этносоциальной структуре региона заняли диаспоры выходцев из стран Средней Азии и Закавказья – прежде всего из Азербайджана, Армении, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Их формирование было связано с масштабными миграционными процессами 1990-х гг. и последующим развитием трудовой миграции в 2000–2020-х гг.

Исторические предпосылки формирования

Распад СССР и экономический кризис 1990-х гг. стали ключевыми факторами активизации миграционных потоков. Для республик Средней Азии и Закавказья этот период сопровождался падением уровня жизни, ростом безработицы, а в ряде случаев – межэтническими и политическими конфликтами [Шарафулин 2006: 66–69]. Несмотря на собственные социально-экономические трудности, Бурятия выступила одним из направлений внутренней постсоветской миграции.

Часть мигрантов первоначально воспринимала переезд как временную стратегию заработка. Однако постепенная стабилизация положения, формирование устойчивых экономических ниш и развитие семейной миграции привели к закреплению значительного числа переселенцев в регионе. Начался процесс институционализации диаспоральных структур.

По данным Федеральной службы государственной статистики (25 апреля 2025 г.), население республики составляет 971139 чел. [Национальный состав населения РБ...

2021: 1] Этническую структуру формируют русские (63,95 %) и буряты (32,93 %), на представителей среднеазиатских и закавказских диаспор приходится 0,73 % [Национальный состав населения РФ... 2021: 1].

В постсоветский период численность среднеазиатских и закавказских общин постепенно увеличивалась за счет миграционного прироста [Вишневский 2000: 118]. Согласно данным территориальных органов статистики и миграционной службы, в 2000–2020-х гг. ежегодный миграционный прирост за счет представителей государств Центральной Азии варьировался в пределах нескольких сотен человек в год. Наибольший удельный вес составляли граждане Киргизии, Таджикистана и Узбекистана [Федеральная служба государственной статистики... 2020: 1]. Численность армянской и азербайджанской диаспор, сформировавшихся в 1990-е гг., оценивается в 1,5 тыс. чел. каждая, что делает их одними из наиболее институционально оформленных этнических общин региона [Пагбаева, Болхосоева 2026: 259].

Социально-экономическая интеграция

Среднеазиатские и закавказские диаспоры в Бурятии заняли определенные ниши в экономике региона. Основными сферами стали:

- розничная и оптовая торговля;
- общественное питание;
- строительный сектор;
- сельское хозяйство [Фермер из Армении... 2024: 1];
- сфера услуг.

Азербайджанская и армянская общины проявили высокую предпринимательскую активность, создав устойчивые бизнес-сети, основанные на родственных и земляческих связях. Выходцы из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана чаще были заняты в строительстве, торговле и сезонных работах. Подобная специализация способствовала экономической адаптации, но одновременно усиливала сегментацию рынка труда по этническому признаку [Бадмаева, Башкуева 2012: 82].

Экономическая интеграция сопровождалась формированием этнического предпринимательства как важного механизма самоподдержки диаспор, обеспечивавшего рабочие места, финансовую автономию и укрепление внутригрупповой солидарности [Рязанцев 2000: 75].

Социально-экономическая интеграция имеет и количественные показатели. По данным региональных исследований занятости, среди трудовых мигрантов из Средней Азии до 40–50 % заняты в строительном секторе, около 20–30 % – в сфере торговли и услуг, значительная часть – в сезонных и временных работах [Бадмаева, Башкуева 2012: 83]. Представители закавказских диаспор демонстрируют высокую предпринимательскую активность: доля занятых в малом и среднем бизнесе среди армянской и азербайджанской общин существенно выше среднереспубликанского показателя для мигрантов.

Их демографическая структура отличается более молодым возрастным составом. Средний возраст трудовых мигрантов из стран Средней Азии составляет от 25 до 34 лет, что ниже среднего возраста населения республики (34–39 лет) [Распределение мигрантов ... 2023: 1]. Это влияет на динамику рождаемости и формирование новых городских сообществ. В крупных населенных пунктах, особенно в Улан-Удэ, фиксируется концентрация диаспоральных групп, что отражает общероссийскую тенденцию урбанизации миграционных потоков.

Статистические данные о брачно-семейных стратегиях указывают на постепенную интеграцию. Число межэтнических браков увеличивается, особенно среди второго поколения мигрантов [Гончарова 2000: 139–145]. В Республике Бурятия, где наряду с бурятами и русскими проживают крупные диаспоры (армянская, азербайджанская, таджикская), анализ показывает следующее: среди мигрантов первого поколения доля межэтнических браков не превышает 5–7 %, при этом супруги, как правило, выбирают из своей диаспоры. Однако у их детей (второе поколение), родившихся и социализировавшихся уже в поликультурной среде Бурятии, число браков с бурятами или русскими

возрастает до 25–30 %. Например, в Улан-Удэ семьи таджикских мигрантов, осевших в республике в 1990-е гг., все чаще рождаются с местными бурятами, что напрямую отражает постепенную интеграцию диаспор через брачные стратегии. Параллельно с ростом числа межэтнических браков и интеграционными процессами диаспоры демонстрируют высокий уровень внутренней консолидации. Это наиболее наглядно проявляется в институционализации национально-культурных объединений. Ключевой площадкой для их деятельности выступает Дом дружбы народов Республики Бурятия (г. Улан-Удэ), где на постоянной основе работают десятки диаспоральных организаций, включая культурные центры казахов, узбеков, армян, киргизов, таджиков, азербайджанцев и др.

Таким образом, количественные показатели подтверждают двойственный характер процессов диаспоризации: с одной стороны, устойчивый рост и институциональное укрепление диаспор, с другой – постепенная социальная интеграция в региональное сообщество. Именно сочетание демографической динамики, экономической включенности и культурной самоорганизации формирует современный облик среднеазиатских и закавказских диаспор в Республике Бурятия.

Проблемы интеграции

Несмотря на относительную устойчивость межэтнической ситуации в регионе, процесс интеграции сопровождался рядом трудностей:

- во-первых, конкуренция на рынке труда, когда в условиях экономической нестабильности часть местного населения воспринимала мигрантов как соперников в сфере занятости, что порождало бытовые конфликты и элементы социальной напряженности;

- во-вторых, культурные различия. Отличия в религиозных практиках, семейных моделях, нормах поведения и языке иногда становились источником недопонимания. Особенно это касалось вопросов религиозной идентичности, поскольку большинство мигрантов из Средней Азии и Азербайджана исповедуют ислам, тогда как традиционный религиозный ландшафт Бурятии сочетает православие, буддизм и шаманизм;

- в-третьих, правовые и административные барьеры. Сложности с регистрацией, получением разрешений на работу и оформлением гражданства замедляли процесс полноценной интеграции, усиливая зависимость мигрантов от неформальных сетей [Саргаев 2015: 56].

Согласно статистике Министерства внутренних дел по Республике Бурятия, по итогам 2025 г., иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации было совершено 90 преступлений, что на 37,5 % меньше, чем за 2024 г. [Информация о результатах... 2025: 1]. На наш взгляд, этот процесс связан с их оттоком и общим уменьшением количества мигрантов в республике.

Сохранение этнокультурной идентичности

Одновременно с адаптацией в принимающем обществе диаспоры стремятся к сохранению собственной культурной специфики. Это проявляется в нескольких направлениях:

- создании национально-культурных автономий и общественных организаций;
- проведении традиционных праздников;
- поддержании родного языка в семейной среде;
- религиозной самоорганизации;
- формировании культурных коллективов и спортивных объединений [Там же].

Армянская и азербайджанская общины демонстрируют высокий уровень этнической консолидации, активно участвуют в культурной жизни региона, организуют национальные мероприятия, поддерживают связи с исторической родиной [Алисова 2001: 1–2]. Среднеазиатские диаспоры все еще находятся в процессе институционального укрепления [Неманова 2019: 251].

Однако со временем происходят процессы частичной ассимиляции. Представители молодого поколения, получающие образование в российских школах и вузах, чаще ис-

пользуют русский язык в качестве основного, заключают межэтнические браки и интегрируются в городскую культуру. Это создает ситуацию двойной идентичности: сохранение этнических корней сочетается с включенностью в российское гражданское пространство.

Поликультурное пространство и межкультурный диалог

Бурятия исторически развивалась как территория этнокультурного взаимодействия. Проживание бок о бок бурятского, русского и других народов создало модель относительной толерантности. В этом контексте среднеазиатские и закавказские диаспоры включаются в уже сложившуюся систему межэтнических отношений.

Важную роль в сохранении культурной идентичности диаспор и выстраивании межкультурного взаимодействия в Республике Бурятия играет Дом дружбы народов Бурятии [Гапеева 2002: 61]. Учреждение выступает как координационный и ресурсный центр для национально-культурных объединений региона, обеспечивая организационную, методическую и информационную поддержку их деятельности. Через проведение фестивалей, этнокультурных конкурсов, общественных форумов, осуществление образовательных программ создается пространство, в котором представители среднеазиатских и закавказских сообществ получают возможность публично представлять свои традиции, язык и обычаи, не замыкаясь в пределах собственных этнических групп.

Одновременно Дом дружбы народов формирует инфраструктуру устойчивого межкультурного диалога. Реализация просветительских и молодежных проектов, проведение встреч, семинаров и культурных акций формируют толерантность и взаимное уважение в поликультурной среде. В этом контексте учреждение выполняет двойную функцию: с одной стороны, поддерживает механизмы сохранения этнокультурной самобытности, с другой – содействует интеграции диаспор в социальное и культурное пространство региона без утраты ими собственной идентичности.

Культурные фестивали, образовательные проекты, деятельность Дома дружбы народов и национально-культурных объединений способствуют межкультурному диалогу. Такие формы взаимодействия снижают риск маргинализации и формируют общую региональную идентичность при сохранении этнического многообразия [Официальный сайт Дома дружбы народов 2026].

Перспективы развития

Перспективы развития диаспор во многом зависят от нескольких факторов:

- экономическая стабильность региона;
- эффективность государственной национальной политики;
- уровень вовлеченности молодого поколения в деятельность диаспоры;
- развитие институтов гражданского общества;
- баланс между интеграцией и сохранением культурной автономии.

Оптимальная модель – сохранение идентичности, при которой диаспоры становятся активными участниками общественной и экономической жизни, не теряя связи с историческими корнями.

Заключение

Среднеазиатские и закавказские диаспоры в Республике Бурятия – важная часть современного этнокультурного ландшафта региона. Их формирование обусловлено постсоветскими миграционными процессами, а развитие – с успешной адаптацией в поликультурном пространстве.

Интеграция сопровождается объективными трудностями, но в целом процесс характеризуется относительной стабильностью и отсутствием масштабных межэтнических конфликтов. Сохранение этнокультурной идентичности сочетается с постепенным включением в региональное сообщество, что порождает новые формы многоуровневой идентичности. В условиях глобализации они не только хранят традиции, но и вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие региона, выполняя посредническую функцию между различными культурными и экономическими пространствами.

Источники и литература

Информация о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России, подчиненных МВД по Республике Бурятия, за 2025 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД по РБ. – Режим доступа: <https://03.mvd.rf/Dejatelnost/statistika-i-analitika/statisticheskie-svedeniya-po-migracionnoy-item/77863126/> (дата обращения: 24.02.2026).

Национальный состав населения Республики Бурятия по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. по состоянию на 1 октября 2021 г. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – Режим доступа: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn-2020analitik> (дата обращения: 14.02.2026).

Национальный состав населения Российской Федерации согласно Переписи населения 2021 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-5_VPN-2020.xlsx] (дата обращения: 12.02.2026).

Распределение мигрантов по основным возрастным группам (Республика Бурятия) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: [<https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1775309491&tld=ru&lang=ru&name=Распределение%20мигрантов%20по%20основным%20возрастным%20группам.xlsx&text=возрастная%20структура%20населения%20бурятии%20среди%20мигрантов&url>] (дата обращения: 04.04.2026).

Официальный сайт Дома дружбы народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://дом-дружбы03.рф> (дата обращения: 21.12.2025).

Алисова М. Армяне в Бурятии / М. Алисова // Правда Бурятии. – 2001. – 20 апр.

Бадмаева Л. В. Иностранная рабочая сила в Республике Бурятия: мотивация приезда и правовые основы пребывания / Л. В. Бадмаева, Е. Ю. Башкуева // Проблемы народонаселения Сибири: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (г. Улан-Удэ, 14–17 июня 2012 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – С. 81–85.

Вишневский А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор / А. Г. Вишневский // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 115–129.

Гапеева А. В. Национально-культурные центры как фактор стабильности межкультурных отношений в полиэтничном обществе: дис... канд. культурологии: 24.00.01 / А. В. Гапеева. – Улан-Удэ, 2002. – 149 с.

Гончарова Г. С. Этнически смешанные семьи и межнациональные браки в некоторых автономиях Сибири / Г. С. Гончарова // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 3. – Новосибирск, 2000. – С. 139–145.

Неманова Э. А. Национально-культурные центры Бурятии: направления и формы деятельности / Э. А. Неманова // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития. Т. 1. – Улан-Удэ: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2019. – С. 249–253.

Пагбаева А. Ю. Изменения этнического состава населения Республики Бурятия / А. Ю. Пагбаева, Е. Б. Болхосоева // Естественные науки во Внутренней Азии: поиски и перспективы исследований. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2026. – С. 257–261.

Рязанцев С. В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов / С. В. Рязанцев // Общественные науки и современность. – 2000. – № 5. – С. 73–86.

Саргаев А. В. Социально-культурная и правовая адаптация иностранных граждан в Российской Федерации (на материалах Республики Бурятия) [Электронный ресурс] / А. В. Саргаев. – Улан-Удэ, 2015. – Режим доступа: <https://www.bsu.ru/content/dissert/192/dissertaciya-sargaev-a.v.pdf> (дата обращения: 24.12.2025).

Фермер из Армении выращивает в Бурятии виноград [Электронный ресурс] // Служба информации «Номер один». – Режим доступа: <https://gazeta-n1.ru/news/society/137360/> (дата обращения: 24.02.2026).

Шарафулин М. М. Межнациональные конфликты: причины, типология, пути решения / М. М. Шарафулин // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 45. – С. 64–73.

References

Informaciya o rezul'tatah deyatel'nosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'nyh organov MVD Rossii, podchinennyh MVD po Respublike Buryatiya, za 2025 g. [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt MVD po RB. – Rezhim dostupa: <https://03.mvd.rf/Dejatelnost/statistika-i-analitika/statisticheskie-svedeniya-po-migracionnoj-item/77863126/> (data obrashcheniya: 24.02.2026).

Nacional'nyj sostav naseleniya Respubliki Buryatiya po itogam Vserossijskoj perepisi naseleniya 2020 g. po sostoyaniyu na 1 oktyabrya 2021 g. [Elektronnyj resurs] // Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Buryatiya. – Rezhim dostupa: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn-2020analitik> (data obrashcheniya: 14.02.2026).

Nacional'nyj sostav naseleniya Rossijskoj Federacii soglasno Perepisi naseleniya 2021 g. [Elektronnyj resurs] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. – Rezhim dostupa: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-5_VPN-2020.xlsx] (data obrashcheniya: 12.02.2026).

Raspredelenie migrantov po osnovnym vozrastnym gruppam (Respublika Buryatiya) [Elektronnyj resurs] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. – Rezhim dostupa: [<https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1775309491&tld=ru&lang=ru&name=Raspredelenie%20migrantov%20po%20osnovnym%20vozrastnym%20gruppam.xlsx&text=vozrastnaya%20struktura%20naseleniya%20buryatii%20sredi%20migrantov&url>] (data obrashcheniya: 04.04.2026).

Oficial'nyj sajt Doma družby narodov [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://domdružby03.rf> (data obrashcheniya: 21.12.2025).

Alisova M. Armyane v Buryatii / M. Alisova // *Pravda Buryatii*. – 2001. – 20 apr.

Badmaeva L. V. Inostrannaya rabochaya sila v Respublike Buryatiya: motivaciya priezda i pravovye osnovy prebyvaniya / L. V. Badmaeva, E. Yu. Bashkueva // *Problemy narodonaseleniya Sibiri: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uch. (g. Ulan-Ude, 14–17 iyunya 2012 g.)*. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2012. – S. 81–85.

Vishnevskij A. G. Raspad SSSR: etnicheskie migracii i problema diaspor / A. G. Vishnevskij // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2000. – № 3. – S. 115–129.

Gapeeva A. V. Nacional'no-kul'turnye centry kak faktor stabil'nosti mezhekul'turnyh otnoshenij v politnicheskome obshchestve: dis... kand. kul'turologii: 24.00.01 / A. V. Gapeeva. – Ulan-Ude, 2002. – 149 s.

Goncharova G. S. Etnicheski smeshannye sem'i i mezhnacional'nye braki v nekotoryh avtonomiyah Sibiri / G. S. Goncharova // *Etnosocial'nye processy v Sibiri*. Vyp. 3. – Novosibirsk, 2000. – S. 139–145.

Nemanova E. A. Nacional'no-kul'turnye centry Buryatii: napravleniya i formy deyatel'nosti / E. A. Nemanova // *Sohranenie, izuchenie i populyarizaciya naslediya: opyt uchastiya i vektory razvitiya*. T. 1. – Ulan-Ude: FGBOU VO «Vostochno-Sibirskij gosudarstvennyj institut kul'tury», 2019. – S. 249–253.

Pagbaeva A. Yu. Izmeneniya etnicheskogo sostava naseleniya Respubliki Buryatiya / A. Yu. Pagbaeva, E. B. Bolhosoeva // *Estestvennye nauki vo Vnutrennej Azii: poiski i perspektivy issledovaniy*. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2026. – S. 257–261.

Ryazancev S. V. Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak forma adaptacii migrantov / S. V. Ryazancev // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2000. – № 5. – S. 73–86.

Sargaev A. V. Social'no-kul'turnaya i pravovaya adaptaciya inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii (na materialah Respubliki Buryatiya) [Elektronnyj resurs] / A. V. Sargaev. – Ulan-Ude, 2015. – Rezhim dostupa: <https://www.bsu.ru/content/dissert/192/dissertaciya-sargaev-a.v.pdf> (data obrashcheniya: 24.12.2025).

Fermer iz Armenii vyrashchivaet v Buryatii vinograd [Elektronnyj resurs] // Sluzhba informacii «Nomer odin». – Rezhim dostupa: <https://gazeta-n1.ru/news/society/137360/> (data obrashcheniya: 24.02.2026).

Sharafulin M. M. Mezhnacional'nye konflikty: prichiny, tipologiya, puti resheniya / M. M. Sharafulin // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2006. – № 45. – S. 64–73.

УДК 37 (571.54)

ББК 74 (2Р54)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-57-62

С. Б. Бухоголова

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧОЙЖИЛ-ЛХАМЫ БАЗАРОНА

Статья посвящена исследованию просветительской деятельности Чойжил-Лхамы Базарона – одного из выдающихся бурят-монгольских деятелей, который в условиях массовой неграмотности населения (1920–1930-е гг.) внес большой вклад в подготовке и публикации учебников и учебных материалов на монгольской письменности, латинице и русском языке. Особой популярностью пользовались его буквари, созданные на основе слога-звукового и аналитико-синтетического метода К. Д. Ушинского.

Ключевые слова: Чойжил-Лхама Базарон, просветитель, педагог, издательская деятельность Буручкома, букварь, учебники на монгольской письменности.

S. B. Bukhогоlova

EDUCATIONAL ACTIVITIES OF CHOYJIL-LKHAMA BAZARON

The article is devoted to the study of the educational activities of Choyzhil-Lkhama Bazaron, one of the outstanding Buryat-Mongolian figures, who, in the context of widespread illiteracy among the population (1920s–1930s), made a significant contribution to the preparation and publication of textbooks and educational materials in Mongolian script, Latin, and Russian. His primers, based on the syllabic-sound and analytical-synthetic methods of K. D. Ushinsky, were particularly popular among the people.

Keywords: Choyjl-Lkhama Bazaron, educator, teacher, Buruchkom publishing activities, textbooks in Mongolian script.

Введение

Чойжил-Лхама Базарон (из рода харгана) – известный учитель, просветитель, общественный деятель, драматург, член Русского географического общества и Союза писателей СССР родился 1 марта 1878 г. в местности Дылгыр, или Эбигэлтуй (ныне с. Цокто-Хангил) Агинского автономного округа младшим ребенком в семье Гадаева Базара. С самого детства в нем ярко проявлялась страсть к знаниям, учебе.

После окончания Агинского приходского училища Ч.-Л. Базарон избран Общественным приговором агинских бурят стипендиатом им. Николая II № 8 от 21 июля 1893 г. при Иркутской учительской семинарии. Стипендия им. Николая II была учреждена на основе прошения агинских бурят после приезда цесаревича в Забайкалье [Батомункина 2018: 1]. После окончания Иркутской учительской семинарии с 1897 г. он начал педагогическую деятельность, поскольку с детства у него была цель – учить людей грамоте. На протяжении 40 лет он был верен призванию: вплоть до его ареста в 1937 г. В 1897–1916 гг. преподавал в Табтанае (в Агинском), затем в 1912–1916 гг. – в Агинском приходском училище, в Агинской высшей начальной школе, в 1905–1907 гг. – в Читинской учительской семинарии, в 1925–1930 гг. – в Агинской школе I ступени, в 1930–1933 гг. – в Агинском педагогическом техникуме, в 1935–1937 гг. – в Зугалайской школе [Первая школа Аги 2012: 23].

В 1899 г. Ч.-Л. Базарон в качестве переводчика принимал участие в экспедиции русского путешественника Г. Н. Потанина в приграничных районах России, Монголии и Китая (Большой Хинган), собрал этнографические и фольклорные материалы, на основе которых им были изданы «Двести загадок агинских бурят» и «Пословицы агин-

БУХОГОЛОВА Саяна Батуевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: sayana050379@yandex.ru.

ских бурят». Попутно он занимался сбором гербария растений-эндемиков, которые ныне хранятся в Читинском краеведческом музее. Летом 1908 г. в статусе переводчика он участвовал в проведении статистического учета населения и хозяйств агинских бурят, инициированным Читинским отделением Русского географического общества под руководством П. Д. Мурзина [Гордость древней Аги 2005: 40].

Наряду с основной педагогической деятельностью в разные периоды своей жизни Ч.-Л. Базарон занимал должность редактора газеты «Хамтаран хүдэлмэрлгын үгэ» (Кооперативное слово) на бурят-монгольском языке, председателя Кредитного общества, председателя Общества просвещения бурят, ученого секретаря Бурятского ученого комитета, заведующего Агинской высшей школы и отдела народного образования Агинского аймака, депутата и члена Учредительного совета Дальневосточной республики, редактора Бурятского государственного издательства, председателя Агинской аймачной думы. Вместе со своими сподвижниками он организовал курсы для учителей, образовал литературный кружок в Агинской школе, был основателем Нижне-Таптанайской школы, школьным инструктором и членом Бурятского училищного совета и т. д.

Чойжил-Лхама Базарон – один из первых бурятских драматургов. В 1926 г. были изданы его пьесы на бурятском языке: «Хаарташан» (Картежники), «Тарян» (Хлеб), «Үнэнэй түлөө» (За правду). Известны его и другие пьесы – «Шэнэ гэрэй наадан» (Новоселье), «Луйбаршан» (Мошенники), «Үнэнэй зам» (Путь к правде) и др. Следует отметить его переводы с русского на бурятский язык. Среди них рассказы для внеклассного чтения: «Волшебное подземелье», «Цари и революционеры», «История русской коммунистической (большевистской) партии», «История коммунистического союза русских юных ленинцев» и т. д.

Как и многих других прогрессивных деятелей того периода, Ч.-Л. Базарона не обошла стороной волна репрессий, он был арестован по ложному обвинению 17 апреля 1937 г. и приговорен к расстрелу. Позднее постановлением Военного трибунала Забайкальского военного округа от 19 июня 1957 г. посмертно реабилитирован за отсутствием состава преступления. 11 февраля 1959 г. бюро правления Союза писателей вынесло решение восстановить его в рядах Союза писателей СССР. Его имя присвоено средней школе с. Цокто-Хангил Агинского района Забайкальского края [Энциклопедия Забайкалья... 2009: 56].

Деятельность Чойжил-Лхамы Базарона – одного из выдающихся бурят-монгольских деятелей – не получила должного научного освещения. Его родословная была рассмотрена Ц. Ц. Бальжинимаевой в статье «Чойжилхама Базарон ууг тухай» (О родословной Чойжилхамы Базарона) [1998: 206–207], Д. Д. Доржиевым в статье «Чойжил Лхамо Базарон» [1998: 8–9], в материалах научной конференции «Цыбиковские чтения-7». Общие сведения о Чойжил-Лхаме Базароне содержатся в монографических работах [Гордость древней Аги 2005: 38–40; Первая школа Аги 2012: 23; Энциклопедия Забайкалья... 2009: 56] и т. д. Его деятельность нашла отражение и в публицистике Г. Х. Базаржаповой-Дашеевой [2009: февр. 5: 26; февр. 12: 26; февр. 19: 26–27; февр. 26: 26–27; мартын 5: 26–27], Д. Будажаповой [2003], О. Ж. Рыгzenовой [2003: 103–108] и Ц. Батомункиной [2018] и т. д.

Труды Ч.-Л. Базарона

Ч.-Л. Базарон посвятил свою жизнь обучению, просвещению бурят-монголов на монгольской письменности, латинском и русском алфавитах в зависимости от социально-политических условий. В процессе преподавания он составил буквари, книги для чтения, сборники арифметических задач и упражнений, словари, по которым учились буряты вплоть до 1940 г.

Стоит подчеркнуть, что в выборе жизненного пути большое влияние оказала на него учеба в Иркутской семинарии. Будучи студентом, он примкнул к кругу единомышленников, создавшим новое направление: литературу бурятского просветительства 1920-х гг., которая зародилась в среде студентов-бурят в г. Иркутск на основе идеи всеобщего просвещения бурятского народа. В будущем она получила развитие в Иркутске, Агинском

и Санкт-Петербурге. За этот недолгий период на смену сочинений монгольских, тибетских и индийских авторов пришли классические произведения русской и европейской литературы. Рассказы и лирические поэмы как новый жанровый вид часто становились объектами творчества литераторов-просветителей. Кроме того, у бурятских писателей как самостоятельное направление появилась еще драматургия.

Начальный период советской власти (1920–1930-е гг.) характеризуется положительными тенденциями в сфере языка, культуры бурятского народа, наблюдается заметное расширение области применения бурятского языка, обучение в школе проходило полностью на бурятском языке, в целях ликвидации неграмотности появились так называемые ликбезы для взрослого населения, развивалась издательская деятельность на родном языке, происходит формирование бурятской интеллигенции и т. д. [Буряты 2004: 232].

В этих благоприятных политических условиях педагогический опыт Ч.-Л. Базарона позволил ему успеть подготовить и опубликовать серию учебников, пособий для учащихся на монгольской письменности. Уже в 1906 г. издан его первый букварь «Монгол-буряад үгэ. Буряад хургуулида хураха үзэг. Анха түрүүшын жэлдэ үзүүлхэ» (Mongyulburiyad-un üge. Buriyad-un surγayuli-du surqu üsüg. Angqa terigün jil-dü üjegülkhü; Монголо-бурятское слово. Букварь для бурятской школы. Первый год обучения). Он был снабжен текстами для чтения на бытовые темы, большая часть которых составлена самим автором. Этот труд является первым букварем, отпечатанным на монгольской письменности объемом в 50 страниц в типографии известного врача и просветителя Петра Бадмаева в г. Чите [Гордость древней Аги 2005: 39]. Его автором была продолжена традиция Ринчена Номтоева, применившего в своей «Азбуке» слого-звуковой аналитико-синтетический метод, который отражает нормы лингвистической и педагогической науки. «Азбука» Р. Номтоева была издана в Казани в 1863 г. с разрешения Забайкальского областного управления от 14 августа 1863 г. за № 2772 [Актамов 2022: 48].

Букварь Ч.-Л. Базарона лег в основу преподавания монгольской письменности по новой методике. До появления этого издания обучение грамоте велось по рукописям. Когда умение читать и писать стало жизненно важным, спрос на буквари и другие учебные материалы значительно вырос. Чойжил-Лхама Базарон, как и Ринчен Номтоев, успешно перенял методический опыт у основоположника научной педагогики России К. Д. Ушинского, педагогические взгляды которого он разделял еще, будучи студентом Иркутской семинарии. Он также был солидарен с ним и поддерживал его идею о демократизации народного образования, воспитании детей на народных традициях.

В 1917 г. увидел свет его очередной букварь «Монгол-буряад үзэг» (Mongyulburiyad üsüg; Монголо-бурятский букварь), отпечатанный в типографии забайкальских кооперативов. Он предназначался для обучения детей и взрослых. Вплоть до середины 1920-х гг. это было основное учебное пособие.

Неудивителен тот факт, что к Ч.-Л. Базарону как к опытному автору букварей поступило предложение от Бурят-Монгольского ученого комитета о составлении учебников и пособий для начального и среднего образования. Таким образом, 1 ноября 1924 г. он был зачислен в штат Ученого комитета, однако через год вернулся к педагогической деятельности. Во время работы в этом учреждении и в последующие годы Ч.-Л. Базарон подготовил и издал много учебников и пособий.

Первым трудом Ч.-Л. Базарона в составе Буручкама стал «Тоо бодолгондо шудалха анхан шатын хургуулида үзэхэ дүрим дэбтэр» (Тоуан-и бодулян-ду сидулху анган шату-йин сурγayuli-du üjekü terigün debter; Сборник арифметических задач и упражнений. Для школ первой ступени) (1924). В нем даны задания на формирование основ вычислительных навыков сложения, вычитания, деления, умножения, а также изучения компонентов их действий: слагаемые, сумма, уменьшаемое, вычитаемое, разность в пределах чисел 10, 20, 100.

Затем свет увидели еще два его сборника, составленные по принципу нарастающей сложности: «Тоо бодолгондо шудалха анхан шатын хургуулида үзэхэ хоёрдохи дэбтэр» (Тоуан-и бодулян-ду сидулху анган шату-йин сурγayuli-du üjekü qoyarduyar debter; Вто-

рой сборник арифметических задач и упражнений. Для школ первой ступени) (1925); «Тоо бодолгондо шудалха анхан шатын хургуулида үзэхэ гурбадахи дэбтэр» (Тоуан-и бодулан-ду сидулху анган шату-йин сургаули-ду үжекү гурбадугар дебтер; Третий сборник арифметических задач и упражнений. Для школ первой ступени) (1926).

Кроме того, Ч.-Л. Базароном была составлена серия книг для чтения «Улаан одон» (Улаан одун; Красная звезда) для учащихся 2-, 3- и 4-го годов обучения, изданная в Верхнеудинске в 1924–1926 гг. В них он выступил и как составитель, и как автор части текстов. В качестве примера рассмотрим первую главу одной из этих книг для чтения, которая содержит тексты, посвященные образу жизни человека, бытовым вопросам: «Kümün-ü bey-e-yi üliger-iyer üjegülbesü» (Человеческое тело как образец), «Manu баган күдөлмүричид» (Мои маленькие труженики), «Tegerm-e» (Мельница), «Aman-du oruysan idegen tus» (Пища, попадаемая в рот), «Manu тогун-и гер» (Наша кухня) и т. д.

Ч.-Л. Базарон не обошел вниманием тексты общественно-политического характера, присущие советской эпохе: «Buriyad mongyul avtonom soveyid neyigem rispublig tus» (Бурят-монгольская советская социалистическая республика), «Buriyad mongyul-un yajar orun qamiyan bui kemebesü» (Где находится Бурят-монгольская республика?), «Soveyid neyigem eblel rispublig» (Советская социалистическая союзная республика).

Автором книги для чтения приведены тексты страноведческой тематики, связанные с местными административными единицами, по всей видимости, составленные им же. К ним относятся «Yambar ayımaу bui kemebesü» (Какие аймаки в республике?), «Qori-yin ayımaу tus» (Хоринский аймак), «Yambar ajil-tai bui kemebesü» (Какие профессии в республике?), «Degedü üde-yin üyesde tus» (Уезды Верхнеудинска), «Üyesde-yin dotur sayuysan kümüs tuqai» (О людях, живущих в уездах), «Troyičqusabsqa-yin ayımaу tus» (Аймаки Троицкосавска), «Tere-kü ayımaу dotur-a sayuysan kümüs tus» (Население данного аймака), «Tüngken-ü ayımaу tus» (Тункинский аймак), «Boqan-ü ayımaу» (Боханский аймак), «Ekired-ü bulıad-un ayımaу» (Эхирит-Булагатский аймак), «Barıajın-ü ayımaу» (Баргузинский аймак) и т. д. [Базарон 1925: 3–38].

В целях ликвидации неграмотности среди взрослого населения им были разработаны специальные буквари для взрослых, к их числу относятся «Буряад-монгол совед наһа гүйсэгшэдэй үзэглэл» (Buriyadmongyul soved nasu güičegčid-ün üsüglel; Бурят-монгольский советский букварь для взрослых) (1925); «Хүдөө ажалай наһа гүйсэгшэдэй үзэглэл» (Ködege ajil-un nasu güičegčid-ün üsüglel; Сельско-хозяйственный букварь для взрослых) (1927–1928); «Наһа гүйсэгшэдэй үзэглэл» (Nasu güičegčid-ün üsüglel; Букварь для взрослых) (1930); «Грамматика и правописание бурятского языка для школ малограмотных» (1936). В них, наряду с буквами монгольского алфавита, данными по слоговому методу, представлены простые предложения различной тематики. Однако большая часть из них посвящена сельскому хозяйству, скотоводческо-земледельческой тематике, где главными персонажами являются трудолюбивые молодые люди по имени Абида и Эрдэм.

Ч.-Л. Базарон был автором книг для внеклассного чтения «Манай ороной ан» (Qalayun orun-u ang; Животные жарких стран) (1927), «Манай ороной ан» (Manai orun-u ang; Наши местные звери) (1927), «хургуули ба ажал» (Surгаули ба ажил; Школа и труд) (1928), «Эдир ленинцууд» (Edir liininčud; Юные ленинцы) (1931) и др. Заметен его творческий подход к созданию книг для чтения, которые написаны образным языком, имеют композиционно-сюжетное построение, умело подобраны пословицы, поговорки, загадки из устной народной поэзии. В них преследуется цель заложения основы правильного воспитания ребенка: в русле трудолюбия, бережного отношения к окружающей среде и владения основными бытовыми навыками.

Заключение

Просветительская концепция Ч.-Л. Базарона опиралась на интеллектуальное наследие бурятских мыслителей 1920-х гг., транслировавших педагогические идеи К. Д. Ушинского о демократизации образования и об опоре на национальные традиции. Данная парадигма всецело определяла вектор деятельности Ч.-Л. Базарона вплоть до момента, когда процесс развития был насильственно прерван политическими репрессиями 1937–1938 гг.

Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект «Традиционная письменная культура народов Внутренней Азии в системе духовных ценностей России») № 126020516671-1.

Источники и литература

Актамов И. Г. Структурно-содержательные особенности азбуки Р. Номтоева / И. Г. Актамов // Наследие Ринчена Номтоева – выдающегося ученого, литератора, просветителя: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. – С. 47–56.

Базарон Ч.-Л. Красная звезда: книга для чтения / Ч.-Л. Базарон – Верхнеудинск: Изд. Бурят-Монгольского ученого комитета, 1925. – 157 с. (на старопис. монг. яз.)

Бальжинимаева Ц. Ц. Чойжилхама Базароной уг тухай / Ц. Ц. Бальжинимаева // Цыбиковские чтения-7: мат-лы науч. конф. / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 1998. – С. 206–207. (на бурят. яз.)

Батомункина Ц. Малоизвестные страницы жизни Чойжил-Лхамы Базарона / Ц. Батомункина // Агинская правда. – 2018. – 3 февр.

Будажанова Д. Жизнь, отданная народу: к 125-летию со дня рождения Ч.-Л. Базарона / Д. Будажанова // Агинская правда. 2003. 1 апр.

Буряты / отв. ред.: Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М.: Наука, 2004. – 632 с.

Гордость древней Аги. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. – 424 с.

Доржиев Д. Д. Чойжил Лхамо Базарон / Д. Д. Доржиев // Цыбиковские чтения – 7: мат-лы науч. конф. / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 1998. – С. 8–9.

Первая школа Аги / кол. авт.; рук. проекта Д. Д. Доржиева. – Улан-Удэ: Новапринт, 2012. – 399 с.

Рыгзенова О. Ж. 125 лет со дня рождения просветителя, общественного деятеля Ч.-Л. Базарона / О. Ж. Рыгзенова // Бурятия – 2003: календарь знаменательных и памятных дат / Национальная библиотека РБ. – Улан-Удэ, 2003. – С. 103–108.

Энциклопедия Забайкалья: Агинский Бурятский округ. – Новосибирск: Наука, 2009. – 352 с.

Базаржапова-Дашеева Г. Х. Нэрэнүүдынь сагааруулагдаа, зохёолнуудынь бусаагдаа / Г. Х. Базаржапова-Дашеева // Буряад Үнэн: Дүхэриг. – 2009. – февр. 5. – Н. 26; февр. 12. – Н. 26; февр. 19. – Н. 26–27; февр. 26. – Н. 26–27; мартын 5. – Н. 26–27. (на бурят. яз.)

References

Aktamov I. G. Strukturno-soderzhatel'nye osobennosti azbuki R. Nomtoeva / I. G. Aktamov // Nasledie Rinchena Nomtoeva – vydayushchegosya uchenogo, literatora, prosvetitel'ya: sb. nauch. st. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2022. – S. 47–56.

Bazon Ch.-L. Krasnaya zvezda: kniga dlya chteniya / Ch.-L. Bazon – Verhneudinsk: Izd. Buryat-Mongol'skogo uchenogo komiteta, 1925. – 157 s. (na staropis. mong. yaz.)

Bal'zhinimaeva C. C. Chojzhilhama Bazaronoj ug tuhaj / C. C. Bal'zhinimaeva // Cybikovskie chteniya-7: mat-ly nauch. konf. / Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. – Ulan-Ude, 1998. – S. 206–207. (na buryat. yaz.)

Batomunkina C. Maloizvestnye stranicy zhizni Chojzhil-Lhamy Bazarona / C. Batomunkina // Aginskaya pravda. – 2018. – 3 fevr.

Budazhapova D. Zhizn', otdannaya narodu: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya Ch.-L. Bazarona / D. Budazhapova // Aginskaya pravda. 2003. 1 apr.

Buryaty / отв. red.: L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya. – M.: Nauka, 2004. – 632 s.

Gordost' drevnej Agi. – Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2005. – 424 s.

Dorzhiyev D. D. Chojzhil Lhamo Bazaron / D. D. Dorzhiev // Cybikovskie chteniya – 7: mat-ly nauch. konf. / Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. – Ulan-Ude, 1998. – S. 8–9.

Pervaya shkola Agi / kol. avt.; ruk. proekta D. D. Dorzhieva. – Ulan-Ude: Novaprint, 2012. – 399 s.

Rygzenova O. Zh. 125 let so dnya rozhdeniya prosvetitelya, obshchestvennogo deyatelya Ch.-L. Bazarona / O. Zh. Rygzenova // Buryatiya – 2003: kalendar' znamenatel'nyh i pamyatnyh dat / Nacional'naya biblioteka RB. – Ulan-Ude, 2003. – S. 103–108.

Enciklopediya Zabajkal'ya: Aginskij Buryatskij okrug. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – 352 s.

Bazarzhapova-Dasheeva G. H. Nerenyydyn' sagaaruulagdaa, zohyoolnuudyn' busaagdaa / G. H. Bazarzhapova-Dasheeva // Buryaad Ynen: Dyherig. – 2009. – fevr. 5. – N. 26; fevr. 12. – N. 26; fevr. 19. – N. 26–27; fevr. 26. – N. 26–27; martyn 5. – N. 26–27. (na buryat. yaz.)

УДК 93/94

ББК 63.3(2)622

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-63-68

Е. В. Нолев, А. М. Плеханова

ПАМЯТЬ О РАТНОМ ПОДВИГЕ ГОРОЖАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КОММЕМОРАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ г. УЛАН-УДЭ

Статья посвящена исследованию ратного подвига улан-удэнцев в годы Великой Отечественной войны и его отражению в коммеморативном пространстве г. Улан-Удэ. Проанализированы способы увековечения памяти о воинах-горожанах. Особое внимание уделено установлению взаимосвязи Героев Советского Союза с историей столицы Республики Бурятия.

Ключевые слова: Улан-Удэ, Великая Отечественная война, историческая память, памятники, Герои Советского Союза.

E. V. Nolev, A. M. Plekhanova

MEMORY OF THE MILITARY FEAT OF THE CITIZEN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE COMMEMORATIVE SPACE OF ULAN-UDE

The article is devoted to the study of the military feat of Ulan-Ude citizens during the Great Patriotic War and its reflection in the commemorative space of the city of Ulan-Ude. Methods of perpetuating the memory of Ulan-Ude's soldiers are analyzed. Particular attention is paid to establishing the connection between the Heroes of the Soviet Union and the history of the capital of the Republic of Buryatia.

Keywords: Ulan-Ude, The Great Patriotic War, memory studies, monuments, Heroes of the Soviet Union.

В 2026 г. Улан-Удэ отмечает 360-летие. Почетное звание Российской Федерации «Город трудовой доблести» присвоено столице Республики Бурятия Указом Президента РФ в 2023 г. за значительный вклад жителей города в достижение Победы, бесперебойное производство военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, массовый трудовой героизм и самоотверженность. Результаты исследования группы ученых из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН под руководством академика РАН Б. В. Базарова легли в основу научного обоснования представления города к высокой награде [Улан-Удэ... 2025: 13]. Вместе с тем изучение значения трудового подвига жителей города в приближении Победы актуализировало направление научного поиска, связанное с историей военной доблести горожан – практикой увековечения их подвигов в коммеморативном пространстве г. Улан-Удэ.

Воины из БМАССР с первых дней войны вступили в ожесточенную схватку с врагом в составе 16-й армии, сформированной в Забайкалье и передислоцированной на территорию советской Украины незадолго до начала войны [Дугаржапов, Басаев, Тармаханов 2020а: 5]. В декабре 1941 г. на ст. Дивизионная г. Улан-Удэ была сформирована 97-я стрелковая дивизия 2-го формирования под командованием А. А. Щенникова. Начальствующий состав дивизии прибыл из Забайкальского военного округа, рядовой – формировался из военнообязанных Бурят-Монгольской АССР, Иркутской области, Урала и

НОЛЕВ Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-организационного отдела Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: nolev@inbox.ru.

ПЛЕХАНОВА Анна Максимовна – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: plekhanova.am@mail.ru.

других регионов Сибири [Пашинин 2023: 38, 62]. Улан-удэнцы воевали на всех фронтах, участвовали во всех крупных сражениях Великой Отечественной войны, а также разгроме Квантунской армии в августе – сентябре 1945 г., который ознаменовал окончательное поражение милитаристской Японии. Всего более 31 тыс. горожан отправились на войну, свыше 18 тыс. чел. (59 %) не вернулись [Бадиев 1985: 21].

С 1960-х гг. в столице республики, на территории крупных предприятий и в районах города стали устанавливать памятники, посвященные участникам Великой Отечественной войны. Два мемориальных комплекса посвящены всем участникам войны из БМАССР: «Мемориал Победы», открытый на пр. Победы 5 ноября 1967 г., и памятник «Воинам Бурятии, павшим смертью героев в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», установленный на Комсомольской площади 9 мая 1970 г. В мкр-не Горький расположено единственное воинское захоронение в г. Улан-Удэ. Здесь же 9 мая 1975 г. установлен мемориал воинам, умершим в госпиталях г. Улан-Удэ от ранений на фронтах Великой Отечественной войны.

Ряд памятников, воздвигнутых на территории предприятий города, можно объединить по профессиональному принципу: памятник воинам-рабочим и служащим авиазавода, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны (1965), памятник павшим работникам судостроительного завода (1967), памятник стекольщикам, павшим в боях за Родину (1970), памятник воинам-рабочим и служащим мясокомбината, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны (1970), мемориал рабочим и служащим локомотивагоноремонтного завода, погибшим в годы Великой Отечественной войны (1970), памятник воинам-рабочим и служащим мебельно-деревообрабатывающего комбината, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны (1970), памятник воинам-рабочим и служащим локомотивного депо, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны (1972), обелиск воинам-заводчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны – на территории бывшего завода «Электромашина» (1980), обелиск воинской славы, посвященный ветеранам войны и труженикам тыла – теплоприборовцам (1985), мемориал железнодорожникам – Героям Советского Союза (2015). В микрорайоне Вагжанова установлен памятник «Слава воинам-танкистам». Увековечены имена студентов и преподавателей вузов БМАССР, участвовавших в войне: в 1975 г. на территории БГСХА воздвигнута стела, посвященная павшим в годы Великой Отечественной войны, 7 мая 2020 г. на территории БГУ им. Д. Банзарова установлен мемориал, посвященный студентам и преподавателям БГПИ, ушедшим на фронт в 1941–1945 гг.

Отдельную группу составляют памятники воинам-землякам, маркирующие коммеморативное пространство города: памятник воинам, павшим на полях Великой Отечественной войны – в пос. Тальцы (1972), «Никто не забыт, ничто не забыто» – в пос. Забайкальский (1975), памятник воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны – в мкр-не Степной (1989), сквер «60 лет Победы» (2006) и мемориал Победы «Часовня» (2010) – в пос. Восточный.

В историографии встречаются различные мнения относительно числа Героев Советского Союза – участников Великой Отечественной войны из Бурятии: от 34 до 43 [Бурятия в годы... 1975: 30; Бурятия в годы... 2020: 17]. Фундаментальным основанием для решения данного вопроса является разработка четких принципов обоснования исторической взаимосвязи человека и региона. Подобная модель разработана нами на примере Героев Советского Союза, чья судьба связана с г. Улан-Удэ, посредством анализа обширной исторической литературы и исследования коммеморативного пространства города [Их подвиги... 2011; Памятники... 2015; Дабаин 2019, 2024; Дугаржапов, Басаев, Тармаханов 2020а, б, в; Дугаржапов, Тармаханов 2020].

Высшего звания Героя Советского Союза удостоены выпускники средней школы № 2 г. Улан-Удэ капитан 1-го ранга И. С. Иванов (1920–1998), гвардии лейтенант Г. Н. Москалев (1925–2011), младший лейтенант П. Ф. Сенчихин (1923–1944), капитан 1-го ранга Б. П. Ущев (1915–1996). Выпускником семилетней железнодорожной школы ст. Верхнеудинск является полковник Н. Я. Клыпин (1908–1943). Полковник В. П. Михалев (1917–2006) окончил семь классов в школе им. В. К. Блюхера, школу фабрично-

заводского ученичества и Улан-Удэнский аэроклуб. Гвардии старший сержант Г. С. Асеев (1920–1944) – выпускник полной средней школы № 64 (ныне МАОУ «СОШ № 65 г. Улан-Удэ имени Г. С. Асеева»).

Генерал-майор И. В. Балдынов (1903–1980) в 1925 г. был курсантом Бурят-Монгольской национальной школы младшего командного состава (Буркавшкола) в г. Верхнеудинске, а затем с 1928 по 1938 г. служил в Буркавбригаде, дислоцированной в г. Верхнеудинске/Улан-Удэ. В 12-м кавалерийском полку Буркавбригады начинал свой боевой путь старший лейтенант Г. А. Гармаев (1916–1945). В 1942 г. ускоренный курс Забайкальского пехотного училища в г. Улан-Удэ прошел гвардии сержант А. И. Валиев (1924–1975). Старший лейтенант К. В. Оцимик (1919–1963) в 1936 г. обучался на курсах бухгалтеров в г. Улан-Удэ, а в начале 1944 г. успешно окончил курсы артиллерийского училища Забайкальского фронта.

До войны подготовку руководителей в г. Верхнеудинске прошли: знаменитый советский снайпер – лейтенант Ж. Е. Тулаев (1905–1961), окончивший в 1929 г. курсы председателей коммун, и гвардии полковник В. Б. Борсоев (1906–1945), выпускник совпартшколы 1930 г. В 1960 г. двухгодичную партийную школу в г. Улан-Удэ окончил полный кавалер ордена Славы гвардии старший сержант Н. Ф. Суворов (1923–2004).

Три Героя Советского Союза призвались на фронт с паровозо-вагонного завода: гвардии младший лейтенант С. Н. Орешков (1916–1943) работал мастером, капитан И. А. Вакарин (1911–1945) – котельщиком, младший лейтенант И. И. Ишкин (1914–1964) – бойцом-пожарным военизированной части при ПВЗ. На заводе перед войной трудился слесарем полный кавалер ордена Славы гвардии младший сержант П. А. Попов (1916–2005). Гвардии капитан Д. Ж. Жанаев (1907–1945) в 1938–1941 гг. работал на самолетостроительном заводе № 99 в должности инженера-энергетика, а затем начальника электроцеха. Старший сержант Н. С. Афанасьев (1910–1980) и гвардии сержант О. А. Денисов (1912–1956) перед войной трудились на Улан-Удэнском мясоконсервном комбинате. Слесарем цеха шасси на заводе «Лесосудмашстрой» в 1940–1942 гг. работал младший лейтенант П. Ф. Сенчихин (1923–1944). На Улан-Удэнском стекольном заводе до войны – слесарем, а после Победы – загрузчиком топлива и газогенераторщиком работал полный кавалер ордена Славы сержант П. К. Радикальцев (1912–1977). Капитан Д. Т. Левченко (1911–1941) приехал в г. Верхнеудинск в 1928 г. и после окончания ФЗУ до призыва в армию в 1931 г. был слесарем в железнодорожных мастерских. Гвардеец И. М. Чертенков (1912–1943) прибыл в Улан-Удэ в 1936 г. по оргнабору – трудился на строительстве пединститута, а затем – контролером железнодорожной станции Улан-Удэ. Полный кавалер ордена Славы гвардии сержант И. В. Максимов (1922–1984) до войны работал слесарем, а затем – поездным вагонным мастером в вагонном депо ст. Улан-Удэ. Сержант И. М. Котов (1915–1995) с 1929 по 1940 г. трудился водителем в г. Улан-Удэ.

С 1940 по 1942 г. летчиком-инструктором Забайкальской военной авиационной школы пилотов, дислоцированной в г. Улан-Удэ, служил капитан Ю. А. Гарнаев (1917–1967). Полковник П. Т. Харитонов (1916–1987) до войны трудился плотником на строительстве мясоконсервного комбината, а после окончания педагогических курсов – учителем начальных классов в школе № 12. Полный кавалер ордена Славы старшина А. Г. Батурин (1911–1962) занимал должность главного бухгалтера в горздравотделе.

После войны полковник В. С. Макаров (1923–1994) работал преподавателем кафедры спецподготовки Бурят-Монгольского зооветинститута в 1959–1961 гг., в период с 1962 по 1967 г. служил старшим офицером по оперативно-организационным вопросам и боевой подготовке штаба гражданской обороны Бурятской АССР, затем старшим преподавателем – заместителем начальника курсов гражданской обороны Бурятской АССР. В 1952 г. летчиком-испытателем на авиационном заводе № 99 работал майор В. Н. Яшин (1922–1952). В начале 1980-х гг. старшим инженером по снабжению в административно-хозяйственной части Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР трудился гвардии младший сержант В. Х. Хантаев (1924–1990). В 1971–1979 гг. в строительном

управлении и жилищно-коммунальном хозяйстве г. Улан-Удэ работал гвардии майор С. И. Вандышев (1919–1996). После войны в г. Улан-Удэ вернулись К. В. Оцимик, руководивший Улан-Удэнским трестом столовых в 1946–1947 гг., и Г. Н. Москалев, возглавивший в 1962 г. правление Союза художников Бурятии и в 1966 г. Художественный музей им. Ц. С. Сампилова. С 1950 по 1984 г. начальником складского хозяйства и руководителем группы материально-технического снабжения на Улан-Удэнском авиационном заводе трудился младший лейтенант И. И. Фалилеев (1924–2012), представленный к званию Героя Советского Союза за форсирование р. Вислы в июле 1944 г. и награжденный за этот подвиг орденом Ленина.

Именами Героев Советского Союза, чьи судьбы связаны с Бурятией, названы 23 улицы г. Улан-Удэ. Одна из них в пос. Стеклозавод носит имя полного кавалера ордена Славы П. К. Радикальцева, именем кавалера ордена Ленина Ц. Р. Доржиева названа улица в пос. Забайкальский. В городе расположены проспект Победы, улицы Победы (пос. Исток), 30 лет Победы (пос. Забайкальский), 40 лет Победы (пос. Тулунжа). В столице республики установлены 16 памятников-бюстов Героям Советского Союза, в т. ч. 2 памятника-бюста Д. Ж. Жанаеву (в парке им. Д. Ж. Жанаева и на территории СОШ № 9). В Железнодорожном районе г. Улан-Удэ имена Героев Советского Союза увековечены в названиях рабочего поселка (микрорайона) Орешкова, парка им. С. Н. Орешкова (бывший парк культуры и отдыха ПВЗ), парка им. Д. Ж. Жанаева, сквера им. П. Ф. Сенчихина. Пяти школам города присвоены имена участников Великой Отечественной войны: СОШ № 65 носит имя Героя Советского Союза Г. С. Асеева, СОШ № 31 – Героя Советского Союза П. Т. Харитонов, СОШ № 12 – Героя Советского Союза Ж. Е. Тулаева, СОШ № 26 – Героя Советского Союза П. Ф. Сенчихина, СОШ № 41 – участника Великой Отечественной войны И. Н. Баторова.

Горожане свято чтят память о Победе в Великой Отечественной войне, ставшей одним из ключевых оснований идентичности российского общества, которое не может быть подвергнуто историческому ревизионизму. Большинство мемориалов – места памяти, где ежегодно проводятся ритуалы почитания. При этом символом ушедшей эпохи служат памятники, установленные на территориях предприятий, не сохранившихся до наших дней, – судостроительного, стекольного заводов, завода «Электромашина» (в годы войны – Улан-Удэнский механический завод треста «Лесосудомашстрой»). Хотя после закрытия стекольного завода произошла трансформация символического значения памятника: из объекта коммеморации воинам-заводчанам – в «территориальный» памятник воинам-землякам в пос. Стеклозавод. В области коммеморации ратного подвига горожан можно выделить две волны, связанные с возведением мемориалов: если установка большинства памятников воинам-рабочим и воинам-землякам относится к 1960–1980-м гг., то возведение памятников-бюстов Героям Советского Союза приходится преимущественно на 2005–2020-е гг. В ходе исследования удалось установить связь 29 Героев Советского Союза, 5 полных кавалеров ордена Славы и 2 кавалеров ордена Ленина, удостоенных высоких наград за ратные подвиги в годы войны, с г. Улан-Удэ, что формирует основу для дальнейшего процесса увековечения памяти о Великой Отечественной войне в коммеморативном пространстве столицы Республики Бурятия.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Источники и литература

Бадиев А. А. Боевой подвиг воинов Бурятии на фронтах Великой Отечественной войны / А. А. Бадиев // Вклад Бурятии в Великую Победу: сб. ст. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. – С. 20–32.

Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док-тов / сост. Н. Ф. Прокопьева, Г. Л. Санжиев, Д. М. Цыренов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 452 с.

Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док-тов, коммент., перечень док-тов / авт.-сост.: Б. Ц. Жалсанова, М. С. Новолодская, Н. С. Бардамов и др.; науч. ред. Л. В. Курас. – Иркутск: Отгиск, 2020. – 848 с.

Дабаин Б. Б. Командир стрелковой роты пока не в списке Героев Бурятии / Б. Б. Дабаин [Электронный ресурс] // Буряад Үнэн. – 2019. – 6 нояб. – Режим доступа: <https://burunen.ru/news/society/66534-komandir-strelkovoy-rot-y-poka-ne-v-spiske-geroev-buryatii/> (дата обращения: 04.01.2026).

Дабаин Б. Б. Герой из Бурятии отличился в бою на плацдарме у Вислы / Б. Б. Дабаин // Буряад Үнэн. – 2024. – 26 февр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://burunen.ru/news/society/105047-geroy-iz-buryatii-otlichilsya-v-boyu-na-platsdarme-u-visly/> (дата обращения: 04.01.2026).

Дугаржапов Т. А. Герои Бурятии. К 75-летию Великой Победы: в 4 т. Т. 1 / Т. А. Дугаржапов, С. Э. Басаев, А. К. Тармаханов. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2020а. – 256 с.

Дугаржапов Т. А. Герои Бурятии. К 75-летию Великой Победы: в 4 т. Т. 2 / Т. А. Дугаржапов, С. Э. Басаев, А. К. Тармаханов. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2020б. – 224 с.

Дугаржапов Т. А. Герои Бурятии. К 75-летию Великой Победы: в 4 т. Т. 3 / Т. А. Дугаржапов, С. Э. Басаев, А. К. Тармаханов. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2020в. – 192 с.

Дугаржапов Т. А. Герои Бурятии. К 75-летию Великой Победы: в 4 т. Т. 4 / Т. А. Дугаржапов, А. К. Тармаханов. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2020. – 224 с.

Их подвиги – вечны: исторический путеводитель / сост.: А. З. Богданова, А. Б. Жигмитдоржиева, М. Б. Цыдендамбаева. – Улан-Удэ: Тип. «Зебра», 2011. – 124 с.

Памятники Великой Отечественной войны города Улан-Удэ: исторический путеводитель / сост. В. И. Перельгина; МАУ ЦБС г. Улан-Удэ, ЦГБ, ИБО. – Улан-Удэ, 2015. – 137 с.

Пашинин А. В. 97-я (83-я гвардейская) стрелковая дивизия / А. В. Пашинин. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2023. – 608 с.

Улан-Удэ – Город трудовой доблести (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) / И. Ю. Шутенков, Б. В. Базаров, А. М. Плеханова и др. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2025. – № 2(58). – С. 10–15.

References

Badiev A. A. Boevoj podvig voynov Buryatii na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny / A. A. Badiev // Vklad Buryatii v Velikuyu Pobedu: sb. st. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1985. – S. 20–32.

Buryatiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: sb. dok-tov / sost. N. F. Prokop'eva, G. L. Sanzhiev, D. M. Cyrenov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1975. – 452 s.

Buryatiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: sb. dok-tov, komment., perechen' dok-tov / avt.-sost.: B. C. Zhalsanova, M. S. Novolodskaya, N. S. Bardamov i dr.; nauch. red. L. V. Kuras. – Irkutsk: Ottisk, 2020. – 848 s.

Dabain B. B. Komandir strelkovoj rot-y-poka ne v spiske Geroev Buryatii / B. B. Dabain [Elektronnyj resurs] // Buryaad Ynen. – 2019. – 6 noyab. – Rezhim dostupa: <https://burunen.ru/news/society/66534-komandir-strelkovoy-rot-y-poka-ne-v-spiske-geroev-buryatii/> (data obrashcheniya: 04.01.2026).

Dabain B. B. Geroj iz Buryatii otlichilsya v boyu na placdarme u Visly / B. B. Dabain // Buryaad Ynen. – 2024. – 26 fevr. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://burunen.ru/news/society/105047-geroy-iz-buryatii-otlichilsya-v-boyu-na-platsdarme-u-visly/> (data obrashcheniya: 04.01.2026).

Dugarzhapov T. A. Geroi Buryatii. K 75-letiyu Velikoj Pobedy: v 4 t. T. 1 / T. A. Dugarzhapov, S. E. Basaev, A. K. Tarmahanov. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2020a. – 256 s.

Dugarzhapov T. A. Geroi Buryatii. K 75-letiyu Velikoj Pobedy: v 4 t. T. 2 / T. A. Dugarzhapov, S. E. Basaev, A. K. Tarmahanov. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2020b. – 224 s.

Dugarzhapov T. A. Geroi Buryatii. K 75-letiyu Velikoj Pobedy: v 4 t. T. 3 / T. A. Dugarzhapov, S. E. Basaev, A. K. Tarmahanov. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2020v. – 192 s.

Dugarzhapov T. A. Geroi Buryatii. K 75-letiyu Velikoj Pobedy: v 4 t. T. 4 / T. A. Dugarzhapov, A. K. Tarmahanov. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2020. – 224 s.

Ih podvigi – vechny: istoricheskij putevoditel' / sost.: A. Z. Bogdanova, A. B. Zhigmitdorzhieva, M. B. Cydendambaeva. – Ulan-Ude: Tip. «Zebra», 2011. – 124 s.

Pamyatniki Velikoj Otechestvennoj vojny goroda Ulan-Ude: istoricheskij putevoditel' / sost. V. I. Perelygina; MAU CBS g. Ulan-Ude, CGB, IBO. – Ulan-Ude, 2015. – 137 s.

Pashinin A. V. 97-ya (83-ya gvardejskaya) strelkovaya diviziya / A. V. Pashinin. – Ulan-Ude: NovaPrint, 2023. – 608 s.

Ulan-Ude – Gorod trudovoj dobrosti (k 80-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne) / I. Yu. Shutenkov, B. V. Bazarov, A. M. Plekhanova i dr. // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2025. – № 2(58). – S. 10–15.

УДК 94(510)

ББК 63.3 (5 Кит)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-69-74

Т. Ф. Марханова

СТРОИТЕЛЬСТВО БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

Статья посвящена исследованию феномена буддийского храмостроительства в Китае в период с IV по X в. как многоаспектного социального института. Анализируются политические мотивы возведения «государственных храмов» при династиях Суй и Тан, служивших инструментом легитимации власти, демонстрации суверенитета и культа императора.

Ключевые слова: буддийские храмы, средневековый Китай, династия Суй, династия Тан, Южные и Северные династии, государственная поддержка, политическая легитимация, храмостроительство.

T. F. Markhanova

THE CONSTRUCTION OF BUDDHIST MONASTERIES AS A MODE OF INTERACTION BETWEEN STATE AND RELIGION IN MEDIEVAL CHINA

This article examines Buddhist monasteries construction in China from the fourth to the tenth century as a multifaceted social institution. It analyzes the political motivations behind the establishment of state monasteries during the Sui and Tang dynasties, which functioned as instruments for legitimizing political authority, demonstrating state sovereignty and fostering the imperial cult.

Keywords: Buddhist monasteries, medieval China, Sui dynasty, Tang dynasty, Southern and Northern Dynasties, state patronage, political legitimation, monasteries construction.

Период Южных и Северных династий (420–589) представлял собой один из нестабильных и тревожных этапов в истории Китая. В это время буддизм переживал период расцвета, особенно активно проникая в народную среду и становясь частью повседневной жизни простого населения. Многочисленные исторические источники свидетельствуют, что основной формой народного почитания Будды было создание буддийских статуй [Хоу Сюйдун 1998]. Представители всех слоев общества – от императорского двора до крестьян – изготавливали изображения Шакьямуни, Амитабхи и других бодхисаттв. Несмотря на различия в их стиле и исполнении, надписи на стелах, посвященных их созданию, демонстрируют удивительное единство мотивации: стремление к перерождению в Чистой земле.

В тот период, помимо финансирования создания буддийских изображений, существовали и другие формы служения Будде, направленные на накопление благой кармы (заслуг, гундэ): перевод буддийских сутр, подношение культовых предметов, поддержка монашеской общины и строительство буддийских храмов. Среди всех способов обретения заслуг возведение пещерных храмов и монастырей считалось наиболее дорогостоящим и эффективным. Представители всех социальных групп – от императорской семьи и аристократии до влиятельных чиновников и простых граждан – активно участвовали в изготовлении статуй и строительстве храмов. Возводимые монастыри различались по размерам и великолепию оформления. Однако, несмотря на то что строительство храмов требовало больших финансовых затрат, чем изготовление статуй, сохранившихся запи-

МАРХАНОВА Татьяна Фридриховна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tatiyaba@mail.ru.

сей о заслугах, связанных именно с возведением храмов, оказалось значительно меньше, чем аналогичных записей о создании статуй.

На основе имеющихся ограниченных источников можно сделать вывод, что пик активности в области распространения буддизма и строительства храмов продолжался и в период династий Суй (581–618) и Тан (618–907). Особенно широко среди представителей всех социальных слоев распространилась практика строительства монастырей ради «накопления духовных заслуг».

Если рассматривать количество буддийских храмов как индикатор интенсивности религиозной поддержки (пожертвований), то очевидно, что число храмов, построенных в период Южных и Северных династий, значительно превышало количество храмов эпохи Тан. Согласно сведениям, приведенным в трактате «Бянь чжэн лунь» (Рассуждение о различии истинного), написанном танским монахом Фалинем (572–640) в 626 г., на юге Китая во времена династии Лян насчитывалось около 2846 храмов, а во времена династии Чэнь – 1232 [Фа Линь: цз. 52]; в период Северной Вэй их было 6478 [Вэй Шу: 3039]. Таким образом, в начале VI в. на территории Китая уже существовало от 7710 до 9324 буддийских храмов.

Среди этих храмов, согласно записи Фалиня в «Бянь чжэн лунь», во времена Северной Вэй насчитывалось до 886 государственных храмов (по большей части они возводились императорами, аристократией и влиятельными сановниками), что составляло пропорцию примерно 1:10 по отношению к остальным храмам. Кроме того, в официально составленной «Истории Вэй» (Вэй шу) сообщается, что к концу периода Вэй существовало более 30 тыс. храмов. Это число в эпоху Северной Ци возросло до 40 тыс. Сюда входили как государственные, так и частные храмы [Чжи Пань: 357а.20–21].

Что же касается эпохи Тан, то количество храмов в объединенном Китае составляло: в период Чжэньгуань (627–649) – 3716 [Хуэйли, Яньцун: 259а.9–10]; к концу периода Кайюань (713–742) это число возросло до 5358 [Ли Линьфу: 20а–b]. На протяжении всей эпохи Тан их количество оставалось стабильным [Чжан Гун 1997: 109]. Во время гонений на буддизм в период Хуэйчан, согласно записям, было разрушено 4600 храмов. Кроме того, уничтожено более 40 тыс. ланжо. Они представляли собой частные храмы, не признанные двором, и их количество приближалось к числу малых храмов периода Южных и Северных династий [Лю Сю]. После гонений Хуэйчан число буддийских храмов в Китае снова начало стабильно расти, достигнув к 955 г. 6030 сооружений [Ван Пу. Удай хуэйяо]. Таким образом, к X в. количество храмов превысило уровень, существовавший до гонений 845 г. (период Хуэйчан). Следовательно, в Китае с VI по X в. существовало три типа буддийских храмов: государственные; признанные государством (именуемые сы); частные ланжо, цзинше и фо-тан (буддийские залы).

Строительство крупных государственных храмов

Что представляет собой крупный государственный храм и чем он отличается от частного? На этот вопрос дает ответ танский монах Даоши (ок. 596–683) в сочинении «Фа юань чжу линь» (Сокровищница законов буддийского сада): «Вопрос: например, в пятнадцатый день седьмого месяца святое учение предписывает изготовить “чашу Будды” и принести подношения; в этот день также собирается множество гостей – однако неизвестно, за счет каких средств это осуществляется? Бинь Нин отвечает: Если у жертвователя имеются средства общего пользования, они и используются для приема гостей; если же таких средств нет, то необходимо учитывать размеры храма и его статус – государственный он или частный. Что касается малых храмов, не созданных по государственному указу, не получающих внешних подношений и не имеющих покровительства среди знати, то расходы определяются по обстоятельствам, в зависимости от имеющихся возможностей. Если же речь идет о крупном государственном храме, подобном храмам Симин или Цыэнь в Чаньани (эти два храма были построены Ли Чжи в 648 и 656 годах), то, помимо земельных наделов, распределенных среди монахов, они дополнительно получают пожалованные императорским указом поместья; все их обеспечение осуществляется за счет государственного содержания. Поэтому ежегодно ко дню подношения “чаши” направляются разнообразные предметы, украшенные сосуды, музыканты и про-

чие принадлежности; чиновники, направляемые с подношениями, прибывают не единожды – и остается вопросом, за счет каких именно средств обеспечивается прием всех этих гостей...» [Дао Ши: цз. 62].

Из этого отрывка видно, что храмы, основанные или поддерживаемые государством, нередко служили местом проведения официальных государственных ритуалов и церемоний. Здесь четко иллюстрируется дифференциация экономического статуса монастырей в эпоху Тан. Государственные храмы получали системное финансирование из казны, земельные пожалования и привилегии, что позволяло им проводить масштабные ритуалы. А частные обители зависели от локальных жертвователей и вынуждены были гибко адаптировать расходы к имеющимся ресурсам. Эта модель объясняет, почему императорские монастыри становились центрами не только религиозной, но и культурной, экономической и политической жизни столицы. Среди 4600–5358 официальных храмов эпохи Тан лишь небольшая часть была непосредственно возведена и содержалась за счет казны. Точные цифры варьировались в зависимости от периода, поэтому их невозможно привести с абсолютной достоверностью.

В целом в период династий Суй и Тан выделялось три категории крупных государственных храмов. Первую составляли храмы, возведенные в память о знаковых исторических событиях. Так, при восхождении на престол императора Вэнь-ди (Ян Цзянь, годы правления: 581–605) были построены храмы «Да син го» (Великое процветание государства) в 45 округах, где ранее бывал будущий император [Ду Доучэн 1991: 178–180]. Они сохраняли важное значение в соответствующих регионах вплоть до конца эпохи Тан. В 629 г. император Тай-цзун (Ли Шиминь, годы правления: 627–649) также издал указ о строительстве семи крупных государственных храмов на местах сражений в память о воинах, павших на поле брани.

Второй тип – храмы, возведенные по политическим мотивам. В 666 г. император Гао-цзун (Ли Чжи, годы правления: 649–683) издал указ о строительстве одного буддийского храма и одной даосской обители в каждом административном округе (*чжоу*). В то время в стране насчитывалось 358 округов. Решение построить по храму (и даосскому, и буддийскому) в каждом из 358 округов означало колоссальную государственную инвестицию и унификацию религиозного пространства по всей стране. Содержание этих храмов и обителей полностью осуществлялось за счет государственной казны [Лю Сю]. Данный указ был обнародован после того, как император Гао-цзун и императрица У Цзэ-тянь совершили ритуал фэншань (жертвоприношение Небу и Земле) на горе Тайшань.

Строительство крупных государственных храмов преследовало политические цели, а именно демонстрацию мощи и авторитета центральной власти. На данный момент неизвестны названия, которые были пожалованы этим храмам, равно как и их конкретные функции. Однако, как свидетельствует Даоши, «после того как было возведено о свершении жертвоприношений Небу и Земле, после восхождения на гору Тайшань и начертания памятных надписей, добродетель [императора] вознеслась к Высшим Силам. Приписывая заслуги Великому Мудрецу, [император] издал ясный указ, который был обнародован среди простого народа: во всех округах Поднебесной надлежало возвести по одному храму. Посвятить в монахи семь человек [в каждом храме]; при появлении благоприятных знамений – использовать их для наименования [храмов]. Пригласить придворных историков для описания деяний правителей; [дабы] Путь [учения] распространился по всем пределам, а гуманность охватила все живые существа и растения. Клянясь у горы Жигуань усердствовать в почитании [Неба], озарить светом Зал Просвещения [Минтан] для преобразования [народа]. Укрепляя истинные обычаи, охватывая древность и современность – не было еще прежде столь величественного деяния, как наше» [Дао Ши: цз. 120].

Строительство буддийских храмов в таких условиях, очевидно, служило не только для демонстрации императорской власти и богатства, но и подчеркивало нейтралитет по отношению к различным религиям. Подобная практика была характерна для раннего периода династии Тан.

Мотивы строительства буддийских храмов в административных округах империи в эпоху Тан были как политическими, так и связанными с личным почитанием импе-

ратора. Большинство из них изначально являлись крупными местными монастырями, а к концу X в. превратились в главные храмы своих округов.

Последняя категория – крупные государственные храмы, расположенные преимущественно в столичных городах Чанъани и Лояне, возведенные для императорской семьи и выдающихся монахов. Они строились по индивидуальным императорским указам и содержались за счет государственного финансирования. Яркими примерами служат храмы Симин-сы и Цынь-сы в Чанъани.

Они были пожалованы императором Гао-цзуном (Ли Чжи). Храм Цынь-сы был основан еще при Ли Чжи наследным принцем в 648 г. в память о его матери, императрице Вэньдэ, скончавшейся 12 годами ранее. Это был грандиозный комплекс, занимавший территорию в 26570 м² и состоявший из 13 дворов (*юаней*) и 1897 помещений, что делало его одним из самых величественных храмов Чанъани. Храм Симин-сы возведен уже императором Гао-цзуном в 656 г. в знак благодарности за скорейшее выздоровление его сына, наследного принца Сяоцзиня [Ван Пу: цз. 48]. Это был огромный комплекс, состоявший из 10 дворов и свыше 4 тыс. помещений, один из главных имперских монастырей.

В описании храмов, возведенных Ли Чжи, монах Даоши характеризует императора Гао-цзуна как искреннего приверженца буддизма и примерного сына, который основал храм Цынь-сы, чтобы иметь возможность постоянно почитать память своей матери [Дао Ши]. Еще одной причиной основания храмов названо стремление «широко возделывать поле заслуг» (т. е. накапливать благу карму через благотворительность и религиозные деяния), иные мотивы при этом не указываются.

Храмы в эпоху Тан пользовались императорским покровительством и процветали, сохраняя важное религиозное и культурное значение.

Таким образом, классификация крупных государственных храмов эпохи Суй и Тан выявляет четкую функциональную дифференциацию, выходящую за рамки сугубо религиозных задач. Выделенные три категории государственных храмов: мемориальные, политико-идеологические и столично-императорские, свидетельствуют о системном использовании буддийской инфраструктуры государственным аппаратом.

Мемориальные храмы служили инструментом сохранения исторической памяти и культивирования лояльности (память о павших воинах или местах пребывания императоров). Политические (Даюнь-сы, Чжунсин-сы/Лунсин-сы, Кайюань-сы) выступали ключевым механизмом легитимации власти, особенно в периоды династических кризисов и смены правителей (У Цзэтянь, Чжун-цзун, Сюань-цзун). Переименование сетей храмов позволяло мгновенно транслировать новую идеологическую доктрину на всю территорию империи. Столичные храмы (Цынь-сы, Симин-сы) функционировали как центры императорского культа и демонстрации династического благочестия, сочетая личные мотивы правителей с государственными интересами.

Государственная поддержка храмостроительства, несмотря на периодические ограничения (как во время гонений Хуэйчан), оставалась неотъемлемой частью политической культуры средневекового Китая, обеспечивая взаимосвязь между духовным авторитетом буддийской сангхи и светской властью императорского двора. Изучение их типологии и функций позволяет глубже понять механизмы взаимодействия религии и государства, а также роль религиозной архитектуры в формировании имперской идентичности в эпохи Суй и Тан.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Трансляция и модернизация буддизма в контексте его единства и разнообразия в России, странах Восточной и Внутренней Азии») № 126020516675-9.

Литература

Ван Пу 王溥. Удай хуэйяо 五代会要 [Свод важнейших документов Пяти династий] [Электронный ресурс] / Пу Ван. – Режим доступа: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=208746&remap=gb> (дата обращения: 23.01.2026).

Ван Пу 王溥. Тан хуэй яо 唐会要 [Свод важнейших документов Тан]. Цз. 48 [Электронный ресурс] / Пу Ван. – Режим доступа: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=132914&emap=gb> (дата обращения: 22.01.2026).

Вэй Шоу 魏收. Вэйшу 魏书 [История Вэй]. Цз. 114 [Электронный ресурс] / Шоу Вэй. – Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%AD%8F%E6%9B%B8/%E5%8D%B7114> (дата обращения: 20.01.2026).

Дао Ши 道世. Фа юань чжу линь 法苑珠林 [Сокровищница законов буддийского сада] [Электронный ресурс] / Ши Дао. – Режим доступа: https://www.shidianguji.com/zh/book/SBCK104/chapter/1j6lnzjdt9tt0_943 (дата обращения: 20.01.2026).

Ду Доучэн 杜斗城. Дуньхуан Утайшань вэньсянь цзяолу яньцзю 敦煌五台山文献校录研究 [Исследование и сверка дуньхуанских текстов о горе Утайшань] / Доучэн Ду. – Тайюань: Шаньси жэньминь чубаньшэ, 1991. – 547 с.

Лю Сю 刘昫. Цзю Таншу 旧唐书 [Старая книга [история] Тан] [Электронный ресурс] / Сю Лю. – Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8> (дата обращения: 16.01.2026).

Фа Линь 法琳. Бяньчжэнлунь, Шидай фэнфопянь 辯正論. 十代奉佛篇 [Рассуждение о различении истинного, гл. О почитании Будды в десяти поколениях]. Цз. 52 [Электронный ресурс] / Линь Фа. – Режим доступа: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T2110_003 (дата обращения: 20.01.2026).

Хоу Сюйдун 侯旭东. Улюю шицзи бэйфан миньцзянь фоцзяо синьян 五、六世纪北方民间佛教信仰 [Народные буддийские верования на севере Китая в V–VI веках] / Сюйдун Хоу. – Пекин: Чжунгошэхуэй кэсюэ чубаньшэ (中国社会科学出版社), 1998. – 383 с.

Хуэйли, Яньцун 慧立和彦惊. Саньцзан фаши чжуань 三藏法師傳 [Полные записи о буддийских патриархах] [Электронный ресурс] / Хуэйли, Яньцун // Собрание буддийских текстов Тайсё (大正藏). Т. 50. – Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%A4%A7%E6%85%88%E6%81%A9%E5%AF%BA%E4%B8%89%E8%97%8F%E6%B3%95%E5%B8%AB%E5%82%B3> (дата обращения: 20.01.2026).

Чжи Пань 志磐. Фо цзу тунцзи 佛祖統紀 [Полные записи о буддийских патриархах] / Пань Чжи // Собрание буддийских текстов Тайсё (大正藏). Цз. 49. – С. 357a.20–21. – Режим доступа: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T49n2035_p0432a19 (дата обращения: 16.01.2026).

Чжан Гун 张弓. Хань Тан фосы вэньхуа ши 汉唐佛寺文化史 [История культуры буддийских монастырей эпох Хань и Тан] / Гун Чжан. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1997. – 526 с.

References

Van Pu 王溥. Uday huejyao 五代会要 [Svod vazhnejshih dokumentov Pyati dinastij] [Elektronnyj resurs] / Pu Van. – Rezhim dostupa: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=208746&emap=gb> (data obrashcheniya: 23.01.2026).

Van Pu 王溥. Tan huej yao 唐会要 [Svod vazhnejshih dokumentov Tan]. Cz. 48 [Elektronnyj resurs] / Pu Van [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=132914&emap=gb> (data obrashcheniya: 22.01.2026).

Vej Shou 魏收. Vejshu 魏书 [Istoriya Vej]. Cz. 114 [Elektronnyj resurs] / Shou Vej. – Rezhim dostupa: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%AD%8F%E6%9B%B8/%E5%8D%B7114> (data obrashcheniya: 20.01.2026).

Dao Shi 道世. Fa yuan' chzhu lin' 法苑珠林 [Sokrovishchnica zakonov buddijskogo sada] [Elektronnyj resurs] / Shi Dao. – Rezhim dostupa: https://www.shidianguji.com/zh/book/SBCK104/chapter/1j6lnzjdt9tt0_943 (data obrashcheniya: 20.01.2026).

Du Douchen 杜斗城. Dun'huan Utajshan' ven'syan' czyaolu yan'czyu 敦煌五台山文献校录研究 [Issledovanie i sverka dun'huanskih tekstov o gore Utajshan'] / Douchen Du. – Tajyuan': Shan'si zhen'min' chuban'she, 1991. – 547 s.

Lyu Syu 刘昫. Czyu Tanshu 旧唐书 [Staraya kniga [istoriya] Tan] [Elektronnyj resurs] / Syu Lyu. – Rezhim dostupa: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8> (data obrashcheniya: 16.01.2026).

Fa Lin' 法琳. Byan'chzhenlun', Shidaj fenfopyan' 辯正論. 十代奉佛篇 [Rassuzhdenie o razlichenii istinnogo, gl. O pochitanii Buddy v desyati pokoleniyah]. Cz. 52 [Elektronnyj resurs]

/ Lin' Fa. – Rezhim dostupa: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T2110_003 (data obrashcheniya: 20.01.2026).

Hou Syujun 侯旭东. Ul'yu shiczi beifan min'czyan' foczyao sin'yan 五、六世纪北方民间佛教信仰 [Narodnye buddijskie verovaniya na severe Kitaya v V–VI vekah] / Syujun Hou. – Pekin: Chzhungoshekhuej kesyue chuban'she (中国社会科学出版社), 1998. – 383 s.

Huejli, Yan'cun 慧立和彦惊. San'czan fashi chzhuan' 三藏法师传 [Polnye zapisi o buddijskih patriarhah] [Elektronnyj resurs] / Huejli, Yan'cun // *Sobranie buddijskih tekstov Tajsyo* (大正藏). T. 50. – Rezhim dostupa: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%A4%A7%E6%85%88%E6%81%A9%E5%AF%BA%E4%B8%89%E8%97%8F%E6%B3%95%E5%B8%AB%E5%82%B3> (data obrashcheniya: 20.01.2026).

Chzhi Pan' 志磐. Fo czu tunczi 佛祖统纪 [Polnye zapisi o buddijskih patriarhah] / Pan' Chzhi // *Sobranie buddijskih tekstov Tajsyo* (大正藏). Cz. 49. – S. 357a.20–21. – Rezhim dostupa: https://cbetaonline.dila.edu.tw/zh/T49n2035_p0432a19 (data obrashcheniya: 16.01.2026).

Chzhan Gun 张弓. Han' Tan fosi ven'hua shi 汉唐佛寺文化史 [Istoriya kul'tury buddijskih monastyrej epoh Han' i Tan] / Gun Chzhan. – Pekin: Chzhungo shekhuej kesyue chuban'she, 1997. – 526 s.

УДК 94 (517.3)

ББК 63.3 (5Мон)5

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-75-80

А. В. Кальмина

ТИХОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО: РОССИЯ И КИТАЙ В МОНГОЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

В статье раскрывается процесс конкуренции между Россией и Китаем за вовлечение Монголии в сферу своих интересов на рубеже XIX–XX вв. на фоне обострения отношений между двумя империями. Автор приходит к выводу: хотя китайские торговцы имели лучшие стартовые возможности, российское купечество смогло противопоставить им ассортимент конкурентоспособных товаров и альтернативную логистику их доставки на монгольский рынок. В результате предлагаемое российской разведкой военное вмешательство для установления безусловного российского влияния на монгольском пространстве не потребовалось.

Итог этого соперничества остается дискуссионным, однако автор разделяет мнение, что включение Монголии в орбиту влияния СССР было заложено еще до революции 1917 г.

Ключевые слова: Россия, Китай, Монголия, купечество, торговля, торговый путь, монгольский рынок, конкуренция.

L. V. Kalmina

QUIET RIVARLY: RUSSIA AND CHINA IN THE MONGOLIAN SPACE AT THE TURN OF 19TH–20TH CENTURIES

The article throws the light on the process of competition between Russia and China in Mongolia's involvement in the sphere of their targets at edge of 19th – 20th centuries, aggravation of the relations between the countries being as the background. The author comes to the conclusion that though Chinese traders had better starting possibilities, Russian merchants were able to display the row of competitive goods and alternative logistics of their delivery to the Mongolian market. As the result, military intervention, proposed by Russian intelligence service, in order to establish absolute Russian influence in the Mongolian sphere turned out to be unnecessary.

The result of this competition remains debatable, but the author's viewpoint is that the involvement of Mongolia to the Soviet sphere of influence began even before the revolution of 1917.

Keywords: Russia, China, Mongolia, merchants, trade, trading way, Mongolian market, competition.

Начало российско-монгольской торговле было положено в XVII в., но первоначально она была эпизодической и имела незначительные объемы. Ее активизации послужила транзитная русско-китайская торговля, которая стала регулярной после заключения Нерчинского договора 1689 г. Хотя конечной целью движения русских караванов через Монголию был Китай, часть товаров разрешалось продавать монголам [Тагаров 2022: 42]. Пекинский договор 1860 г. позволил русским купцам торговать в Урге, а по правилам сухопутной торговли, принятым 20 февраля 1862 г., они получили право беспощинной торговли по всей Монголии [Старцев 2003: 65]. С этого времени о Монголии можно говорить как о самостоятельном субъекте торговли с Россией.

В 1862 г. кяхтинский градоначальник А. И. Деспот-Зенович отправил генерал-губернатору Восточной Сибири записку «О мерах для сближения с Монголией», в ко-

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: kalminal@gmail.com.

торой в качестве главной задачи региональной политики определялось «распространение влияния на Китай и в особенности на Монголию, Маньчжурию и Тибет», а в августе 1911 г. в Петербурге состоялось межведомственное совещание по вопросу усиления русского влияния в Монголии. Проблема еще больше актуализировалась после объявления ею независимости, когда на всех властных уровнях подчеркивалась не только ее экономическая, но и политическая значимость для России [Шахеров 2011: 176; Старцев 2003: 288]. Однако ее интересы здесь пересеклись с Китаем.

Член-сотрудник Императорского географического общества А. В. Адрианов писал, что, хотя отношения с монголами могли бы быть очень выгодны, развивались они туго и встречали непредвиденные препятствия [1882: 9]. На деле трудности были вполне предсказуемы. В торговых операциях в Монголии Китай изначально имел ряд преимуществ, прежде всего хорошее знание конъюнктуры монгольского рынка и удобную логистику доставки туда товаров. Подполковник Генштаба М. В. Певцов в отчете о путешествии в Монголию отмечал «неизвестность монгольского рынка» для русских торговцев, тогда как китайские имели «наготове» товары, пользовавшиеся у монголов спросом: кирпичный чай – «насущенный хлеб обитателей Монголии»; китайский табак, к которому они привыкли с давних времен; дешевые бумажные ткани, с которыми русские не могли соперничать даже «не вследствие своей недоброкачественности, а преимущественно по причине дороговизны доставки...» [Наша торговля... 1884: 8].

Генеральный консул Российской империи в Урге Я. П. Шишмарев в донесении в Министерство иностранных дел указывал на отсутствие удобных грунтовых дорог к китайской границе, из-за чего российские товары путь в 250 верст преодолевают караванами [Кальмина 2024: 68]. Казалось бы, российские купцы могли успешно эксплуатировать традиционное направление через Кяхту. Но, во-первых, кяхтинская торговля ориентировалась преимущественно на чай из внутренних провинций Китая. Во-вторых, это направление считалось «неудобопроходимым» из-за чинимых китайцами препятствий: они пододвинули свою факторию, чтобы воспрепятствовать российской караванной торговле [Б. а. 1884: 1]. Наконец, ограничиваться одним-двумя пунктами в трансграничной торговле было небезопасно: китайские торговцы могли взять их под контроль и скупать все товары оптом для последующей перепродажи. Поэтому сибирское купечество озаботилось прокладкой альтернативных путей в Монголию. Бийские купцы открыли Чуйскую дорогу в Кобдо, которую М. В. Певцов оценил как «главную артерию торгового движения из Западной Сибири в Монголию» [Кальмина, Курас 2025: 51–52]. Второй – енисейский – путь шел из Минусинска. «Стать твердой ногой на верхнем Енисее» считалось даже более важным для давления на китайское правительство с целью получения торговых льгот [Б. а. 1889: 4]. Оба направления по темпам роста товарооборота значительно опережали кяхтинское.

Однако и проложенные российским купечеством торговые пути постоянно корректировались китайской стороной. В частности, договор от 12 февраля 1881 г. предусматривал, что закупленные в Китае товары российские купцы должны ввозить в Кяхту через Тяньцзинь, Тунчжоу, Калган и Ургу, хотя пути из Калгана через Кобдо на Бийск и через Улясутай в верховья Енисея были намного удобнее. Первый китайское правительство все-таки разрешило с условием, чтобы товары следовали из Калгана не прямо в Кобдо, а через Гуй-Хуа-чен. Это требовало лишнего месяца пути, и, как отмечал кяхтинский пограничный комиссар, «при громадности расстояния верблюды этого перехода вынести не могут». Разрешения продажи и покупки товаров в Калгане, Гуй-Хуа-чене, Кантоне и Гуандуне кяхтинское купечество тоже не получило, хотя договор его предусматривал. Китайское правительство в нем отказало на том основании, что это внутренний рынок, даже если речь шла о пунктах, находящихся «по сю сторону великой стены, т. е. в Монголии» [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 2701. Л. 13, 16]. Хроническое нарушение китайцами договоров без всяких последствий стало почти нормой [Кальмина 2024: 66]. Но российская сторона, опасаясь раздражения Китая, предпочитала себе в убыток усложнение и удорожание ввоза своих товаров, хотя и «вполне разделяла» «заявление торгующего купечества относительно облегчения торговых сношений» [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 2701. Л. 20].

При активизации китайской торговли в Монголии пассивность русской постоянно росла [Сибирский... 1898: 322; 1900: 150]. «Сравнительно с минувшим годом отпуск товаров (в Монголию и Китай. – Л. К.) уменьшился на 600.707-32, а против 1891 г. на 1087.800 ... отпуск значительно падает», – указывалось в сведениях к отчету военного губернатора Забайкальской области за 1893 г. [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 3354. Л. 55]. Однако при, безусловно, имевшей место такой тенденции следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, в указанных источниках фиксировалась торговля только через Кяхту, а из-за строгих карантинных мер прогон скота, важнейшей статьи импорта из Монголии, с 1885 г. шел в обход города [Сибирский... 1899: 151]. На маршрутах через станции и поселки Акшинского округа, Кудару и Тунку картина была иной [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 3354. Л. 55–56]. Во-вторых, операции забайкальских купцов в Монголии тормозила невыгодность торгового обмена: монголы продавали свои товары за наличные деньги, лишь в незначительной степени меняя их на российскую продукцию [Там же. Д. 3017. Л. 13]. Сами же они отказывались платить деньгами из-за их отсутствия. Такая ситуация сохранялась годами [Сибирский... 1899: 151; РГВИА. Ф. 1482. Оп. 1. Д. 136. Л. 14а].

В ответ на требование шталмейстера Двора Его Императорского Величества В. И. Денисова дать краткую характеристику торговли с монголами чиновник особых поручений при военном губернаторе Забайкальской области В. Заболотный назвал всего четыре читинские фирмы – «Товарищество Братья Зазовские», «Гроховский Л. Ш.», «Братья Гоберники и Братья Барановские» и «Чистяков И. Ф.», «которые вывозят из Монголии живой скот, кожи скотские невыделанные, шерсть овечью и верблюжью, тарбаганьи шкуры, ничего не ввозя взамен». Будучи весьма невысокого мнения о состоянии русско-монгольских торговых отношений в области, чиновник утверждал, что для их улучшения необходима «наличность заинтересованных сторон». Однако эта торговля просто обречена остаться односторонней, поскольку «Монголия, благодаря своему примитивному государственному устройству», даже не догадалась ввести таможенные сборы. В то же время высокая провозная плата, «а отчасти и аппетиты наших купцов» делали торговлю российскими товарами «почти невозможной» [РГВИА. Ф. 1482. Оп. 1. Д. 136. Л. 14а, 33–34].

Военные агенты, «осваивавшие» Монголию на свой лад, предлагали более привычный для них путь решения вопроса первенства на ее территории – вооруженный захват. Даже в период сближения двух держав, когда после поражения Китая в войне 1894–1895 гг. Россия дала гарантию его займу для уплаты контрибуции Японии, российские разведчики не переставали «прощупывать» настроение монголов на случай русско-китайского военного конфликта. А после участия русских войск в подавлении «боксерского» движения силовое решение вопроса казалось военным чуть ли не единственно верным [Кальмина, Курас 2020: 158–159]. Однако «тихое» соперничество не перешло в горячую фазу: в правительственных кругах понимали, что вторжение российской армии в Монголию сильно осложнит обстановку на Востоке, где свои интересы имели английский, германский и американский капитал. К тому же Департамент полиции всерьез опасался, что в случае войны с Китаем российские мусульмане выступят на его стороне против России [РГВИА. Ф. 1482. Оп. 1. Д. 1. Л. 68].

Остается ответить на два вопроса: можно ли считать высокой активность сибирских купцов в освоении монгольского рынка и за кем осталась победа в русско-китайском соперничестве? Периодическая печать упрекала сибирское купечество в том, что оно, пользуясь государственным протекционизмом, не особенно усердствует в защите российских интересов в Монголии [Б. а. 1897: 1]. Чиновник В. Заболотный не без сарказма заметил, что купечество, которому вывозить товары из Монголии куда выгоднее, чем ввозить туда, «с этой стороны обеспечено». Да и военные сетовали, что «...наш импорт в Монголию почти не существует из-за конкуренции китайцев» [Отчет о поездке... 1913: 300].

Но в защиту российского купечества можно сказать следующее. Во-первых, при всех препятствиях оно все-таки сумело наладить сбыт российских товаров, которым

китайские не смогли составить конкуренцию. «В настоящее время в западной Монголии из русских товаров выгоднее прочих сбываются: разных видов железо..., – писал в отчете подполковник Певцов. – ... В нашей выделке кожи... обуваются почти все население Монголии. ... Сверх перечисленных товаров, по западной Монголии расходуется много разнообразных мелочных русских изделий... которые даже перечислить трудно» [Наша торговля... 1884: 3]. Во-вторых, сибирские купцы многое сделали для открытия новых путей в Монголию. Наряду с прокладыванием гужевых трактов они приняли живое участие в разведке траектории Кяхтинской железнодорожной ветки – инструмента монополизации монгольского рынка – и проявили готовность финансово поддержать ее строительство [Кальмина, Плеханова 2017: 118–119]. А пассивный характер российской торговли в Монголии объясняется не только (и даже не столько) «аппетитами наших купцов», сколько политикой ограничения вывоза российского сырья из-за высокого спроса на него собственной фабричной промышленности [Тагаров 2022: 52].

К однозначному выводу о том, за кем осталась победа на монгольском конкурентном «поле», исследователи не пришли. Одни считают, что российские предприниматели выстояли в борьбе с китайскими купцами, хотя те имели преференции в виде большого опыта торговли в Монголии и поддержку власти [Единархова 2005: 125]. Другие, напротив, оценивают итог этого соперничества как поражение российского торгово-промышленного капитала, который не смог взять под контроль внутренний рынок Монголии, что было предопределено объективными причинами [Тагаров 2022: 49, 51–52; Плеханова, Ширапов 2025: 841]. Однако после Синьхайской революции, создавшей для русских купцов более благоприятные условия, только за 1911–1914 гг. ввоз российских товаров в Монголию вырос с 2 до 4,4 млн руб. [Очерки истории... 2019: 129]. Нет у историков единодушия и в вопросе о политическом преимуществе той или иной стороны в Монголии до октября 1917 г. Хотя мнение, что основы будущей дружбы Монголии и Советского Союза были заложены победой российской дипломатии, которая в ходе трехсторонних переговоров в 1915 г. фактически сделала Монголию субъектом международного права [Курас 2025: 121–122], мы считаем весьма убедительным.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Источники и литература

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК): ф. 1(о), оп. 1, д. 2701, 3017, 3354.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА): ф. 1482, оп. 1, д. 1136.

Адрианов А. Русская торговля на границах Китая / А. Адрианов // Восточное обозрение. – 1882. – 1 июля. – С. 9–12.

Б. а. Незамеченный путь в Китай / Б. а // Восточное обозрение. – 1884. – 19 янв. – С. 1–2.

Б. а. Пограничный вопрос / Б. а // Восточное обозрение. – 1889. – 10 дек. – С. 2–4.

Б. а. Торговля России с Китаем через Кяхту в 1896 г. // Восточное обозрение. – 1897. – 27 апр. – С. 1.

Единархова Н. Е. Русские купцы и авантюристы в Монголии вторая половина XIX – начало XX вв.: учеб. пособие / Н. Е. Единархова. – Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2005. – 192 с.

Кальмина Л. В. Торговая деятельность сибирского купечества на рубеже XIX–XX вв.: фактор границы / Л. В. Кальмина // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. – 2024. – № 3(4). – С. 64–72.

Кальмина Л. В. «Монгольский вопрос» в газете «Восточное обозрение» в конце XIX в. / Л. В. Кальмина, Л. В. Курас // Монголоведение. – 2025. – Т. 17. – № 1. – С. 45–64.

Кальмина Л. В. На случай войны с «заклятым другом» (Проекты «китайской» политики России в донесениях военных агентов на рубеже XIX–XX вв.) / Л. В. Кальмина, Л. В. Курас // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 456. – С. 152–161.

Кальмина Л. В. Проекты развития транспортной инфраструктуры как фактор формирования трансграничного торгового пространства Россия/СССР – Монголия / Л. В. Кальмина, А. М. Плеханова // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 5. – С. 116–122.

Курас Л. В. У истоков монгольской государственности (к 110-летию Кяхтинского тройственного соглашения) / Л. В. Курас // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2025. – № 2(58). – С. 118–125.

Наша торговля в Западном Китае. Из отчета подполковника генерального штаба Певцова о путешествии в Монголию и внутренний Китай в 1878–1879 году // Восточное обозрение. – 1884. – 19 янв. – С. 2–4; 26 янв. – С. 7–8.

Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка поручика Кушелева // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXVI. – СПб.: Воен. тип., 1913. – С. 284–374.

Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зиновьев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. – 340 с.

Плеханова А. М. Сибирское купечество в конкурентной борьбе за освоение монгольского рынка: проблемы и способы их преодоления / А. М. Плеханова, А. А. Ширапов // Oriental Studies. – 2025. – Т. 18. – № 4. – С. 836–848.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1898 год: год пятый. – Томск: Изд. И. П. Макушина, 1898. – 620 с.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 год: год шестой. – Томск: Изд. Ф. П. Романова, 1899. – 484 с.

Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. В. Старцев. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 308 с.

Тагаров Ж. З. Монголия и история мировой экономики: сб. ст. / отв. ред. И. Е. Козырская, Ю. В. Кузьмин. – Иркутск: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. – 124 с.

Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – 256 с.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Zabajkal'skogo kraja (GAZK): f. 1(o), op. 1, d. 2701, 3017, 3354.
Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA): f. 1482, op. 1, d. 1136.
Adrianov A. Russkaya trgovlya na granicah Kitaya / A. Adrianov // Vostochnoe obozrenie. – 1882. – 1 iyulya. – S. 9–12.
B. a. Nezamechennyj put' v Kitaj / B. a // Vostochnoe obozrenie. – 1884. – 19 yanv. – S. 1–2.
B. a. Pogranichnyj vopros / B. a // Vostochnoe obozrenie. – 1889. – 10 dek. – S. 2–4.
B. a. Torgovlya Rossii s Kitaem cherez Kyahtu v 1896 g. // Vostochnoe obozrenie. – 1897. – 27 apr. – S. 1.
Edinarhova N. E. Russkie kupcy i avanturyisty v Mongolii vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.: ucheb. posobie / N. E. Edinarhova. – Irkutsk: Izd-vo IGPU, 2005. – 192 s.
Kal'mina L. V. Torgovaya deyatel'nost' sibirskogo kupechestva na rubezhe XIX–XX vv.: faktor granicy / L. V. Kal'mina // Periferiya. Zhurnal issledovaniya nestolichnyh prostranstv. – 2024. – № 3(4). – S. 64–72.
Kal'mina L. V. «Mongol'skij vopros» v gazete «Vostochnoe obozrenie» v konce XIX v. / L. V. Kal'mina, L. V. Kuras // Mongolovedenie. – 2025. – Т. 17. – № 1. – S. 45–64.
Kal'mina L. V. Na sluchaj vojny s «zaklyatym drugom» (Proekty «kitajskoj» politiki Rossii v doneseniyaх voennyh agentov na rubezhe XIX–XX vv.) / L. V. Kal'mina, L. V. Kuras // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 456. – S. 152–161.
Kal'mina L. V. Proekty razvitiya transportnoj infrastruktury kak faktor formirovaniya transgranichnogo torgovogo prostranstva Rossiya/SSSR – Mongoliya / L. V. Kal'mina, A. M. Plekhanova // Vlast'. – 2017. – Т. 25. – № 5. – S. 116–122.
Kuras L. V. U istokov mongol'skoj gosudarstvennosti (k 110-letiyu Kyahtinskogo trojstvennogo soglasheniya) / L. V. Kuras // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2025. – № 2(58). – S. 118–125.
Nasha trgovlya v Zapadnom Kitae. Iz otcheta podpolkovnika general'nogo shtaba Pevcova o puteshestvii v Mongoliyu i vnutrennij Kitaj v 1878–1879 godu // Vostochnoe obozrenie. – 1884. – 19 yanv. – S. 2–4; 26 yanv. – S. 7–8.

Otchet o poezdke s voenno-nauchnoj cel'yu v Mongoliju L.-Gv. Gusarskogo Ego Velichestva polka poruchika Kusheleva // Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. LXXXVI. – SPb.: Voen. tip., 1913. – S. 284–374.

Ocherki istorii osvoeniya i izucheniya Severnoj Azii / otv. red. V. P. Zinov'ev. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2019. – 340 s.

Plekhanova A. M. Sibirskoe kupechestvo v konkurentnoj bor'be za osvoenie mongol'skogo rynka: problemy i sposoby ih preodoleniya / A. M. Plekhanova, A. A. Shirapov // Oriental Studies. – 2025. – T. 18. – № 4. – S. 836–848.

Sibirskij trgovno-promyshlennyj i spravochnyj kalendar' na 1898 god: god pyatyj. – Tomsk: Izd. I. P. Makushina, 1898. – 620 s.

Sibirskij trgovno-promyshlennyj i spravochnyj kalendar' na 1899 god: god shestoj. – Tomsk: Izd. F. P. Romanova, 1899. – 484 s.

Starcev A. V. Russkaya trgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) / A. V. Starcev. – Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2003. – 308 s.

Tagarov Zh. Z. Mongoliya i istoriya mirovoj ekonomiki: sb. st. / otv. red. I. E. Kozyrskaya, Yu. V. Kuz'min. – Irkutsk: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2022. – 124 s.

Shaherov V. P. Ekonomika sibirskogo doreformennogo goroda (na materialah gorodov Bajkal'skoj Sibiri) / V. P. Shaherov. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2011. – 256 s.

УДК 94 (=512.36)

ББК 63.3

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-81-86

Б. Д. Цыбенков

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О МОНГОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЯТЕЛЕ ХАЙСАН-ГУНЕ

Статья посвящена изучению биографии Хайсан-гуна – одного из активных участников общемонгольского национально-освободительного движения в начале XX в., в составе монгольской делегации в 1911 г. ездившего в Санкт-Петербург. Рассматриваются вопросы, связанные с его повстанческой деятельностью во Внутренней Монголии, пребыванием в Харбине и контактами с российскими дипломатами, военными и представителями интеллигенции. Особое внимание уделено вопросу участия Хайсан-гуна во взятии г. Кобдо в августе 1912 г.; кратко описано его участие в «Сражении по пяти направлениям» в 1913 г.

Ключевые слова: Хайсан-гун, Внутренняя Монголия, Харбин, Внешняя Монголия, Богдо-гэгэн, независимость.

B. D. Tsybenov

SOME INFORMATION ABOUT THE MONGOLIAN PUBLIC AND POLITICAL ACTIVIST HAISAN-GUN

The article is devoted to the study of the biography of Haisan gun, one of the active participants in the pan Mongolian national liberation movement in the early 20th century, who travelled to Saint Petersburg as a member of the Mongolian delegation in 1911. The paper examines issues related to his insurgent activities in Inner Mongolia, his sojourn in Harbin, and his contacts with Russian diplomats, military personnel, and members of the intelligentsia. Special attention is paid to Haisan gun's participation in the capture of the city of Kobdo in August 1912; his involvement in the “Battle of Five Directions” in 1913 is also briefly described.

Keywords: Haisan-gun, Inner Mongolia, Harbin, Outer Mongolia, Bogdo Gegen, independence.

Тема участия уроженцев Хулун-Буира, монголов Внутренней Монголии и Синьцзяна в вооруженной борьбе за обретение независимости Монголии в начале XX в. продолжает оставаться актуальной. В настоящее время из их числа хорошо известны имена Манлай-батара Ж. Дамдинсурэна, Токтохо-тайджи, Цэндэ-гуна, Удай-вана. Сведения о других деятелях – баргинцах, южных монголах и ойратах, также приложивших немало усилий для создания единого Монгольского государства, остающиеся фрагментарными и размещенные в разных источниках, нуждаются в надлежащем историческом освещении, вводе в научный оборот. В настоящей статье приводим некоторые малоизвестные в отечественной исторической науке данные об одном из них – Хайсан-гуне.

В конце XIX – начале XX в. во многих частях Внутренней Монголии в результате ухудшения социально-экономического положения аратов и появления китайских крестьян-переселенцев разворачивается дугуйланское движение, наблюдается рост национального самосознания местного монгольского населения. Разворачивается и вооруженная борьба под предводительством Токтохо-тайджи, Удай-вана, Хайсан-гуна. По данным японского историка Наками Тацуо, Баян-Тумэрийн Хайсан родился в местности Хадалан Улан-Ганга, расположенном в Западном харачинском хошуне аймака Чжосоту Внутренней Монголии в 1862 или 1863 г. При вычислении даты рождения исследователь исходит из сведений в источниках о том, что в 1912 г. ему было 50 лет [Nakami

ЦЫБЕНОВ Базар Догсонович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: bazar75@mail.ru.

1980: 108]. Как известно, правителем данного хошуна являлся чин-ван Гунсэнноров, потомок прославленного сподвижника Чингисхана – урянхайца Джэлмэ, старшего брата полководца Субэдэя. Хайсан-гун, очевидно, являлся чиновником в администрации Гунсэннорова. По данным 1892 г., к этому времени Хайсан-гун провел 13 успешных боев с китайскими колонистами и мятежниками из даосской секты Цзиньдандао (Золотой путь) – одного из ответвлений китайской секты «Белый лотос», вторгнувшимися с территории провинции Ляонин в земли аймаков Чжосоту (монг. Зост) и Чжо-Уда (монг. Зуу-Уд) Внутренней Монголии. Ситуация была настолько тяжелой, что Хайсан-гун обращался с просьбой о предоставлении земель своим подданным к князю Удай-вану из хошуна Дзасакту, что в Южном Горлосе аймака Чжерим (монг. Жирэм). В 1892 г. Удай-ван дал согласие, и монголы начали переселяться из аймака Чжосоту. Всего в южные части Хингана переселилось более 100 тыс. чел. [Кузьмин 2021: 69–70]. Здесь мы хотели бы отметить раннее знакомство Хайсан-гуна и Удай-вана, начавшееся еще в 1890-х гг. в непростых условиях противостояния китайской колонизации.

Еще одним интересным моментом из жизни Хайсан-гуна, на наш взгляд, являются предполагаемые нами контакты его с Н. И. Гомбоевым, начальником почтово-телеграфной службы российского посольства в Пекине, и его сыном Н. Н. Гомбоевым. Так, в письме переводчика на трехсторонних переговорах (Россия, Китай, Монголия) А. И. Абидуева имеется упоминание о вероятных дружеских связях Хайсан-гуна с Н. Н. Гомбоевым (внук декабриста Н. А. Бестужева) в Пекине. Наше предположение усиливается сведениями о контактах чин-вана Гунсэннорова с бурят-монголом Гомбоевым (так написано в источнике. – *Б. Ц.*). В частности, в нем говорится, что осенью 1903 г. чин-ван, используя свои связи с Гомбоевым, пригласил четырех способных учеников к обучению в школе русского языка в Пекине [Engke, Sing 2015: 8]. Таким образом, выясняется, что Гунсэнноров был хорошо знаком с неким Гомбоевым, достаточно влиятельным человеком, могущим решить вопросы обучения южных монголов русскому языку. Им, на наш взгляд, мог быть Н. И. Гомбоев, вышеупомянутый начальник почтово-телеграфной службы, являвшийся родным братом Пандито хамбо-ламы Дампила Гомбоева. По некоторым данным, именно благодаря помощи Н. И. Гомбоева из Пекина во время восстания ихэтуаней и начавшихся беспорядков была вывезена бурятскими казаками статуя Зандан Жуу (Сандаловый Будда), ныне находящаяся в Эгитуйском дацане Бурятии.

Из вышеуказанных данных можно сделать предварительный вывод о достаточно тесных контактах представителей южномонгольской знати с отцом и сыном Н. И. и Н. Н. Гомбоевыми, очевидно, и с другими российскими представителями еще в конце XIX – начале XX в. Таким образом, в этот период чин-ван Гунсэнноров и его окружение рассматривали не только вопросы взаимодействия с Японией, но и пытались уделять внимание образовательным и другим контактам с Россией.

До 1902 г. Хайсан-гун активно боролся с китайскими переселенцами на своей родине – западном харчинском хошуне аймака Чжосоту. В начале 1902 г., когда из-за предательства местных чиновников его жизнь оказалась под угрозой, вместе с другими чиновниками Чимит-Доржи, Мункэ-Токтохом он был вынужден покинуть пределы хошуна. Известно, что некоторое время Хайсан-гун жил в Харбине, где контактировал с представителями Российской империи. По некоторым данным, он был знаком с российским консулом П. Ф. Симоновым. Благодаря доводам дипломата, летом 1907 г. он вместе с харчинским ваном Алмас-Очиром тайно направился из Харбина в Ургу. Там они установили контакты с да-ламой Г. Цэрэн-Чимэдом и чин-ваном М. Ханддоржем, обсуждая с ними вопросы возрождения независимости Монголии и объединения монгольских земель.

Однако подтвердить факт взаимодействия Хайсан-гуна с российским дипломатом сложно. Первым консулом Российской империи в Харбине был В. Ф. Люба, работавший там с 1907 по 1909 г. Поскольку консульство было открыто в январе 1907 г., надо полагать, что у В. Ф. Любы не было предшественника в лице Симонова. Вероятно, что знакомым Хайсан-гуна мог быть П. Ф. Симонов, работавший в 1904–1907 гг. управляющим в небольшом частном издательстве Харбина, имевший связи с местными

организациями российских социал-демократов и большевиков. Его судьба сложилась интересно: вынужденно покинув Харбин из-за полицейского преследования, а затем и Хабаровск, в 1912 г. П. Ф. Симонов оказался в Австралии, где в январе 1918 г. Наркоминдел РСФСР назначил его генеральным консулом в Австралии. Наше предположение о контактах Хайсан-гуна и П. Ф. Симонова зиждется лишь на одном предположении, взятом из монгольского научно-популярного издания, поэтому требует последующего детального анализа. С другой стороны, Хайсан-гун, очевидно, не мог не быть знаком с российским консулом в Харбине В. Ф. Любой. Их взаимодействие продолжилось и в Урге, куда В. Ф. Люба был направлен в качестве генерального консула Российской империи (1911–1913).

Находясь в Харбине, Хайсан-гун продолжил контактировать с российскими деятелями из числа бурят, например с Ц.-Е. Цыдыповым, в годы Русско-японской войны работавшим переводчиком монгольского в военном ведомстве и оставшимся в Китае после расформирования воинских частей. В 1908 г. Ц.-Е. Цыдыпов служил переводчиком в штабе Заамурского округа пограничной стражи, а также преподавал монгольский язык в разведывательной школе. Именно в это время их контакты стали частыми. Так, вместе с другими южномонгольскими князьями Удай-ваном, Ару-Хорчин-ваном Хайсан-гун обращался в штаб Заамурского округа пограничной стражи с просьбой оказать помощь в виде оружия и денег для борьбы за независимость монгольских земель. В том же 1908 г. Хайсан-гун вместе с Удай-ваном решили организовать восстание в трех аймаках Внутренней Монголии (Чжеримском, Чжосотуском и Чжоудаском). Повстанцам была обещана помощь деньгами, оружием и патронами. Удай-ван уехал в хошун, а Хайсан-гун остался в Харбине, чтобы поддерживать связь [Базаров 2002: 7]. По некоторым данным, в 1909 г. Хайсан-гун работал в редакции газеты «Монголун сонин бичик» (Монгольские новости), издававшейся управлением КВЖД в Харбине на классической монгольской письменности. Активное участие принял и Ц.-Е. Цыдыпов. Газета пользовалась большой популярностью среди монгольского чиновничества, высшей буддийской иерархии и интеллигенции. К работе в издании привлекались представители интеллигенции с передовыми взглядами и подходами, уроженцы Внешней и Внутренней Монголии, Бурят-Монголии. Издавалась она тиражом в 1 тыс. экз. на протяжении около 10 лет и распространялась в Монголии и других регионах. На начальном этапе составителем или ответственным редактором был Ц.-Е. Цыдыпов. Корреспондентами работали Ц. Жамцарано, Догсомын Бодоо (будущий революционер, один из «монгольской семерки» – делегатов от Монгольской народной партии, прибывших в Россию в 1920 г. – Б. Ц.), Бадрах-батор, Хайсан-гун, Алмас-Очир. С 1914 по май 1918 г. Ц.-Е. Цыдыпов занимал должность помощника редактора газеты [Там же: 15].

Таким образом, подтверждается, что в начале XX в. Хайсан-гун и другие руководители повстанческих отрядов из числа южных монголов в борьбе за отделение от Китая пытались тесно взаимодействовать с российскими военными властями.

Как указывает Т. Наками, к этому времени (т. е. к 1907–1909 гг. – Б. Ц.) Хайсан-гун пришел к выводу, что монголы должны освободиться от китайского господства и создать собственное независимое государство [Nakami 1980: 108]. Финский дипломат и филолог-востоковед Г. Рамстедт, познакомившийся с Хайсан-гуном во время экспедиции в 1909 г., отмечал необходимость создания единого Монгольского государства. Как рассказывал Хайсан-гун, он посетил всех 88 монгольских князей, из которых около 40 чел. ясно представляли политическую ситуацию. Некоторые князья были напуганы и осознавали надвигающуюся опасность (очевидно, речь идет о «новой политике» Цинской империи. – Б. Ц.), а другие «оказались настолько невежественны и зависимы от пьянства, что визит к ним был напрасным» [Ibid: 108–109].

Необходимо отметить, что Хайсан-гун активно контактировал с российскими и зарубежными учеными, интересующимися Монголией. Так, познакомившись с Хайсан-гуном летом 1912 г., ученый-монголовед А. В. Бурдуков писал: «Мы нашли скоро тему для разговоров о Петербурге, о наших петербургских монголистах и о многом другом. Он достал из своего саквояжа пакетик с визитными карточками, среди которых были карточки военных и штатских, занимающих высокие должности, тут были кар-

точки многих наших монголистов: Котвича, Руднева, Рамстедта и др.» [Бурдуков 1969: 381–382]. Он же оставил описание внешности монгольского деятеля: «Хайсан-гун был крепким, высокого роста, лет за 50 седым стариком, очень похожим на китайца. Говорил он на восточномонгольском наречии, так что понимал я его с большим трудом» [Там же: 87].

Как известно, Хайсан-гун вошел в состав делегации от Внешней Монголии вместе с чин-ваном М. Ханддоржем и да-ламой Г. Цэрэн-Чимэдом, в 1911 г. отправившейся в Санкт-Петербург. Хайсан-гун представлял Внутреннюю Монголию. На тот момент монгольская элита в едином порыве выступала за создание единого государства с включением в его состав южномонгольских земель. Этой поездке в Россию, как известно, предшествовало тайное совещание монгольских князей и лам, состоявшееся в июле 1911 г. в Урге. Из всех участников совещания самую решительную позицию заняли да-лама Цэрэн-Чимэд и Хайсан-гун. Есть данные о том, что в 1915 г. министр иностранных дел Монголии Б. Цэрэндорж, вспоминая о независимости Монголии 1911 г., сказал китайскому дипломату, представителю Китайской республики в Урге Чэнь Лу, следующее: «Если бы Хайсан не приехал в Ургу, Внешняя Монголия не смогла бы получить независимость» [Tatsuo 1980: 109]. Вероятно, тем самым Цэрэндорж хотел подчеркнуть важную роль Хайсан-гуна в этом деле. Заметим, что он больше сблизился в Урге с да-ламой Цэрэн-Чимэдом, нежели с чин-ваном Ханда-Доржем. Именно вокруг да-ламы группировались выходцы из Внутренней Монголии, включая Хайсан-гуна. Когда была объявлена независимость Монголии и в декабре 1911 г. формировалось богдо-гэгэнское правительство, Хайсан-гун был назначен советником министра внутренних дел, а министром стал да-лама. Следует отметить, что в начальный период деятельности нового правительства позиции да-ламы Цэрэн-Чимэда были очень сильны. Однако в дальнейшем противостоянии со сторонниками пророссийской ориентации он потерпел поражение. О серьезных разногласиях в монгольском правительстве того периода писал российский дипломат И. Я. Коростовев: «... за дружбу с Россией продолжали стоять сам Хутухта и наши сторонники Ханда-ван, Намсарай, Тушэту-хан и Далай-ван; за сближение с Китаем вновь выступили Да-лама, Ширнин-дамдин, Шанзотьба, Хайсан и некоторые другие... Ханда-ван объяснил происшедшую перемену (монголы стали тормозить дела, по которым имелись договоренности с российскими властями) происками Да-ламы, Бинту-вана и Хайсана, и советовал устранить названных лиц» [2004: 315, 331].

Участие Хайсан-гуна во взятии г. Кобдо в августе 1912 г. остается дискуссионным вопросом. Известно, что город был взят монгольскими войсками под командованием Дамдинсурэна, Магсаржав-гуна, Дамби-Жанцана, Хайсан-гуна, Тогтох-тайджи и Джалханза-хутухты. Однако, по мнению монгольского историка Г. Мягмарсамбуу, Хайсан-гун не мог принимать участия в этом сражении, поскольку выехал из Урги в сторону Кобдо гораздо позже Дамдинсурэна и Магсаржава. В Центральном национальном архиве Монголии сохранилось прошение Хайсан-гуна Богдо-гэгэну, датированное 4 августа 1912 г., т. е. за три дня до начала сражения. В нем он подчеркивал свою преданность Богдо-гэгэну и готовность отправиться с войском в любом направлении, не жалея жизни. В то же время Хайсан-гун писал, что «никогда не обучался военному делу и поскольку уже стар, то его умственные способности и жизненные силы понизились. Поэтому он действительно остерегается выполнять большое дело по причине возможного допущения ошибок» [Мягмарсамбуу 2021: 46]. «Поскольку у него нет иного выбора как быть верным Родине», он все же выступил в поход через шесть дней, на протяжении которых отдельные группы его отряда направлялись из Урги на запад Монголии. Ранее Хайсан-гун направил еще одно предложение Богдо-гэгэну, в котором указывал, что, «хотя большинство из его 300 солдат не обучались военному делу, все же могут легко уничтожить малочисленного противника, используя разные методы. Если же противника окажется много, то наше малочисленное войско не сможет его уничтожить, поэтому в надлежащий момент прошу отправить в помощь большое войско». В других пунктах прошения он отмечал необходимость снабжения новыми винтовками, поскольку на вооружении в отряде имеются лишь берданки; бесперебойного снабжения продовольствием непосредственно из Урги; выработки военных законов, уставов; положения о наградах [Там же: 46–47].

Первый пункт предложения Хайсан-гуна подтверждается данными А. В. Бурдукова, который писал: «Отряд Хайсан-гуна перед выходом из Урги был спешно подучен инструктурами. Люди здесь были подобраны в возрасте 20–30 лет, в других же частях были в основном подростки и глубокие старики (старики говорили: “Сын молодой, пусть живет, а меня, старика, если и убьют, так убытку мало”). Все церики были вооружены берданками» [1969: 87].

В период «Сражения по пяти направлениям» Хайсан-гун командовал одним из отрядов, сформированным в районе Дариганги. В апреле 1913 г. на территории Внутренней Монголии, около ставки князя Абага-вана, отряд Хайсан-гуна в 300 монголов разгромил китайский отряд в 600 солдат. Китайцы отступили, их потери – 70 убитых и 4 пленных, 4 пулемета, ружья, боеприпасы. Монголы потеряли 4 убитыми и 20 чел. было ранено [Кузьмин 2021: 76–77].

Таким образом, Хайсан-гун был одним из видных руководителей общемонгольского национального движения, чья борьба с китайскими колонистами во Внутренней Монголии началась еще в конце XIX в. Особую роль в его последующем вынужденном перемещении в Харбин могло сыграть раннее знакомство с российскими представителями в лице Н. И. Гомбоева, начальника почтовой конторы российской дипломатической миссии в Пекине. В деле налаживания последующего взаимодействия с российскими военными кругами, очевидно, помощь оказывал Ц.-Е. Цыдыпов, переводчик монгольского языка в штабе Заамурского округа пограничной стражи и редактор газеты «Монголун сонин бичик» (Монгольские новости). Отдельные вопросы его биографии, высказанные нами в виде предположений, продолжают оставаться неясными и нуждаются в дальнейшем детальном изучении с привлечением широкого круга отечественных, монгольских и других источников.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Литература

Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма / Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 67 с.

Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма / А. В. Бурдуков. – М.: Наука, 1969. – 417 с.

Коростовец И. Я. От Чингис хана до Советской республики. Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени / И. Я. Коростовец. – Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. – 560 с.

Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 1 / С. Л. Кузьмин. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. – 407 с.

Мягмарсамбуу Г. Баргын түүх, угсаатны зүй. Гутгаар боть [История и этнография Барги. Третий том] / Г. Мягмарсамбуу. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2021. – 269 с.

Engke U. Qaračin čin vang Güngsengnorbu [Харачинский чин-ван Гунсэннорв] / U. Engke, F. Sing // Öbör Mongyol-un orcin üye-yin vang güng-üd-ün temdeglel [Заметки о ванах и гунах Монголии современного периода]. – Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriya [Хух-Хот: Народное изд-во Внутренней Монголии], 2015. – Н. 1–26.

Nakami T. The Minority's Groping: Further Light on Khaisan and Udai / Nakami T. // Journal of Asian and African Studies. – 1980. – No. 20. – P. 106–120.

References

Bazarov B. V. Neizvestnoe iz istorii panmongolizma / B. V. Bazarov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2002. – 67 s.

Burdukov A. V. V staroj i novoj Mongolii. Vospominaniya. Pis'ma / A. V. Burdukov. – M.: Nauka, 1969. – 417 s.

Korostovec I. Ya. Ot Chingis hana do Sovetskoj respubliki. Kratkaya istoriya Mongolii s osobym uchetom novejshego vremeni / I. Ya. Korostovec. – Ulan-Bator: Emgent, 2004. – 560 s.

Kuz'min S. L. Barginskij i harachinskij voprosy v istorii Vostochnoj Azii (pervaya polovina XX veka). T. 1 / S. L. Kuz'min. – M.: Tovariščestvo nauchnyh izdanij KMK, 2021. – 407 s.

Myagmarsambuu G. Bargyn түүх, угсаатны зүй. Gutgaar bot' [Istoriya i etnografiya Bargi. Tretij tom] / G. Myagmarsambuu. – Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2021. – 269 s.

Engke U. Qaračin čin vang Güngsengnorbu [Harachinskij chin-van Gunsennorov] / U. Engke, F. Sing // Öbör Mongyol-un orcin üye-yin vang güng-üd-ün temdeglel [Zametki o vanah i gunah Mongolii sovremennogo perioda]. – Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriya [Huh-Hot: Narodnoe izd-vo Vnutrennej Mongolii], 2015. – N. 1–26.

Nakami T. The Minority's Groping: Further Light on Khaisan and Udai / Nakami T. // Journal of Asian and African Studies. – 1980. – No. 20. – P. 106–120.

УДК 94(517.3)

ББК 63.3(5)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-87-92

В. Ю. Башкуев

«... РАЦИОНАЛЬНУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ МОНГОЛЫ
ДОЛЖНЫ ПОЛУЧИТЬ ИМЕННО ЧЕРЕЗ РУССКИЕ РУКИ».
ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА
СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОГО МЕДИЦИНСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА (1926–1930 гг.). Ч. I

На основе архивных материалов Наркомздрава РСФСР рассматриваются геополитические и прагматические предпосылки первой советской медико-санитарной экспедиции в Монгольскую Народную Республику (1926), 100-летие которой отмечается в 2026 г. Решающим катализатором масштабной программы медицинской помощи стало опасение Москвы утратить влияние в регионе перед лицом возможной немецкой медицинской экспансии. Рассмотрена роль берлинского патолога М. Кучинского в развитии сюжета с подготовкой первой медико-санитарной экспедиции, а также реакция улан-баторского медицинского сообщества и Полпредства СССР в МНР.

Ключевые слова: СССР, МНР, медицина, здравоохранение, советско-монгольское сотрудничество, медико-санитарные экспедиции, система Семашко.

V. Yu. Bashkuev

“... MONGOLIANS MUST RECEIVE RATIONAL MEDICAL
ASSISTANCE PRECISELY THROUGH RUSSIAN HANDS”.
FEATURES OF THE INITIAL STAGE OF SOVIET-MONGOLIAN
MEDICAL COOPERATION (1926–1930)

Drawing on archival materials from the People's Commissariat of Health of the RSFSR, this article examines the geopolitical and pragmatic prerequisites for the first Soviet medical and sanitary expedition to the Mongolian People's Republic (1926), whose centenary is commemorated in 2026. Moscow's apprehension about losing its influence in the region in the face of a potential German medical expansion served as the decisive catalyst for a large-scale medical aid programme. The article analyses the role of the Berlin pathologist M. Kuczynski in the developments surrounding the preparation of the first medical and sanitary expedition, as well as the response of the Ulaanbaatar medical community and the USSR Plenipotentiary Representation in the Mongolian People's Republic.

Keywords: USSR, MPR, medicine, public health, Soviet-Mongolian cooperation, medical-sanitary expeditions, Semashko system.

В сентябре 2026 г. исполняется 100 лет первой медико-санитарной экспедиции Наркомздрава РСФСР в Монгольскую Народную Республику. Это важная веха в истории российско-монгольских медицинских связей, обозначившая начало комплексной, охватывающей всю социалистическую эпоху программы помощи МНР в создании современного здравоохранения. Не обладая символическим смыслом в «канонической» истории советско-монгольских отношений, это событие имело ключевое значение для медицинского взаимодействия двух стран. Именно тогда, возможно, еще не полностью осознавая масштаб задуманного предприятия, советское правительство приступило к экспорту в соседнюю страну модели социалистического здравоохранения по Н. А. Семашко (1874–1949) [Башкуев 2021: 48–132].

Началом истории монгольского государственного здравоохранения принято считать 15 августа 1921 г., когда вышло постановление Совета обороны страны об организации

БАШКУЕВ Всеволод Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: seva91@yahoo.com.

в Урге госпиталя для оказания бесплатной медицинской помощи военнослужащим и гражданскому населению. Администрировавший сферу здравоохранения медицинский комитет при Военном ведомстве (создан 25 марта 1921 г.) был укомплектован русскими врачами. В 1923 г. для работы в госпитале и организации на его базе гражданского отделения в Ургу был приглашен иркутский врач-общественник Павел Николаевич Шастин (1872–1953) [55 лет здравоохранения... 1976: 14–16], вокруг которого к 1925 г. сформировалось небольшое, но вполне функциональное русское медицинское сообщество [Башкуев 2021: 42].

Таким образом, заявленный в названии в качестве «начального» период с 1926 по 1930 г. не является конвенциональным, а представляет собой часть авторской периодизации истории советско-монгольских связей в области здравоохранения. В ее основе лежит не каноническая концепция социалистического сотрудничества, а документы реальной политики из рассекреченной описи 55 фонда А-482 «Наркомздрав РСФСР» в ГА РФ. Сконцентрированная там официальная переписка Наркомата здравоохранения с НКВД СССР позволяет выделить прагматическую подоплеку действий правительства СССР по экспорту в Монголию системы Семашко.

Приступая к интерпретации выбранного сюжета, необходимо сделать важную оговорку. Русско-монгольские отношения в области медицины и здравоохранения к интересующему нас периоду насчитывали уже более 60 лет и осуществлялись в различных формах: от лечения больных монголов и массового оспопрививания до работы исследовательских экспедиций. Правда, внимание последних было в основном сосредоточено на исследовании топографических и климатических особенностей страны, ее экономического и бытового уклада для определения стратегически приоритетных областей взаимодействия [Бойкова 2014: 117, 130]. Важную роль играло изучение тарбаганьей чумы [Скрживан 1901: 607–611; Талько-Грынцевич 1899]. Лечение монголов осуществлялось входившими в состав бактериологических, военно-топографических, торговых экспедиций русскими врачами. Несмотря на вспомогательное значение медицины в этих предприятиях, во время них нарабатывался оптимальный формат взаимодействия и осмысливалась роль врачей в качестве проводников культурного влияния в монгольском кочевом обществе.

После революции 1921 г., стремясь к созданию современных политических и общественных институтов, монголы озаботились развитием у себя европейского здравоохранения. Важную роль сыграло непосредственное знакомство первых лиц государства с русским врачебным искусством. В 1921 г. П. Н. Шастин вылечил в Иркутске следовавшего в Москву в составе монгольской делегации Д. Сухэ-Батора. Этот эпизод во многом объясняет его приглашение в 1923 г. для развития на базе военных госпиталей гражданского, т. е. действительно народного здравоохранения. До этого времени лечение аратов русскими врачами не носило системный характер, основные усилия были сосредоточены на военной и гражданской монгольской элите, через которую осуществлялось политическое взаимодействие.

Представитель дореволюционного поколения врачей-общественников, искусный хирург и кавалер орденов Российской империи Шастин сумел не только организовать в Монголии зачатки современного здравоохранения, но и профессиональное сообщество, состоявшее из военных и гражданских медиков-экспатриантов. Необходимо отметить, что эта группа, на 1925 г. состоявшая из не более чем 10 врачей и фельдшеров, находилась на монгольской службе и формировала кадровый состав здравоохранения МНР. К изучению страны медики подходили серьезно – собирали материалы о санитарной обстановке на периферии, работали в кружке по изучению монгольской истории и культуры, постигали особенности и внутренние механизмы кочевого общества [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 285. Л. 3–11]. Шастин был вхож в высшие круги монгольской элиты, а с Э.-Д. Ринчино, обладавшим на тот момент значительной властью, поддерживал дружеские отношения. Вкупе с распространившейся по всей стране славой целителя-чудотворца этот ресурс, безусловно, помогал П. Н. Шастину в его роли демиурга монгольского здравоохранения.

В отношениях с советским полпредством медицинское сообщество, по-видимому, сохраняло определенную автономию. Непосредственным работодателем врачей являлось правительство МНР, пытавшееся проводить культурную модернизацию страны исходя из ее национальных интересов. Некоторые его фигуры в недавнем прошлом были бурятскими национальными демократами, перебравшимися в Монголию еще до Февральской революции. В нашем сюжете важно то, что эти деятели монгольской политики имели основания опасаться политической и культурной русификации, так как обладали богатым опытом политического противостояния колониционной политике царизма в Бурятии.

Опасение подпасть под растущее русское влияние и желание ориентироваться на европейские образцы без советского посредничества привели к первому, отчетливо артикулированному примеру «политики третьего соседа». В мае 1925 г. под руководством министра просвещения МНР Эрдэни Батухана в Европу отправились 35 способных монгольских подростков. Эти дети, обучавшиеся в немецких и французских технических лицеях, проходившие профессиональную практику на европейских фабриках, впоследствии сформировали кадровый резерв для комплексной модернизации страны [Wolff 1945: 41–42]. С европейской практикой был отчасти перенят и принцип отбора талантливых подростков, сыгравший роль в истории монгольского здравоохранения. Так, жена выдающегося монгольского литератора Д. Нацагдоржа (1906–1937) Дамдины Пагмадулам (1905–1938) привлекла к учебе и общественной деятельности Долгорын Пунцаг (1900–?), ставшую в 1930 г. первым министром здравоохранения МНР [Миягашева 2020: 269].

В тот же период СССР и сам развивал тесные связи с веймарской Германией. В области медицины они реализовались в нескольких крупных проектах. По линии этого сотрудничества в Сибирский медицинский институт в Омске в 1923 г. приехал молодой немецкий профессор-патолог Макс Ханс Кучинский (1890–1967) [Solomon 2010: 74–75]. По нашему мнению, этот врач, сам того не желая, сыграл огромную роль в формировании дальнейшей траектории развития монгольского здравоохранения.

Кучинский был исследователем традиционных культур и визионером, создавшим новое направление медицинской науки – этнопатологию. Под немного другим именем – Максим Кучинский-Годар [I] – он внес вклад в развитие здравоохранения Перу. Написал несколько книг, из которых сегодня наиболее известны две – «Степь и человек» (1925) и «Жизнь в Перуанской Амазонии: наблюдения врача» (1944) [Knipper 2009: 109, 111; Kuczynski 1925].

Летом 1925 г. Кучинский предпринял путешествие из советского Казахстана, где летом 1924 г. провел четыре месяца среди кочевых казахов, через Синьцзян в Монгольскую Народную Республику. Его задачей было изучение присущих традиционному кочевому быту заболеваний *in situ*, так как он был противником «сведения пациента к функции простого объекта медицинской науки» до уровня «простого носителя патологических признаков». Он верил в существование особой нозологии кочевых народов и принципиально отрицал все биологически детерминированные теории, в частности, расовую гигиену. Кучинский был самым левым из немецких профессоров, изучавших СССР и его кочевое трансграничье, что делало его наиболее политически совместимым с большевистским режимом. Он с энтузиазмом воспринимал революционные социальные изменения в Монголии и считал своей задачей оказание консультативных услуг монгольскому правительству в вопросах здравоохранения [Knipper 2009: 112]. Как оказалось, на этой ниве он действительно сослужил Монголии великую службу в долгосрочной перспективе.

Симпатизируя большевикам, Макс Кучинский не забывал и о своих интересах. С целью продвижения созданной им этнопатологии он активно переписывался с Наркомздравом РСФСР и Н. А. Семашко, искусно комбинируя лесть, обещания стремительного научного прогресса в области патологии и заверения в исторической монументальности предложенных им советско-германских проектов. При этом профессор тактично не просил финансовых средств, рассчитывая найти их в Германии, но стремил-

ся заручиться политической и институциональной поддержкой Наркомздрава [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 19. Л. 179, 191; д. 20. Л. 38–39]. К тому моменту он уже разочаровался в Казахстане как локусе исследования: слишком сильна была в кочевом казахском обществе русская культурная интерференция [Solomon 2010: 81–82]. Монголия виделась более перспективной локацией, ведь традиционное кочевое общество там было практически моноэтническим и, как представлялось, культурно изолированным от влияния Европы.

Когда в августе 1925 г. Макс Кучинский приехал в Улан-Батор, единственной референтной профессиональной группой для него стало русское врачебное сообщество во главе с П. Н. Шастиным. Быстро установив с ним тесный контакт, на одной из встреч он сделал шокирующее для советской стороны заявление – якобы в 1926 г. правительство Германии готовит большую медицинскую экспедицию в Монголию для помощи в организации европейского здравоохранения [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 20. Л. 333об.].

Вполне возможно, что русские врачи на монгольской службе сначала не обеспокоились словами Кучинского. Ведь традиция сотрудничества с немецкими врачами уходила корнями глубоко в историю и до Октябрьской революции была вполне естественной частью научно-исследовательской работы. Совершенно иное действие возымело заявление профессора в Полпредстве СССР в Улан-Баторе. Полпред Петр Михайлович Никифоров (1882–1974) 15 октября 1925 г. созвал совещание местных врачей и лекпомов, куда пригласил членов полпредства и советских консулов Старкова из Алтан-Булага и Кормилина из Улясутая. Там он объявил, что направил ходатайство в Наркомздрав РСФСР о командировании в МНР большой медицинской экспедиции. Свое решение Никифоров объяснил тем, что «медицинская помощь монгольскому населению... находится в весьма жалком положении» [Там же. Л. 333]. В ответном слове П. Н. Шастин открыто заявил, что строительство здравоохранения в Монголии должно быть делом России. «Американцы, англичане и прочие, делая такие же попытки в Китае и Тибете, – говорил он, – исходили из разных нездоровых соображений, в том числе и шаблонно-филантропических. В Монголии за это думает взяться теперь Германия: по словам находящегося здесь немецкого профессора Кучинского в следующем году в Монголию послана будет целая медицинская экспедиция. Нас это задевает, и мы должны твердо решить, что рациональную медицинскую помощь монголы должны получить именно через русские руки» [Там же. Л. 333об.].

После того как врачи и лекпомы одобрили идею Никифорова, полпред потребовал немедленно приступить к составлению плана и финансовой сметы экспедиции, требуя «поменьше академичности и побольше реальных мероприятий». На подготовку отводилась всего неделя. Для координации всех действий при Полпредстве СССР было создано постоянное медицинское совещание [Там же. Л. 335]. На заседаниях 22 и 29 октября 1925 г. участники утвердили состав экспедиции, приблизительную смету в 170 тыс. руб. и рабочую повестку, а также уточнили локацию для постоянных медпунктов и венотрядов. Шастин решительно выступил против концентрации усилий в Улан-Баторе, заявив, что «... устраивать нарочитые демонстрации перед правительством путем концентрации главной работы в Урге – нечего». Таким образом, столица стала лишь отправной точкой, а основные маршруты пролегли в восточный Цэцэнханский аймак, а также на запад – в Заин-Шаби, Улясутай, Цэцэн-Сартул и Кобдо.

Активная работа шла и в недрах советского дипломатического ведомства. Первое письмо из НКВД в Наркомздрав датировано 14 октября 1925 г., т. е. днем ранее первого медицинского совещания в Улан-Баторе. Значит, полпред Никифоров сначала согласовал планы с НКВД СССР и лишь затем ознакомил с ними врачей. Это вполне соответствовало внутренней бюрократической логике того времени: профильный наркомат устанавливал контроль над международными медицинскими связями на Востоке, ограничивая сформировавшуюся благодаря Семашко «вольницу» с зарубежными представительствами Наркомздрава в Европе и амбициями на некоторую внешнеполитическую самостоятельность.

Работа НКВД по консолидации ресурсов для реализации плана экспедиции была методичной. Заручившись поддержкой официального агентства СССР по международ-

ным культурным связям – ВОКС – и недавно образованной Комиссии по научному изучению Монголии при СНК СССР (1925), используя доводы о том, что если из-за отсутствия советской медицинской помощи Монголия согласится на приезд германской экспедиции, то «СССР будет нанесен несомненный политический и моральный удар» [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 20. Л. 351], наркомы Чичерин и Семашко, ответственный за восточную политику замнаркома Карахан и полпред Никифоров рассчитывали на безоговорочную поддержку Совета труда и обороны СНК. Так и вышло: подав в декабре 1925 г. в СНК РСФСР ходатайство о вхождении в СНК СССР с вопросом об ассигновании 175 тыс. руб., Н. А. Семашко к марту 1925 г. получил от СТО одобрение, а 9 июня 1926 г. утверждено постановление о выделении из резервного фонда СНК СССР 50 тыс. руб. на организацию экспедиции.

Столь быстрый для СССР процесс принятия решения, несомненно, подогревался геополитическими причинами. Вся корреспонденция пронизана опасениями расширения германского культурного влияния во Внутренней Азии. Масла в огонь подливали Г. В. Чичерин и глава ВОКС О. Д. Каменева, заявлявшие о планах Германии «захватить» не только Монголию, но и Танну-Туву [Там же. Д. 21. Л. 102, 104–108]. В августе 1926 г. был утвержден состав экспедиции (10 врачей, лекпомы, фельдшеры, медсестры), а сама экспедиция прибыла в Улан-Батор 21 сентября 1926 г. Таким образом, от обсуждения идеи до ее реализации прошел всего год, а первая экспедиция А. А. Французова, проработавшая в МНР всего несколько месяцев, укрепила советское правительство в готовности продолжать системную помощь здравоохранению Монголии в форме экспедиций.

Эта история наводит на следующие умозаключения. Безусловно, планы культурной экспансии в Монголию реализовывались уже весной 1925 г., когда при СНК СССР была образована Комиссия по научному изучению Монголии. Возглавивший ее Н. П. Горбунов, будучи главой аппарата Совнаркома, отвечал за международные научные связи Советского Союза. В логике имперского администрирования такие органы выполняли задачу систематизации информации о территории для выработки соответствующих управленческих практик. Но информация, озвученная Кучинским в августе 1925 г., вне зависимости от ее правдоподобности и точности, сработала в качестве решающего довода. Одновременно сфера здравоохранения вдруг получила геополитический приоритет, ведь именно там СССР видел реальную угрозу своему влиянию со стороны Германии. Так, амбициозный профессор патологии из Берлина, собиравшийся помогать своими консультациями монгольскому правительству, запустил процесс, растянувшийся на 60 лет и имевший большое значение в развитии Монголии как независимого национального государства.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации») № 125091010220-3.

Примечания

1. Макс Кучинский в 1933 г. был вынужден покинуть Германию, впоследствии изменив на французский манер даже собственное имя.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): ф. А-482 «Министерство здравоохранения РСФСР», оп. 35, д. 285; оп. 55, д. 19–21.

55 лет здравоохранения Монгольской Народной Республики / гл. ред. Д. Цагаанхуу. – М.: Медицина, 1976. – 288 с.

Башкуев В. Ю. «Мягкая сила» советской медицины на зарубежном Востоке. 1920-е – 1940-е гг. / В. Ю. Башкуев. – Хабаровск: Изд-во Дальневост. гос. мед. ун-та, 2021. – 502 с.

Бойкова Е. В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX века) / Е. В. Бойкова; отв. ред. М. И. Гольман; ИВ РАН. – М.: ИВ РАН, 2014. – 264 с.

Миягашева С. Б. Подготовка кадров монгольского здравоохранения (на примере биографии первой женщины-министра МНР Д. Пунцаг) / С. Б. Миягашева // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 3. – С. 266–278.

Скрживан Ф. Ф. Наши сведения о тарбаганьей чуме / Ф. Ф. Скрживан // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии. – 1901. – Т. 11. – Вып. 6. – С. 608–612.

Талько-Грынцевич Ю. Д. О чумных заболеваниях в Монголии / Ю. Д. Талько-Грынцевич // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. – 1899. – Т. II. – Вып. 1–2. – С. 96–110.

Knipper M. Antropología y «crisis de la medicina»: el pathólogo M. Kuczynski-Godard (1890–1967) y las poblaciones nativas en Asia Central y Perú / M. Knipper // Dynamis. – 2009. – № 29. – P. 97–121.

Kuczynski M. Steppe und Mensch / M. Kuczynski. – Leipzig: Hirzel, 1925. – 187 S.

Solomon S. G. Foreign Expertise on Russian Terrain: Max Kuczynski on the Kirghiz Steppe, 1923–1924 / S. G. Solomon // Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science; ed. by Frances L. Bernstein, Christopher Burton and Dan Healey. – DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2010. – P. 71–91.

Wolff S. M. Mongols in Western Europe in 1925–1929 / S. M. Wolff // Man. – 1945. – Vol. 45. – P. 41–42.

References

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF): f. A-482 «Ministerstvo zdravoohraneniya RSFSR», op. 35, d. 285; op. 55, d. 19–21.

55 let zdravoohraneniya Mongol'skoj Narodnoj Respubliki / gl. red. D. Cagaanhuu. – M.: Medicina, 1976. – 288 s.

Bashkuev V. Yu. «Myagkaya sila» sovetskoj mediciny na zarubezhnom Vostoke. 1920-e – 1940-e gg. / V. Yu. Bashkuev. – Habarovsk: Izd-vo Dal'nevost. gos. med. un-ta, 2021. – 502 s.

Bojkova E. V. Rossijskie voennye issledovateli Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) / E. V. Bojkova; otv. red. M. I. Gol'man; IV RAN. – M.: IV RAN, 2014. – 264 s.

Miyagasheva S. B. Podgotovka kadrov mongol'skogo zdravoohraneniya (na primere biografii pervoj zhenshchiny-ministra MNR D. Puncag) / S. B. Miyagasheva // Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij. – 2020. – Т. 16. – № 3. – С. 266–278.

Skrzhivan F. F. Nashi svedeniya o tarbagan'ej chume / F. F. Skrzhivan // Russkij arhiv patologii, klinicheskoy mediciny i bakteriologii. – 1901. – Т. 11. – Vyp. 6. – С. 608–612.

Tal'ko-Gryncevich Yu. D. O chumnyh zabolevaniyah v Mongolii / Yu. D. Tal'ko-Gryncevich // Trudy Troickosavsko-Kyahtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. – 1899. – Т. II. – Vyp. 1–2. – С. 96–110.

Knipper M. Antropología y «crisis de la medicina»: el pathólogo M. Kuczynski-Godard (1890–1967) y las poblaciones nativas en Asia Central y Perú / M. Knipper // Dynamis. – 2009. – № 29. – P. 97–121.

Kuczynski M. Steppe und Mensch. – Leipzig: Hirzel, 1925. – 187 S.

Solomon S. G. Foreign Expertise on Russian Terrain: Max Kuczynski on the Kirghiz Steppe, 1923–1924 / S. G. Solomon // Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science; ed. by Frances L. Bernstein, Christopher Burton and Dan Healey. – DeKalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 2010. – P. 71–91.

Wolff S. M. Mongols in Western Europe in 1925–1929 / S. M. Wolff // Man. – 1945. – Vol. 45. – P. 41–42.

УДК 94

ББК 63.3 (0)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-93-98

Э. В. Батунаев, С. В. Хомяков

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье проанализированы развитие и структура русско-монгольской торгово-экономической системы в начале XX в. в контексте «Большой игры». Установлено, что торговля выступала ключевым инструментом «мягкой силы» Российской империи для интеграции Монголии в зону своих интересов, однако зависимость от импорта сырья, логистические проблемы и конкуренция с китайским капиталом ограничивали ее эффективность. Первая мировая война и революции привели к утрате наработанных позиций.

Ключевые слова: Российская империя, Монголия, торговая политика, «Большая игра», «мягкая сила», экономическое соперничество, русско-монгольские отношения.

E. V. Batunaev, S. V. Khomyakov

TRADE AND ECONOMIC TIES A “SOFT POWER” FACTOR IN THE RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS IN THE EARLY 20TH CENTURY

This article analyzes the development and structure of the Russo-Mongolian trade and economic system in the early 20th century in the context of the “Great Game”. It establishes that trade served as a key soft power tool for the Russian Empire to integrate Mongolia into its sphere of influence. However, dependence on imported raw materials, logistical problems, and competition with Chinese capital limited its effectiveness. World War I and the revolutions led to the loss of these established positions.

Keywords: Russian Empire, Mongolia, trade policy, the “Great Game”, soft power, economic rivalry, Russo-Mongolian relations.

Введение

На рубеже XIX–XX вв. бурное развитие капиталистических отношений привело к обострению соперничества ведущих держав за источники сырья, рынки сбыта и сферы влияния, особенно в Азии. Это глобальное противостояние, вошедшее в историографию под названием «Большая игра» (*The Great Game*), стало катализатором передела сфер влияния. В данном контексте для Российской империи ключевое значение приобрело восточное направление внешней политики, чему дополнительно способствовало завершение строительства Транссибирской железнодорожной магистрали.

Именно в этот период в российских правительственных, деловых и общественных кругах активно дискутировался так называемый «монгольский вопрос», выдвигались разнообразные проекты укрепления позиций России в регионе. С современной точки зрения эти проекты могут быть условно классифицированы в рамках парадигмы, предложенной профессором Джозефом Наем, как стратегии «мягкой силы» (*soft power*), связанные с культурным и экономическим влиянием, и «жесткой силы» (*hard power*),

БАТУНАЕВ Эдуард Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: batunaeveduard@mail.ru.

ХОМЯКОВ Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: khomyakov777@yandex.ru.

подразумевающей прямое политическое или военное давление. Исторически торговля выступала основой российско-монгольских отношений. Монголия, обладавшая значительными ресурсами скота и сырья, представляла большой интерес для российского купечества и промышленников.

Динамика, структура и баланс русско-монгольской торговли

В структуре российского экспорта в Монголию преобладали изделия обрабатывающей промышленности. Среди них – выделанные кожи, продукция мануфактурного, бакалейного и галантерейного профиля, металлические изделия (железо, медные детали и конструкции), а также эмалированная и фарфоровая посуда. В меньших объемах поставлялись хлебопродукты, табачные изделия, русские вина, укупорочные материалы, гамбургское серебро и российские кредитные билеты [РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 222].

Из Монголии в Россию вывозилось преимущественно сырье: шкуры диких и домашних животных, кожи, масло, жир, овечья и верблюжья шерсть, конский волос. Кроме того, через монгольскую территорию следовали транзитные грузы из Китая (золото, пушнина, чай), направлявшиеся в Россию и страны Западной Европы. Русско-китайская торговля велась преимущественно через Кяхту – торговую слободу, выполнявшую функцию «восточных ворот» в Азию. В середине XIX в. доходы Кяхты от взаимной торговли превысили 16 млн руб. До момента открытия морских портов и ввода в эксплуатацию Транссибирской магистрали Кяхта оставалась ключевым транзитным звеном Великого чайного пути. На этот восточносибирский центр приходилось 67 % всего товарооборота России с азиатскими государствами [Лузянин 2000: 241].

Важнейшей статьей русского импорта из Монголии выступал скот, на долю которого приходилось около 40 % всего ввоза. С середины XIX в. потребность в животноводческой продукции возросла в связи с увеличением числа рабочих, занятых на золотых приисках Верхнеудинского и Баргузинского острогов [Там же: 112].

1890-е гг. ежегодно из Монголии перегонялось до 17 тыс. голов крупного рогатого скота и около 21 тыс. овец. В периодической печати и специализированных коммерческих изданиях приводились данные о поголовье в Монголии (включая Внутреннюю): 50 млн крупного рогатого скота, 80 млн овец и коз, 25 млн лошадей. На основе этих сведений делались завышенные прогнозы о возможности ежегодного выгона 450 тыс. голов в Южную Сибирь и другие регионы, что позволило бы увеличить объем двусторонней торговли до 30–35 млн руб. при фактическом обороте того времени в 16 млн [Чимитдоржиев 1987: 203].

В 1911 г. через Кяхту в Монголию было ввезено российских товаров на сумму 1465977 руб., тогда как вывоз сырья и пушнины через тот же пункт был выше. Дополнительно через Россию транзитом в Западную Европу направлялись пушнина и золото на 2219832 руб. [Там же: 134]. Менее благоприятная ситуация наблюдалась в сфере экспорта. Несмотря на беспопынный режим, установленный русско-китайским договором 1881 г., объем вывоза оказывался почти вдвое ниже объема ввоза, а в количественном выражении уступал экспорту в Монголию товаров из Китая и других стран в 5 раз [Там же: 203].

Как свидетельствуют данные таможенной статистики, уже в 1909 г. Монголия давала 12 % всего ввозимого в Россию кожевенного сырья, 13 % шерсти, 25 % конского волоса, 10,5 % крупного рогатого скота, 10,8 % лошадей, 24,9 % мелкого рогатого скота и 34,2 % пушнины [Московская торговая... 1912: 12]. Общий оборот русско-монгольской торговли в 1908 г. составил 8 млн руб. при обороте китайско-монгольской торговли 50 млн [Златкин 1957: 142]. По данным таможенной статистики, уже в 1909 г. Монголия обеспечивала 12 % всего ввозимого в Россию кожевенного сырья, 13 % шерсти, 25 % конского волоса, 10,5 % крупного рогатого скота, 10,8 % лошадей, 24,9 % мелкого рогатого скота и 34,2 % пушнины [Московская торговая... 1912: 12].

Конкуренция на монгольском рынке: Китай и иностранные державы

На монгольском рынке российские товары сталкивались с конкуренцией не только со стороны китайской продукции, но и с товарами из США, Англии, Германии, Японии. Иностранные изделия (ткани, керосин и др.) первоначально поступали в Монголию через китайских посредников. Ситуация изменилась после 1909 г., когда в Урге открылись филиалы американских фирм «Норберс К°» и «Вильсон К°», начавших торговлю без посреднических звеньев.

Ежегодно через Тяньцзиньский порт из Монголии в США вывозилось до 200 тыс. пудов шерсти и 3 млн выделанных кож. В конце XIX в. в Урге и Улясутае появились английские агенты по закупке шерсти, для которых действовало несколько специализированных фирм [Чимитдоржиев 1987: 125]. В 1910 г. в Монголии открыли свои представительства еще три американские компании: «Стандарт Ойл Компани», «Бритиш-Американ Табакоу» и «Андерсен Мейер К°» [Лузянин 2000: 44].

Российские изделия, особенно мануфактурные, отличались высоким качеством и пользовались заслуженным спросом у местного населения. В среде монгольских и китайских торговцев любое качественное изделие часто называли «морозовским товаром», что служило своеобразным знаком высокого стандарта [Московская торговая... 1912: 12]. Однако высокая стоимость российской продукции, обусловленная значительными транспортными издержками, не позволяла ей выдерживать ценовую конкуренцию с более дешевыми китайскими аналогами. В связи с этим перед русскими коммерсантами стояла задача расширения торговли теми позициями, которые пользовались устойчивым спросом у монголов: юфтью, недорогими сукнами, хлопчатобумажными тканями различных расцветок, металлическими изделиями, галантереей.

Господствующее положение на рынке Монголии продолжал занимать китайский торгово-ростовщический капитал. В 1860-е гг. здесь функционировали несколько десятков крупных и средних китайских фирм, которые активно противодействовали проникновению российского капитала и расширению русско-монгольской торговли. Характерной чертой китайской коммерческой деятельности в Монголии являлись поставки в кредит под высокие проценты [История... 1983: 228].

Научно-торговые экспедиции и выявление проблем

Для изучения монгольского рынка и торговых маршрутов российскими властями и коммерческими кругами направлялись специальные экспедиции, по итогам которых формулировались рекомендации для правительства и делового сообщества [Попов 1905]. Их участники пришли к заключению, что дальнейшее развитие торговли невозможно без создания удобных путей сообщения, грамотной разработки торговых маршрутов, упорядочения таможенных тарифов и ветеринарного контроля [Московская торговая... 1912].

Наиболее влиятельная часть участников – московское купечество – полагала, что Монголия не может рассматриваться как перспективный рынок сбыта для российской обрабатывающей промышленности в силу удаленности региона, низкой покупательной способности населения и жесткой конкуренции со стороны китайских и иностранных коммерсантов. Сибирские же купцы и предприниматели, напротив, имевшие тесные связи с монгольским рынком, выступали за принятие более решительных мер и государственное содействие в улучшении русско-монгольской торговли, защите российских товаров, совершенствовании работы ветеринарных служб, прокладке новых сухопутных и водных маршрутов [Боголепов 1911: 7–8].

Отставной военный А. Б. Беннигсен, путешествовавший по Монголии, указал на проблемные зоны в русско-монгольской торговле. К ним он отнес отсутствие качественных путей сообщения, неупорядоченность таможенных пошлин, карантинные ограничения, а также недостаточную эффективность работы российских консулов по защите интересов соотечественников. Особое недоумение автора вызывала практика,

когда на русской таможене взималась плата за шкуры диких животных отдельно за хвост и за саму шкуру, что вынуждало купцов разрезать товар на месте, а затем сшивать его заново. А. Б. Беннигсен апеллировал к российскому правительству с требованием устранить подобные, по его мнению, недопустимые препятствия в развитии русско-монгольской торговли [1912: 24–26].

Государственные инициативы и дискуссия о инфраструктурных проектах

Увеличение объемов русско-монгольского товарооборота побудило представителей торгово-промышленных кругов инициировать создание при царской администрации специализированных комиссий и комитетов [Российская экспортная... 1914]. Особое внимание получили дискуссии в правительственных и торговых кругах по обсуждению необходимости строительства железнодорожной ветки в Монголию. Данное обстоятельство являлось ответом планам китайского проекта строительства железнодорожной ветки от Калгана до Урги. В ходе обсуждения предлагалось несколько вариантов, которые лоббировались определенными торгово-промышленными кругами [РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1316]. В частности, строительство железнодорожной ветки Мысовск – Кяхта и Верхнеудинск – Кяхта. В дискуссии принимали участие видные политические деятели С. Ю. Витте, П. Бадмаев, Л. М. Князев и т. д. Так, П. Бадмаев в свете громадного значения строящейся Транссибирской железной дороги для укрепления позиции на Востоке обращал внимание на открывающиеся перспективы и считал необходимым сооружение железнодорожной ветки от Байкала через Монголию к Ланьчжоу [Чимитдожиев 1987: 129]. Довольно перспективным направлением в русско-монгольской торговле считалось также обсуждение использования Северного морского пути, соединявшего р. Енисей с Карским морем и европейской частью России.

Новый этап после 1911 г.: возможности и упущения

После провозглашения независимости Монголии в 1911 г. и заключения Русско-монгольского соглашения 1912 г. (включая прилагаемый торговый протокол) для российских коммерсантов сложилась благоприятная конъюнктура на фоне сокращения объемов китайской торговли [Министерство... 1914]. Указанные документы создали максимально благоприятный режим для российской коммерческой деятельности, что обеспечило ее заметный рост. Для успешного ведения торговых операций требовались крупные складские помещения в основных центрах, откуда купцы могли бы осуществлять оптовые закупки и последующую реализацию товаров по хошунам.

В 1915 г. была сформирована Монгольская экспедиция под руководством известного исследователя Центральной Азии полковника П. К. Козлова. На него возлагалась задача по закупке и перегону скота из Монголии в Россию для снабжения действующей армии [Кроль 1919]. Основная цель экспедиции заключалась в максимальном выгоде скота, что должно было способствовать смягчению продовольственного кризиса в России, способы достижения этой цели рассматривались как второстепенные.

Подписание Кяхтинского тройственного соглашения в 1915 г. открыло китайским торговым кругам широкие возможности для наращивания объемов своей деятельности в Монголии. Несмотря на имевшиеся экономические преимущества у России, она не смогла в полной мере использовать благоприятную ситуацию для расширения собственного торгового влияния. Начавшаяся Первая мировая война требовала все больше ресурсов, в результате чего Россия оказалась не в состоянии в достаточной мере обеспечивать монгольский рынок товарами. В результате в Монголии возник товарный дефицит, чем воспользовались китайские коммерсанты. В 1915–1917 гг. на территории автономной Монголии возникло 70 новых китайских фирм, развернувших работу в Урге, Улясутае и Кобдо.

Культурно-гуманитарное влияние как проявление «мягкой силы»

Углубление русско-монгольского взаимодействия в торговой, экономической и культурной сферах закономерно привело к зарождению светского образования в Мон-

голии в начале XX столетия. В 1912 г. при Министерстве иностранных дел в Урге открылось первое светское русско-монгольское учебное заведение, целью которого была подготовка переводческих кадров для последующей работы в торговой и дипломатической сферах. Одним из основателей школы и ее первым педагогом выступил Цевен Жамцарано, ранее преподававший монгольский язык в Петербургском университете [Чимитдоржиев 1987: 193].

В том же году в местности Хужир-Булан (неподалеку от Урги) создана военная школа. Здесь монгольские цирики проходили обучение военному делу по европейским образцам под руководством российских инструкторов. Значительную роль в борьбе с инфекционными заболеваниями, в частности с чумой и оспой, сыграли российские медики и ветеринары А. П. Свечников, С. Цыбыктаров и др. Расширение контактов с Россией способствовало заметной активизации культурной жизни в Монголии, а также знакомству монгольского населения с достижениями современной культуры и техники. При содействии российского консульства в Монголии получило развитие печатное дело. В 1912 г. в Урге начали функционировать типография, где издавались журналы «Шинэ толь» (Новое зеркало) и «Нийслэл хурээний сонин бичиг» (Столичные известия) [Там же: 191].

Таким образом, в последнее десятилетие XIX в. наблюдался значительный рост русско-монгольского товарооборота, особенно по линии импорта из Монголии. При этом начиная с 1880-х гг. обозначилась устойчивая тенденция к превышению вывоза монгольского сырья над ввозом российских промышленных изделий. В целом торгово-экономическое взаимодействие России и Монголии в начале XX в. развивалось по восходящей траектории. Первая мировая война и последовавшие за ней революционные события в России привели к ослаблению политических и экономических позиций России в Монголии. Российское присутствие в регионе носило прогрессивный и взаимовыгодный характер, выступая своего рода «мягкой силой» в распространении русской культуры, образования и медицинских знаний. В целом торгово-экономическое взаимодействие России и Монголии в начале XX в. демонстрировало восходящую динамику.

Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Источники и литература

Российский государственный исторический архив (РГИА): ф. 23, оп. 18, д. 222; ф. 268, оп. 3, д. 1316.

Российская экспортная палата. Отчет Российской экспортной палаты. – Пг., 1914. – 112 с.

Министерство иностранных дел: сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. – СПб., 1914. – 82 с.

Беннигсен А. Б. Несколько данных о современной Монголии / А. Б. Беннигсен. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. – 102 с.

Боголепов М. И. Очерки русско-монгольской торговли / М. И. Боголепов. – Томск: Типолит. Сиб. т-ва печ. дела, 1911. – 498 с.

Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии / И. Я. Златкин; АН СССР. Ин-т востоковедения. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1957. – 300 с.

История Монгольской Народной Республики / под ред. Б. Г. Гафурова и др. – 3-е изд. – М.: Наука, 1983. – 601 с.

Кроль М. А. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг. / М. А. Кроль. – Харбин, 1919. – 50 с.

Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. – М.: ИДВ РАН, 2000. – 268 с.

Московская торговая экспедиция в Монголию. – М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. – 353 с.

Попов В. Л. Через Саяны и Монголию / В. Л. Попов. – Омск: Тип. Штаба Сиб. ВО, 1905. – 254 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев. – М.: Наука, 1987. – 239 с.

References

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA): f. 23, op. 18, d. 222; f. 268, op. 3, d. 1316.

Rossijskaya eksportnaya palata. Otchet Rossijskoj eksportnoj palaty. – Pg., 1914. – 112 s.

Ministerstvo inostrannyh del: sbornik diplomaticheskikh dokumentov po mongol'skomu voprosu. – SPb., 1914. – 82 s.

Bennigsen A. B. Neskol'ko dannyh o sovremennoj Mongolii / A. B. Bennigsen. – SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1912. – 102 s.

Bogolepov M. I. Oчерki russko-mongol'skoj trgovli / M. I. Bogolepov. – Tomsk: Tipo-lit. Sib. t-va pech. dela, 1911. – 498 s.

Zlatkin I. Ya. Oчерki novoj i novejshej istorii Mongolii / I. Ya. Zlatkin; AN SSSR. In-t vostokovedeniya. – M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1957. – 300 s.

Istoriya Mongol'skoj Narodnoj Respubliki / pod red. B. G. Gafurova i dr. – 3-e izd. – M.: Nauka, 1983. – 601 s.

Krol' M. A. Materialy k otchetu o deyatel'nosti s 1915 po 1918 gg. / M. A. Krol'. – Harbin, 1919. – 50 s.

Luzyanin S. G. Rossiya – Mongoliya – Kitaj v pervoj polovine XX v. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg. / S. G. Luzyanin. – M.: IDV RAN, 2000. – 268 s.

Moskovskaya trgovaya ekspediciya v Mongoliju. – M.: Tip. P. P. Ryabushinskogo, 1912. – 353 s.

Popov V. L. Cherez Sayany i Mongoliyu / V. L. Popov. – Омск: Тип. Штаба Сиб. ВО, 1905. – 254 с.

Chimitdorzhiev Sh. B. Rossiya i Mongoliya / Sh. B. Chimitdorzhiev. – М.: Наука, 1987. – 239 с.

УДК 930

ББК 63.2

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-99-102

Д. Эрдэнэбат

МОНГОЛО-БЕЛОРУССКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В 1950-е гг. (по материалам газеты «Үнэн»)

В статье рассматриваются экономические связи, особенно сотрудничество в аграрном секторе народного хозяйства между Монгольской Народной Республикой и Белорусской ССР в середине XX в. Эти тесные связи подтверждаются материалами периодической печати, особенно публикациями газеты «Үнэн», и другими источниками. Отмечается широкое использование белорусской техники, включая трактора «Беларусь», многотонных грузовиков «МАЗ» и «БелАЗ» в земледелии и горнорудной промышленности Монголии.

Ключевые слова: Минский автомобильный завод, трактор «Беларусь», освоение целины, земледелие, Монголия, Белорусская ССР.

D. Erdenebat

MONGOLIAN-BELORUSSIAN ECONOMIC RELATIONS IN THE 1950S: (Based on the Materials of the “Unen” Newspaper)

In the mid-20th century, economic relations between the Belarusian SSR and the Mongolian People's Republic expanded markedly, particularly in the agricultural sector. Archival documents, periodicals, and other sources attest to this growth. Of special significance were the “Belarus” tractors, as well as “MAZ” and “BelAZ” vehicles, which played a crucial role in advancing both farming and mining operations.

Keywords: Minsk Vehicle factory, tractor “Belarus”, use of virgin lands, agriculture, Mongolia, Republic of Belarus.

Советско-монгольские отношения в разных областях – предмет специального исследования монгольской и российской историографии [БНМАУ-ын түүх 1966; История... 1967]. В статье мы рассматриваем вопрос о становлении экономических связей промышленного и сельскохозяйственного секторов Белорусской ССР с сельскохозяйственным, промышленным и горнодобывающим секторами Монгольской Народной Республики. Поэтому наше внимание сосредоточилось на развитии автомобильных заводов в Республике Беларусь и росте земледельчества в Монголии.

Минский автомобильный завод (МАЗ) – первое крупное предприятие промышленности Белорусской ССР. Завод развивался благодаря непрерывному техническому прогрессу, совершенствованию технологий и повышению производительности труда. Производство тракторов увеличилось с 0,06 % в 1950 г. до 29,7 % в 1955 г., а сборка автомобилей – с 2,4 % в 1950 г. до 14,4 % в 1956 г. [БСЭ 1957].

Белорусская техника стала хорошо известна в Монголии. Ее легко узнавали по характерному логотипу на радиаторе – серебряному изображению антилопы.

Белорусские машины сыграли огромную роль в развитии сельскохозяйственного сектора Монголии, особенно в освоении целинных земель. Эта кампания охватила многие страны социалистического содружества. Так, водитель автомобиля З. Карпенко, работавший на Сталинградской гидроэлектростанции, в своем письме рабочим Минского автомобильного завода писал: «От рабочих великого строительства нашего времени выражаю искреннюю благодарность минским автопроизводителям за создание автомобиля грузоподъемностью 25 тонн» [«Үнэн» сонин 1953 № 98(5389)].

17 сентября 1950 г. в Минске открылась Республиканская промышленная выставка. Она вызвала большой интерес в Монголии, так как продемонстрировала новые

отрасли промышленности – автомобиле- и тракторостроение (Минский тракторный завод был введен в эксплуатацию в 1950 г.). На выставочной площадке были представлены изделия машиностроительного завода. Большое внимание публики привлекли изделия Гомельского сельскохозяйственного машиностроительного завода (Гомсельмаш), в т. ч. молотилки МК-1100, соломорезы и веревочно-чесальные машины [«Үнэн» сонин 1950 № 266 (4606)]. Одновременно с этим были представлены полировальные, скребковые машины, растяжные станки Витебского завода и автомобили Могилевского машиностроительного завода, а также различные машины и механизмы, изготовленные заводами Главного производственного управления. Они демонстрировали механизированную часть строительства: проволочные краны, шахтные подъемники и машины для обработки глины и извести в одной из выставочных зон.

В мае 1953 г. Минский тракторный завод выпустил новый колесный многоцелевой трактор «Беларусь» [Там же. 1953 № 125(5416)]. Он отличался от обычного внешним видом: его колеса были не с металлическими зубьями, как у обычного трактора, а из резины. Главное преимущество заключалось в том, что его можно было применять не только для посадки сельскохозяйственных культур, культивации земли и вспашки, но и для обработки почвы между рядами растений. Кроме того, трактор можно было использовать в качестве тяговой силы, так как он мог развивать скорость от 4,5 до 13 км/ч.

Он был оснащен дизельным двигателем мощностью 37 лошадиных сил и предназначался для работы на сельскохозяйственной навесной, полунавесной и прицепной технике. Завод стал выпускать трактор «Беларусь» в двух моделях: МТЗ-1 и МТЗ-2, которые различались конструкцией передних колес. В Монгольской Народной Республике трактора ДТ-54 и ГД-35 впервые появились в 1955 г. в сельскохозяйственных госхозах Зуунбурен и Баруунхараа Селенгинского аймака.

Значительная часть промышленной продукции, производимой для сельского хозяйства, выпускалась Минским тракторным заводом, писала газета «Үнэн» [Там же. № 278(5569)]. При этом завод продолжал наращивать производство, а его рационализаторы-технологи разработали множество новшеств, сгенерировав около 150 новых идей по улучшению продукта, продемонстрировав их на практике.

МАЗ оказывал значительную помощь сельскому хозяйству как в СССР, так и в МНР, а его автомобили МАЗ-200 и МАЗ-205 и самосвалы широко использовались труженниками сельского хозяйства двух стран. В середине 1950-х гг. завод начал испытания новых машин и производство легких и средних тракторов и прицепов грузоподъемностью 2, 4 и 6 т [Там же. № 279(5570)]. Эти прицепы были предназначены для перевозки сельскохозяйственной продукции, а их кузова спроектированы таким образом, чтобы самостоятельно разгружать груз.

После успешных испытаний в августе 1954 г. Минский автомобильный завод начал серийное производство трактора «Беларусь» для обработки хлопка, подсолнечника, кукурузы и сахарной свеклы, а также высокорослых и низкостебельных сельскохозяйственных культур [Там же. 1954 № 184(5781)]. Белорусские тракторы с каждым годом находили все более широкое применение в сельском хозяйстве Монголии. Однако при вспашке и обработке влажной почвы ранней весной или осенью выявлялись существенные недостатки: их резиновые шины часто буксовали. Для решения этой проблемы Минским тракторным заводом был разработан специальный стальной инструмент зубчатого типа с прорезью, где к каждому ведущему колесу было прикреплено 10 таких креплений [Там же. 1956 № 83(6298)]. Это позволяло устанавливать или снимать навесное оборудование. Инструмент был испытан и показал себя столь же успешным в вспашке влажной земли, как и гусеничный трактор. Минский завод также разработал модель 7,5-тонного грузовика, способного двигаться со скоростью 75 км/ч. К концу 1956 г. производство тракторов увеличилось на 40,6 %, а зерноуборочных комбайнов – на 7,9 % [БСЭ 1957].

Важное событие, связанное с отношениями между Монголией и Белорусской ССР, произошло в Минске 19 апреля 1960 г. Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ж. Самбу посетил Минский тракторный завод. Рабочие завода тепло

встретили Ж. Самбу и представителей Монголии и подарили им модель трактора «Беларусь». В ответ Ж. Самбу вручил представителям завода портрет Сухэ-Батора – руководителя Монгольской народной революции и красный флаг со словами: «Мы чтим и благословляем дружбу монгольских и советских братьев [«Үнэн» сонин 1960 № 95(7537)].

Приветствуя монгольских гостей, белорусские руководители отметили: «Уважаемые гости и друзья, находясь в Минске, вы стали свидетелями мужественного труда нашего народа. Трудящиеся нашей Республики добились замечательных успехов в реализации исторических решений XXI съезда КПСС, в развитии экономики, науки культуры, а также в повышении материального благосостояния народа» [Там же].

В ответной речи Ж. Самбу подчеркнул: «Благодаря теплому приему жителей Минска за время нашего короткого пребывания в вашей замечательной Республике мы смогли лучше познакомиться с братским белорусским народом, его славными трудами и достижениями. Мы посетили Минский тракторный завод, видели беспрецедентное развитие Советской Белоруссии и удивительные результаты самоотверженного труда ее героического народа» [Там же].

В 1960 г. завод выпустил самозагружающийся грузовик грузоподъемностью 40 т и мощностью двигателя 150 лошадиных сил [Там же. 1961 № 6(7758)]. Он был разработан для использования в суровых климатических условиях, таких как северные регионы Советского Союза и Сибири, и оснащен специальными водо- и маслонагревательными устройствами и множеством других новых функций, облегчающих работу водителя грузовика. С 1975 г. машина «БелАЗ» стала использоваться в горнодобывающей промышленности Монголии.

Сотни специалистов в области сельского хозяйства из Советского Союза с энтузиазмом участвовали в процессе освоения целинных земель в Монголии. В связи с непрерывным расширением сельскохозяйственных угодий парк тракторов госхозов Монголии утроился: получили широкое распространение мощные дизельные тракторы, которые активно использовались в механизации сельского хозяйства и освоении пахотных земель в МНР.

По состоянию на 1961 г. среди семи марок тракторов, используемых в сельскохозяйственных механизированных станциях МНР, преобладали гусеничный трактор ДТ-54 и колесный «Беларусь». Однако на колесные тракторы приходилось около 25 % тракторного парка, в то время 0,9-тонные тракторы МТЗ-5 М и МТЗ-5 Л «Беларусь» с двигателями мощностью 35–40 лошадиных сил широко использовались в госхозах Монгольской Народной Республики.

В 1960-е гг. в сельском хозяйстве СССР широко внедрялась мощная и более скоростная техника. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1960 г. в стране в пересчете на 15 лошадиных сил в эксплуатации находилось более 2 млн тракторов, 600 тыс. комбайнов, 750 тыс. грузовиков, а весной 1959 г. только в целинных областях работало 100 тыс. тракторов. При этом использовалось большое количество новой сельскохозяйственной техники и оборудования, в т. ч. гусеничный трактор Т-75 мощностью 75 лошадиных сил, колесный трактор «Беларусь» мощностью 48 лошадиных сил, используемый для 8 видов сельскохозяйственных работ, и комбайн СК-3 мощностью 65 лошадиных сил, которые использовались для посева семян зерновых и многолетних растений [Там же. № 206(7958)].

В начале 1970-х гг. Белорусский автомобильный завод начал производство 110-тонного самосвала БелАЗ-7520, который получил внедрение в горнодобывающей промышленности Монголии. А когда мощные грузовики марки «БелАЗ» начали применяться на горнообогатительном комбинате и угольных разрезах Налайх, Багануур и Шарын гол, наше сотрудничество вышло на более высокий уровень взаимоотношений.

Новый этап сотрудничества Монголии и Белорусской ССР начался в сельскохозяйственном секторе в середине XX в. Именно в период социалистического строительства всестороннее сотрудничество между ними значительно расширилось. Периодическая печать МНР и особенно центральный орган ЦК МНРП и Совета министров Монгольской Народной Республики газета «Үнэн» широко освещали развитие экономических

взаимоотношений между МНР и Белорусской ССР в 1950-е гг. Особый интерес представляет освещение применения трактора «Беларусь», а также автомобилей «МАЗ» и «БелАЗ», которые широко использовались в сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности Монгольской Народной Республики.

Источники и литература

История Монгольской Народной Республики / гл. ред.: Е. М. Жуков и др.; АН СССР, АН МНР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1967. – 537 с.

Мартинкевич Ф. С. Белорусская ССР / Ф. С. Мартинкевич, Н. Т. Романова, И. И. Трухин // Большая советская энциклопедия. Т. 50: Белорусская ССР. – М.: Полиграфкомбинат, 1957. – С. 657–600.

«Үнэн» сонин. (Газета «Үнэн»). – 1950. – № 266(4606). – 27 сент.; 1953. – № 125(5416). – 29 мая; № 278(5569). – 26 нояб.; № 279(5570). – 28 нояб.; 1954. – № 184(5781). – 5 авг.; 1956. – № 83(6298). – 4 июня; 1960. – № 95(7537). – 21 апр.; 1961. – № 6(7758). – 7 янв.; № 206(7958). – 4 авг.

БНМАУ-ын түүх. – Нэмж зассан 2 дахь хэвлэл. – Улаанбаатар: ШУА-ийн хэвлэл, 1966. – 566 х.

References

Istoriya Mongol'skoj Narodnoj Respubliki / gl. red.: E. M. Zhukov i dr.; AN SSSR, AN MNR. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Nauka, 1967. – 537 s.

Martinkevich F. S. Belorusskaya SSR / F. S. Martinkevich, N. T. Romanova, I. I. Truhin // Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. T. 50: Belorusskaya SSR. – M.: Poligrafkombinat, 1957. – S. 657–600.

«Ynen» sonin. (Gazeta «Ynen»). – 1950. – № 266(4606). – 27 sent.; 1953. – № 125(5416). – 29 maya; № 278(5569). – 26 noyab.; № 279(5570). – 28 noyab.; 1954. – № 184(5781). – 5 avg.; 1956. – № 83(6298). – 4 iyunya; 1960. – № 95(7537). – 21 apr.; 1961. – № 6(7758). – 7 yanv.; № 206(7958). – 4 avg.

BNMAU-yn tyyh. – Nemzh zassan 2 dah' hevlel. – Ulaanbaatar: ShUA-ijn hevlel, 1966. – 566 h.

УДК 323(517.3)

ББК 6/8

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-103-108

Ю. Г. Григорьева

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ МОНГОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

В статье анализируются особенности протестной активности монгольской молодежи в постсоциалистический период. Исследование направлено на выявление ключевых факторов, определяющих участие молодежи в протестных движениях, а также на характеристику изменений форм политической мобилизации в условиях социально-экономической трансформации и цифровизации общественно-политической сферы. Показано, что молодежь Монголии выступает значимым субъектом политического процесса, отличающимся высокой степенью вовлеченности в протестные практики. Ее активность обусловлена демографической структурой, уровнем образования, социально-экономическими ограничениями и слабой эффективностью институционализированных каналов политического участия. Существенную роль в трансформации протестной активности играют цифровые платформы, обеспечивающие новые механизмы коммуникации, мобилизации и координации коллективных действий.

Ключевые слова: Монголия, молодежь, политическое участие, протесты, цифровая активность.

Yu. G. Grigoreva

BRIEF DESCRIPTION OF PROTEST ACTIVITY OF THE MONGOLIAN YOUTH IN THE POST-SOCIALIST PERIOD

This article analyzes the characteristics of the Mongolian youth protest activity in the post-socialist period. The study aims to identify key factors determining youth participation in protest movements and to characterize changes in the forms of political mobilization under the influence of socioeconomic transformation and the digitalization of the socio-political sphere. It is shown that the Mongolian youth are significant actors in the political process, characterized by a high degree of engagement in protest practices. Their activity is shaped by the demographic structure of society, educational attainment, socioeconomic constraints, and the limited effectiveness of institutionalized channels of political participation. Digital platforms play a significant role in the transformation of protest activity, providing new mechanisms for communication, mobilization, and coordination of collective action.

Keywords: Mongolia, youth, political participation, protests, digital activism.

Постсоциалистический этап развития Монголия характеризуется значительными социально-политическими, культурно-образовательными и демографическими изменениями. Демографическая динамика влияет не только на внутреннюю стабильность и экономическое развитие, но и формирует внешнюю политику страны, особенно в контексте геополитической конкуренции между крупными державами.

В условиях острой внешнеполитической конкуренции и политической нестабильности молодое поколение Монголии выступает в роли своего рода «социального барометра» этих процессов. Молодежь весьма восприимчива к новым веяниям, в силу возраста ей характерны максимализм и определенная требовательность. Их взгляды и ценности отражают не только внутренние процессы модернизации, но и влияние внешних культурных и экономических моделей.

ГРИГОРЬЕВА Юлия Геннадьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: grigoreva-yulia23@mail.ru.

Молодые люди находятся в авангарде политических изменений во многих странах мира. Процесс демократизации в странах Южной Европы в конце 1970-х – начале 1980-х гг. был инициирован студенческими лидерами и политическими активистами. В конечном счете это привело к процессам демократизации в Испании, Португалии и Греции. Молодежь стала движущей силой «цветных» революций, произошедших в Грузии («революция роз» 2003 г.), на Украине («оранжевая» 2004 г.), Кыргызстане («тюльпановая» 2005 г.). Аналогичные события происходили и в остальном мире. Так, во время «арабской весны» 2011 г. прошла массовая волна молодежных протестов, которая привела к значительным политическим изменениям. Молодые тунисцы сыграли решающую роль в революции, движимые чувством собственной силы и стремлением к демократическим реформам. Этот процесс привел к принятию новой конституции, а также к проведению свободных выборов.

Актуальность изучения протестной деятельности монгольской молодежи для России обусловлена несколькими факторами. Во-первых, Монголия – ближайший сосед России и важный партнер в сфере безопасности, экономического и гуманитарного сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Изменения в ценностных ориентациях и политической активности монгольской молодежи напрямую влияют на внутреннюю стабильность страны и, следовательно, на характер ее внешней политики. Во-вторых, анализ форм и мотивов политического участия монгольской молодежи позволяет России лучше понять трансформацию общественного сознания в постсоциалистических обществах, подверженных влиянию глобализации, цифровых технологий и внешних культурных и политических моделей. Эти знания важны для разработки эффективной политики «мягкой силы», развития образовательных, культурных и научных обменов, а также для формирования устойчивого позитивного имиджа России в глазах нового поколения монгольских граждан.

Существенный вклад в анализ политического участия монгольской молодежи внесли российские и монгольские ученые [Дагбаев, Актамов 2017; Железняков, Литвинова, Цэцэнбилэг 2015; Актамов, Бадмацзыренов 2015; Хатанболд 2024; Шкурова, Новицкий, Цэцэнбилэг 2024; Badnaa 2024; Enkhchimeg 2024]. Однако изучение протестной активности остается малоисследованной темой.

Монголия – довольно молодое государство по показателям среднего возраста. Молодежь страны, определяемая как лица в возрасте 15–34 лет, составляет значительную часть демографической структуры страны, представляя около 35 % от общей численности населения, по состоянию на 2024 г. [Национальный комитет...]. Значительная диспропорция наблюдается по территориальному расселению – 44 % из числа молодежи проживает в столице, 51,5 % – в пригородах и 4,5 % – за границей. 44,5 % молодых людей включены в состав рабочей силы страны, занимая значительную долю в различных секторах экономики [Youth Situation Analysis Report 2025].

Уровень грамотности населения Монголии в 2020 г. составил 99 % всех жителей в возрасте старше 15 лет. Валовый охват высшим образованием в Монголии останется стабильным на уровне около 63–66 % в период с 2022 по 2024 г., превышая среднемировой показатель и сопоставимый с показателями ряда постсоциалистических и развивающихся стран [Уровень грамотности в Монголии...].

Связь между образованием и участием в политической жизни является важным параметром. Более высокий уровень образования связан со степенью политической осведомленности, политическим участием, в том числе в выборах, и активной гражданской позицией. Результаты исследований показывают, что молодежь, получившая степень бакалавра, с большей вероятностью будет участвовать в политической и гражданской деятельности, чем те, у кого есть только среднее или профессиональное образование. Молодежь с высшим образованием продемонстрировала более высокую способность вникать в политические вопросы и проявлять гражданскую активность, что повышает вероятность их участия в голосовании или общественно-политических мероприятиях.

В современных политических процессах молодежь Монголии выступает одной из наиболее активных социальных групп, вовлеченных в протестные движения. Это обусловлено как демографическими факторами (высокая доля молодого населения,

уровень образования), так и социальным положением молодежи, часто сталкивающейся с ограниченными возможностями социального роста, занятости и политического участия. В условиях трансформации политических институтов именно молодежь – носитель запроса на изменения, выходящего за рамки формальных каналов участия.

Протестная активность молодежи Монголии тесно связана с особенностями реализации государственной молодежной политики и отражает системные ограничения ее институционального развития. Несмотря на декларативное признание молодежи приоритетной социальной группой, проводимая политика характеризуется фрагментарностью, слабой координацией и ограниченной ориентацией на реальные социально-экономические и политические потребности молодого поколения. В таких условиях протест – важный канал выражения интересов молодежи и форма компенсации за отсутствие институциональных механизмов участия.

Протестная деятельность молодежи в Монголии носит устойчивый характер и проявляется в разные исторические периоды, отражая меняющиеся социально-экономические и политические приоритеты молодого поколения.

Знаковой вехой стали события 1989–1990 гг., спровоцировавшие разрушение социалистической системы. Студенты, молодые интеллектуалы и творческая молодежь сыграли ключевую роль в протестном движении, организуя митинги, голодовки и публичные акции в Улан-Баторе. Демократическая революция 1990 г. привела к формированию коалиционного правительства, состоящего из бывшей правящей политической силы – Монгольской народно-революционной партии, а также отдельных представителей демократического движения. Принятие в 1992 г. новой конституции, закрепившей народный суверенитет, многопартийные выборы и права человека окончательно утвердили молодежь в статусе важного политического актора.

Парламентские выборы 2008 г. сопровождались масштабными волнениями, которые переросли в протесты и массовые беспорядки. Существенную часть участников этих протестов составляла молодежь, которая выражала свое недовольство предполагаемыми фальсификациями избирательного процесса и отсутствием прозрачности процедуры выборов. Протесты, вспыхнувшие 1 июля 2008 г., явились одними из самых острых политических столкновений в современной истории страны. Эти события выявили нестабильность политической архитектуры и низкую эффективность креативных каналов коммуникации между государственными чиновниками и молодежью.

В 2018–2019 гг. в Монголии прошла очередная серия массовых протестов, вызванных крупными коррупционными скандалами и общим ухудшением социально-экономического положения населения. Молодежь активно участвовала в митингах, общественных кампаниях и онлайн-инициативах, требуя отставки политических лидеров и реформы системы управления. Они носили преимущественно мирный характер и имели высокую степень самоорганизации, демонстрируя растущую политическую зрелость молодежи и использование ею новых форм гражданской мобильности.

Другим примером молодежного политического активизма последних лет стали протесты 2022 г., вызванные коррупционным скандалом в угольной промышленности страны. Молодые люди активно участвовали в массовых протестах в центре Улан-Батора, используя социальные сети для координации своих действий и распространения информации. Протест характеризовался выраженной антикоррупционной направленностью и требованиями подотчетности правительства и социальной справедливости. Этот случай демонстрирует трансформацию молодежных протестов в сторону прагматичной и институционально ориентированной повестки дня.

Роль социальных сетей в оказании влияния на участие молодежи в политической жизни становится все более значимой в современном политическом ландшафте. Это обстоятельство отличает данную возрастную группу от других.

Социальные сети – неотъемлемая часть жизни молодежи. Согласно данным, большинство молодых людей используют их для развлечения, общения и обмена информацией [Khatanbold, Tserennadmid 2018: 245]. Характер и содержание получаемой информации отличаются в зависимости от возраста. Молодые люди 16–24 лет в основном интересуются материалами, связанными с самопознанием, личностным развитием, красотой и здоровьем, а также научными темами, в то время как респонденты 25–34 лет чаще

интересуются информацией о текущей ситуации в стране, политике, законодательстве, экономике и международных делах [Khatanbold, Tserennadmid 2018: 248].

Исследования показывают, что электронные СМИ и социальные сети сильно влияют на политические взгляды и активность молодежи [Tahir 2019: 8]. Например, результаты исследований М. Шехзада доказывают тесную связь между активностью в социальных сетях и политическими убеждениями [Shehzad, Ali, Shah 2021: 53]. Кроме того, социальные сети стимулируют политическую мобильность и активизм. Исследования Д. Синьюэ показывают, что социальные сети сыграли решающую роль в содействии политической мобильности, предоставляя платформу для общения и организации протестующих [Xinyue 2023: 12].

Цифровая трансформация Монголии за последнее десятилетие коренным образом изменила ее общественный ландшафт. К началу 2025 г. почти $\frac{3}{4}$ граждан активно использовали социальные сети, которые стали основной ареной политической коммуникации.

Цифровые платформы выполняют мобилизационную функцию, обеспечивая быстрое распространение информации и координацию коллективных действий. В Монголии социальные сети неоднократно становились инструментом организации общественных кампаний и протестных акций.

Молодежное протестное движение «Делай свою работу», появившееся в Монголии в апреле 2022 г., стало значимой силой, направленной против коррупции, инфляции и неэффективного государственного управления. Тысячи молодых людей вышли на площадь Сухэ-Батора. Активисты вели непрерывные Facebook Live* трансляции с места событий. Когда в апреле 2022 г. полиция проводила задержания, кадры мгновенно разлетелись по сети. Благодаря онлайн-резонансу премьер-министр был вынужден созвать внеочередную сессию парламента для обсуждения требований молодежи. Демонстрации на площади Сухэ-Батора быстро переросли в масштабную онлайн-кампанию под одноименным хештэгом.

Движение «Легко уйти в отставку» стало заметным в Instagram* в 2025 г. Аккаунт в социальной сети набрал почти 60 тыс. подписчиков и запустил петицию, подписанную более чем 80 тыс. чел.

Кульминацией стала отставка премьер-министра Лувсаннамсрайн Оюун-Эрдэнэ в мае 2025 г. на фоне так называемого скандала с сумкой Gucci. Фотография родственницы премьер-министра с роскошной сумочкой появилась в Instagram* и быстро распространилась в сети. Это вызвало общественное возмущение по поводу несправедливого финансового положения правительства и лицемерия. В течение нескольких часов ленты Facebook* заполнили хештэги, такие как #GucciGovernment. Скандал стал настолько масштабным, что в итоге привел к отставке премьер-министра. Скандал стал проявлением законных требований справедливого распределения ресурсов на фоне значительного неравенства в доходах, а также подчеркнул значимость цифровых инструментов в реализации политических целей. Появилась информация об использовании оппозиционными силами ситуации и тайном финансировании некоторых протестных групп. Общественные движения в информационном пространстве Монголии представляют собой новую форму политической активности молодежи, основанную на цифровой инфраструктуре коммуникации. Они характеризуются децентрализацией, высокой скоростью мобильности и гибридным характером участия. В долгосрочной перспективе устойчивость таких движений будет зависеть от способности трансформировать сетевую мобилизацию в институционально закрепленные формы участия.

Существенным фактором роста протестной активности является несоответствие приоритетов государственной молодежной политики текущей актуальной повестке. Официальные программы в основном сосредоточены на вопросах патриотического воспитания, волонтерства и официальной занятости. В то время как молодежные протесты сосредоточены на вопросах коррупции, социального неравенства, экологической безопасности, доступа к образованию и жилью, а также справедливого распределения доходов от горнодобывающего сектора. Это несоответствие усиливает отчуждение молодежи от государства и способствует воспроизводству протестных настроений.

* Здесь и далее символом отмечены экстремистские организации, деятельность которых запрещена на территории РФ.

Дополнительным элементом является практика выборочной инкорпорации молодежи, при которой государство взаимодействует в первую очередь с политически лояльными молодежными организациями. Критически настроенные и протестно ориентированные группы исключаются из диалога, что способствует их самоорганизации вне институциональных рамок и консолидации протестных форм участия. В долгосрочной перспективе такая модель не снимает социальную напряженность, а аккумулирует ее.

В этих условиях неинституциональные и гибридные формы активизма, в частности протестные движения и онлайн-политические кампании, приобретают особое значение. Монгольская молодежь активно использует цифровые платформы для формулирования требований и общественного контроля, о чем свидетельствуют как исторические примеры (протесты 1989–1990 гг. и 2008 г.), так и события последнего десятилетия, включая антикоррупционные кампании и массовые протесты 2022–2023 гг. Цифровая среда стала ареной политического участия, компенсирующей ограничения традиционных каналов влияния на принятие решений.

Опыт Монголии демонстрирует, что молодежь служит не только индикатором социальных напряжений, но и источником инновационных форм политического участия. Для России изучение политической активности монгольской молодежи имеет особое значение, поскольку позволяет глубже понять динамику общественных настроений в соседнем государстве, специфику формирования многовекторной внешней политики и роль цифровых технологий в трансформации политического поведения молодого поколения.

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда (проект «Монгольская молодежь в политических процессах в условиях глобальной нестабильности») № 25-78-00186.

Источники и литература

Национальный комитет статистики Монголии: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.1212.mn/> (дата обращения: 10.02.2026).

Уровень грамотности в Монголии [Электронный ресурс] // Статистическая база данных Statbase.ru. – Режим доступа: statbase.ru (дата обращения: 02.05.2026).

Актамов И. Г. Монгольская молодежь и политика: виртуальное измерение национальной безопасности / И. Г. Актамов, Т. Б. Бадмацзыренов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 8. – С. 85–88.

Дагбаев Э. Д. Студенческая молодежь Монголии: чему и как учиться? / Э. Д. Дагбаев, И. Г. Актамов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2017. – № 2(41). – С. 52–59.

Дагбаев Э. Д. Ценностные ориентации и установки современной молодежи Монголии / Э. Д. Дагбаев, И. Г. Актамов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 73–80.

Железняков А. С. Политическое участие молодежи в трансформирующихся обществах / А. С. Железняков, Т. Н. Литвинова, Ц. Цэцэнбилэг // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 104–110.

Шкурова Е. В. Особенности цифровых практик молодежи в Беларуси и Монголии / Е. В. Шкурова, Е. Н. Новицкий, Ц. Цэцэнбилэг // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2024. – № 2. – С. 58–67.

Хатанболд О. Цахимжилтын нөхцөл дэх Монгол, Беларусийн залуучуудын нийгмийн эрдсэл / О. Хатанболд. – Улаанбаатар: Тод бичиг, 2024. – 278 х.

Badnaa A. Objectives and Plans for Life for Young People in the Digital Age / A. Badnaa // Studia Philosophiae Et Juris. – 2024. – No. 48(39). – P. 173–184.

Enkhchimeg B. E-Use and Information Channels for Young People in Mongolia / B. Enkhchimeg // Oriental Vector: History, Society, State. – 2024. – No. 2. – P. 21–27.

Hudia R. Students' Perceptions of the Use of Instagram Social Media as One of Generation Z's Political Education Facilities / R. Hudia, I. Affandi // Proceedings of the Annual Civic Education Conference. – 2022. – Vol. 636. – P. 314–320.

Khatabbold O. Mongolian Rural Youth Participation in the Politics: Research Comparative Analysis for Age Group for 18–45 / O. Khatabbold, Ch. Tserennadmid // Sociology and Anthropology. – 2018. – Vol. 6. – No. 11. – P. 821–832.

Shehzad M. Relationship Among Social Media Uses, Internet Mediation and Political Participation in Pakistan / M. Shehzad, A. Ali, S. Shah // *Humanities & Social Sciences Reviews*. – 2021. – Vol. 9, No. 2. – P. 43–53.

Tahir M. Social media information benefits, knowledge management and smart organizations / M. Tahir // *Journal of Business Research*. – 2019. – Vol. 94. – P. 264–272.

Xinyue D. Social Media as a Tool for Political Mobilization: A Case Study of the 2020 Hong Kong Protests / D. Xinyue // *Journal of Public Representative and Society Provision*. – 2023. – Vol. 3. – No. 1. – P. 10–20.

Youth Situation Analysis Report 2025 / United Nations Population Fund (UNFPA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: UNFPA_Youth%20Situation%20Analysis%20Report%202025.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

References

Nacional'nyj komitet statistiki Mongolii: oficial'nyj sayt [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.1212.mn/> (data obrashcheniya: 10.02.2026).

Uroven' gramotnosti v Mongolii [Elektronnyj resurs] // Statisticheskaya baza dannyh Statbase.ru. – Rezhim dostupa: statbase.ru (data obrashcheniya: 02.05.2026).

Aktamov I. G. Mongol'skaya molodezh' i politika: virtual'noe izmerenie nacional'noj bezopasnosti / I. G. Aktamov, T. B. Badmacyrenov // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2015. – № 8. – S. 85–88.

Dagbaev E. D. Studencheskaya molodezh' Mongolii: chemu i kak učit'sya? / E. D. Dagbaev, I. G. Aktamov // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. – 2017. – № 2(41). – S. 52–59.

Dagbaev E. D. Cennostnye orientacii i ustanovki sovremennoj molodezhi Mongolii / E. D. Dagbaev, I. G. Aktamov // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2017. – № 2. – S. 73–80.

Zheleznyakov A. S. Politicheskoe uchastie molodezhi v transformiruyushchihsya obshchestvah / A. S. Zheleznyakov, T. N. Litvinova, C. Cecenbileg // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. – 2015. – № 19. – S. 104–110.

Shkurova E. V. Osobennosti cifrovyyh praktik molodezhi v Belarusi i Mongolii / E. V. Shkurova, E. N. Novickij, C. Cecenbileg // *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya*. – 2024. – № 2. – S. 58–67.

Hatanbold O. Cahimzhiltyn nөhцөл dekh Mongol, Belarusijn залуучуудын нийгмийн ерсдөл / O. Hatanbold. – Ulaanbaatar: Tod bichig, 2024. – 278 h.

Badnaa A. Objectives and Plans for Life for Young People in the Digital Age / A. Badnaa // *Studia Philosophiae Et Juris*. – 2024. – No. 48(39). – P. 173–184.

Enkhchimeg B. E-Use and Information Channels for Young People in Mongolia / B. Enkhchimeg // *Oriental Vector: History, Society, State*. – 2024. – No. 2. – P. 21–27.

Hudia R. Students' Perceptions of the Use of Instagram Social Media as One of Generation Z's Political Education Facilities / R. Hudia, I. Affandi // *Proceedings of the Annual Civic Education Conference*. – 2022. – Vol. 636. – P. 314–320.

Khatanbold O. Mongolian Rural Youth Participation in the Politics: Research Comparative Analysis for Age Group for 18–45 / O. Khatanbold, Ch. Tserennadmid // *Sociology and Anthropology*. – 2018. – Vol. 6. – No. 11. – P. 821–832.

Shehzad M. Relationship Among Social Media Uses, Internet Mediation and Political Participation in Pakistan / M. Shehzad, A. Ali, S. Shah // *Humanities & Social Sciences Reviews*. – 2021. – Vol. 9, No. 2. – P. 43–53.

Tahir M. Social media information benefits, knowledge management and smart organizations / M. Tahir // *Journal of Business Research*. – 2019. – Vol. 94. – P. 264–272.

Xinyue D. Social Media as a Tool for Political Mobilization: A Case Study of the 2020 Hong Kong Protests / D. Xinyue // *Journal of Public Representative and Society Provision*. – 2023. – Vol. 3. – No. 1. – P. 10–20.

Youth Situation Analysis Report 2025 / United Nations Population Fund (UNFPA) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: UNFPA_Youth%20Situation%20Analysis%20Report%202025.pdf (data obrashcheniya: 10.02.2026).

УДК 294.3

ББК 86.35-2

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-109-114

С. Р. Батомункуева

МАХАКАЛЫ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА
В СОЧИНЕНИИ ТАРАНАТХИ
«ДРАГОЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК САДХАН ОКЕАНА ИДАМОВ»

В статье рассматривается вторая часть ритуалистического сборника «Драгоценный источник садхан океана идамов» Таранатхи, значительное место в которой занимают тексты садхан, посвященные Махакалам. На основе анализа источника представлена вариативность божества – выделены его различные формы, отмечены некоторые функциональные особенности.

Ключевые слова: буддийские тексты, садхана, буддийский ритуал, Таранатха, буддийские божества, Махакала, Гонпо, защитник учения, дхармапала.

S. R. Batomunkueva

MAHAKALAS OF TIBETAN BUDDHISM IN TARANATHA'S
"THE PRECIOUS SOURCE OF SADHANAS OF THE OCEAN
OF YIDAMS" WORK

This article examines the second part of Taranatha's ritualistic work "The Precious Source of Sadhanas of the Ocean of Yidams" which contains sadhana texts dedicated to the Mahakalas. Based on an analysis of the source, the deity's variability is presented, highlighting its various forms and noting certain functional characteristics.

Keywords: Buddhist texts, sadhana, Buddhist ritual, Taranatha, Buddhist deities, Mahakala, Gonpo, Dharma protector, dharmapala.

Распространение буддизма в Тибете и сопредельных регионах обусловило создание обширного корпуса религиозной литературы, включающей в себя ритуально-культовые тексты. Особое место среди них занимают тексты садхан, представляющих своего рода инструкцию по почитанию, практике и реализации отдельного божества. Несмотря на свое культовое предназначение, подобные тексты представляют собой важную составляющую в изучении буддийских божеств. Из известных нам исследований, в которых рассматриваются подобные сборники, следует отметить работы Р. Небески-Войковица [Nebesky-Wojkovitz 1993], Л. Чандры [Chandra 1961], У. Кларка [Clark 1937], Ф. Петера [Peter 1943] и др.

К числу таких сборников относится и сочинение «Драгоценный источник садхан океана идамов» (тиб. *yi dam rgya mtsho'i sgrub thabs rin chen 'byung gnas zhes bya ba bzugs so*) [I] (далее – «Драгоценный источник...») [ЦВРК ИМБТ СО РАН. № 12] Джецуна Кунга Ньингпо (1575–1634), более известного как Таранатха. Несмотря на то что данный компендиум достаточно широко известен как в среде практикующих буддизм, так и научных кругах, и существуют научные изыскания отдельных текстов сборника, тем не менее он не становился предметом специального исследования [II].

«Драгоценный источник...» был составлен Таранатхой в период с 1606 по 1608 г. и входит в состав его сумбума – собрания сочинений. Сборник состоит из двух частей, суммарно включающих 263 текста, посвященных разным божествам. Если вкратце представить содержание первой части, она состоит из 199 садхан, посвященных разным видам богини Тары, формам Татхагат, Авалокитешвары, Ваджрапани, Хаягривы, группе основных божеств Аннута-йога тантры, божествам класса Ваджрайогини

БАТОМУНКУЕВА Соелма Ринчиновна – кандидат философских наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: soelmul@mail.ru.

и т. д. В отдельную группу собраны садханы божеств, покровительствующих мудрости, долголетию, здоровью и т. д. [ЦВРК ИМБ СО РАН. № 12].

Выбор второй части сочинения для исследования обусловлен ее большой содержательностью и значимостью в контексте исследования культа Махакалы в тибетском буддизме – божества, занимающего центральные позиции во всех его направлениях. Из 64 садхан второй части «Драгоценного источника...» Махакалам посвящены 44 текста, остальные относятся к разным формам Палден Лхамо, группа Шиндже, 4 Махараджи, 5 дакинь, Ситипати, группа божеств долгой жизни Церингма.

Разнообразие текстов, посвященных Махакале, которые представлены в «Драгоценном источнике...», связано не только с внешними характеристиками отдельной формы, но и с принадлежностью к определенной школе или традиции, берущим начало от выдающихся учителей, махасиддхов и авторитетных лоцев (переводчиков). К примеру, садханы Четырехрукого Махакалы в традициях: махасиддха Шантигупты, Гало; садханы Махакалы-Тракте в традиции Атиши, Дакпо и т. д. Тексты отличаются и по объему: краткие, средние и пространные садханы, что обусловлено разным уровнем подготовки практикующих. Как правило, обширные садханы, предназначенные для начинающих адептов, детально прописывают все шаги от начала и до завершения и практики: последовательность действий, правильную визуализацию, положение тела, выполнение мудр, или жестов, произношение мантр и т. д. Тексты среднего размера предназначены для практиков среднего уровня, а краткие или сокращенные – для практиков высокого уровня, которые имеют уже достаточный опыт и знания.

В «Драгоценном источнике...» сообщается, что основой для написания работы послужили тексты из других более ранних сборников: «Сто корней», или «Сто садхан» (санскр. *Sādhanaśataka*, тиб. *sgrub thabs brgya tsha*), «Океан садхан» (санскр. *Sādhanaśāgara*, тиб. *sgrub thabs rgya mtsho*), а также тексты из разных тантр [Там же. Л. 2b–3b]. Иными словами, сборник Таранатхи был скомпилирован из текстов и их отдельных частей, содержащихся в указанных работах.

Необходимо отметить, что, несмотря на то что мы называем отдельные тексты в сочинении Таранатхи садханами, некоторые из них также включают в себя и тексты, которые могут функционировать в качестве самостоятельных: благословение (тиб. *byin rlabs*), разрешение на практику (тиб. *rjes gnang*), подношение торма (тиб. *gtor ma*), подношение ритуального напитка (тиб. *gser skyems*) и т. д. К примеру, пространный текст Быстродействующему Шестирукому Махакале организован следующим образом: вводная часть – поклонение и обращение к Махакале; подготовка необходимых ритуальных принадлежностей и ритуального пространства; визуализация божества, его свиты и окружения; приглашение; освящение внутреннего подношения; почитание Учителей и просьба о даровании благословения; раскаяние; освящение жертвенных подношений; ритуал умиротствления; подношение Махакале его основных атрибутов; призыв к действию; отбрасывание дурного; рецитация мантры Махакалы и мантр членов его свиты; подношение торма Махакале и членам его свиты, внешнее и внутреннее подношения; подношение торма шибдакам (хозяевам местности); восхваление Махакалы и его свиты; восхваление 75 хранителей Чистых земель; благословение; просьба о снисходительном отношении; посвящение заслуг; призывание счастья; колофон (заключительная часть) [Батомункева 2021a: 572].

В исследуемом источнике под Махакалой подразумевается не отдельное божество, а целый класс божеств, специализирующихся на защите и покровительстве как ментального, физического, так и материального благосостояния и благополучия, в связи с чем в именах божеств данной категории присутствует тибетское слово *гонпо* – защитник, покровитель. К слову, именно последнее способствовало распространению ошибочного мнения о 75 основных формах Махакалы, которое связано с группой божеств, называемой «75 великолепных защитников» (тиб. *dpal mgon po bdun cu rtsa lnga*) и куда не входит ни одна из форм Махакалы [III].

На основе анализа «Драгоценного источника...» [IV] выделены формы Махакал, которые делятся на защитников: тела – *sku'i mgon po*; речи – *gsung gi mgon po*, ума – *thugs kyī mgon po*; достатка – *yon tan gyī mgon po* и действия – *phrin las kyī mgon po*

[ЦВРК ИМБТ СО РАН. № 12. Л. 8b, 9a]. В первую группу входят: Быстродействующий Шестирукий Махакала (черный/темно-синий) (тиб. myur mdzad ye shes mgon po phyag drug pa) [1a–12a]; Белый Шестирукий Чинтамани Махакала (тиб. mgon dkar yid bzhi nor bu) [Там же. Л. 12a–15a]; Желтый Шестирукий Махакала, преумножающий ум и охраняющий богатство (тиб. mgon ser blo 'phel nor srung) [Там же. Л. 15a–16b]; Красный Шестирукий Махакала – владыки силы и власти (тиб. mgon dmar dbang gi rgyal po) [Там же. Л. 16b–19b]; Зеленый Шестирукий Махакала, устраняющий препятствия и укрепляющий жизненные силы (тиб. mgon ljang tshe bdag) [Там же. Л. 19b–23a]. Эти пять форм образуют группу шестируких Махакал, относятся к Махакалам мудрости и ассоциируются с пятью Дхьяни-Буддами.

К четырехруким формам относятся: Четырехрукий Махакала в традиции махасиддха Шантигупты (тиб. mgon po phyag bzhi pa grub chen zhi ba sbas pa'i lugs [V]) [Там же. Л. 23a–32a]; Четырехрукий Махакала в традиции Нагарджуны (тиб. mgon po phyag bzhi pa klu grub lugs [VI]) [Там же. Л. 32a–33a]; Четырехрукий Махакала в традиции Гало (тиб. mgon po phyag bzhi pa rgwa lo lugs [VII]) [Там же. Л. 33b–42a]. Необходимо отметить, что несмотря на то что существуют и другие Махакалы с четырьмя руками, но именно эти три формы отмечены как четырехрукие. В качестве относящихся к этой группе указаны: Красный Махакала с трубой из бедренной кости (тиб. mgon dmar rkang gling can) [Там же. Л. 42a–43a]; Махакала с вороньим ликом (тиб. mgon po bya rog gdon can) [Там же. Л. 44a–45b].

Следующую группу образуют Гургон [VIII] Махакалы: Махакала со свитой (тиб. dpal gur gyi mgon po lcam dral) [Там же. Л. 45b–53a]; Гургон Махакала со свитой из восьми богинь в окружении восьми богинь (тиб. gur mgon lha brgyad ma) [Там же. Л. 53a–53b]; Гургон Махакала с крыльями Гаруды и кинжалом (тиб. gur mgon phur zhabs khyung gshog can) [Там же. Л. 53b–55b]; Гургон Махакала в форме яб-юм в традиции Нагарджуны (тиб. gur yum bcas klu sgrubs lugs) [Там же. Л. 55b–58b]; Гургон Махакала в традиции Нгок/Ок (тиб. gur mgon mgog ston [IX] lugs) [Там же. Л. 58b–60a].

Махакала, восседающий на тигре [X] (тиб. mgon po stag gzho) [Там же. Л. 60b–63a], указан как защитник тела. Далее следуют тексты защитникам речи: Махакала с булавой в традиции Кама (тиб. mgon po beng bka' ma [XI]) [Там же. Л. 63b–64a]; Махакала с булавой в традиции Нуб (тиб. mgon po beng snubs lugs) [Там же. Л. 64b–64b]; Махакала в стиле трех братьев (тиб. mgon po legs ldan mched gsum) [Там же. Л. 65a–65b]; Махакала-Ам/нгхора (тиб. mgon po aMg+ho ra) [Там же. Л. 65b–67a]; Блистательный Махакала в традиции Атиши [XII] (тиб. mgon po legs ldan jo bo lugs) [Там же. Л. 67b–68a].

К числу защитников ума относятся: Великий Черный (Махакала) [XIII] (тиб. nag po chen po) [Там же. Л. 68a–71a]; Махакала-защитник в традиции Атиши (тиб. chos skyong mgon po gri gug jo bo rje'i lugs) [Там же. Л. 71a–74b]; Махакала в смешанном стиле (тиб. mgon po bzhi sbrag) [Там же. Л. 75a–76b]; Махакала с изогнутым ножом в традиции Ша-кьяшри (тиб. mgon po gri gug kha che paN chen [XIV] gi lugs) [Там же. Л. 76b–77a]; Махакала с медным ножом и свитой из семнадцати богинь [XV] (тиб. dpal mgon po zangs gri can lha bcu dun ma) [Там же. Л. 77a–80a]; Махакала с изогнутым ножом в окружении девяти божеств [XVI] (тиб. mgon po gri gug can lha dgu) [Там же. Л. 80a–81b]; Махакала в черном плаще и с медным ножом (тиб. ber nag zangs gri can) [Там же. Л. 81b–82b]; Махакала в нагом образе с медным ножом (тиб. gcer bu zangs gri can) [Там же. Л. 82b–83b].

Махакала, восседающий на льве [XVII] (тиб. mgon po seng gzho tshogs) [Там же. Л. 83b–85a], указан как защитник достатка. В число защитников действия входят: Великое божество со свитой – Махакала, подавляющий всех врагов и препятствия (тиб. lha chen lcam dral dgra bgegs kun 'joms) [Там же. Л. 85a–91a]; Махакала-Тракше в традиции Нью (тиб. dpal mgon po tra k+shad gnyos [XVIII] lugs) [Там же. Л. 91a–92b]; Махакала-Тракше в традиции Дакпо (тиб. mgon po trak+shad dwags po'i [XIX] lugs) [Там же. Л. 92b–93b]; Махакала-Тракше в традиции Атиши (тиб. mgon po tra k+shad jo bo lugs) [Там же. Л. 93b–94b]; Величественный Махакала-Тракше с изогнутым ножом (тиб. dpal mgon po tra k+shad gri gug pa) [Там же. Л. 94b–95a]; Махакала-Тракше, стоящий на одной ноге (тиб. mgon po tra k+shad rkang thang ma) [Там же. Л. 95a–95b]; Махака-

ла-Тракше-манинг [XX] (тиб. dpal mgon po tra k+shad ma ning) [ЦВРК ИМБ СО РАН. № 12. Л. 95b–96b]; Махакала-Тракше с ликом яка (тиб. tra k+shad 'bronh zhal can) [Там же. Л. 96b–96b]; Махакала-Тракше с ликом собаки (тиб. tra k+shad shwa na'i zhal) [Там же. Л. 97a–98a]. Следующие формы образуют группу защитников тела: Четырехликий Махакала (тиб. mgon zhal bzhi pa bsnyen dus dang 'brel ba) [Там же. Л. 98b–101a]; Четырехликий Махакала действия (тиб. zhal bzhi las sbyor mgon po) [Там же. Л. 101a–102b]; Четырехликий Махакала четырех активностей [XXI] (тиб. las bzhi zhal bzhi mgon po) [Там же. Л. 102b–103b]; Махакала с устрашающим ликом (тиб. mgon po gdong gnyan can) [Там же. Л. 103b–104a]; Махакала с ликом шакала (тиб. mgon po sha za spyang gdong can) [Там же. Л. 104a–105a].

Так, представленное разнообразие форм Махакал показывает их богатство и вариативность. В целом они являются защитниками, устраняющими препятствия, но в то же время каждая из форм имеет функциональную специфику, в определении которой помогают имена и эпитеты божеств и отнесенность к той или иной из групп защитников. Многообразие традиций и линий передач учения говорит о его популярности во всех направлениях тибетского буддизма. В данной статье не было дано подробное описание разных форм божества, его характеристик, атрибутов, окружения и т. д., поскольку, на наш взгляд, каждая из них заслуживает отдельного рассмотрения. Необходимо отметить, что представленные в работе Таранатхи садханы не отражают все существующие традиции и линии передачи учения Махакалы. К примеру, у Таранатхи отсутствуют две садханы, которые наличествуют в другом аналогичном сборнике Ринлхан: садхана Махакалы в традиции Цхал, а также садхана Махакалы, совмещающей традиции Цхал и Гало. Возможно, дальнейшее сравнение с другими подобными сборниками позволит выявить новые линии и формы.

Особенность сборника садхан Таранатхи в том, что, будучи текстами ритуального назначения по медитативной реализации божеств, они служат источником исследования их иконографии. Несмотря на эзотеричность самих практик по реализации буддийских божеств, их иконография экзотерична и может быть полезна для ряда связанных исследований. Работа Таранатхи дает возможность более углубленного и всестороннего исследования культа Махакалы, представляет ценность не только для буддийской ритуалистики, но также и для буддологических изысканий.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Традиционная письменная культура народов Внутренней Азии в системе духовных ценностей России») № 126020516671-1.

Примечания

I. Мы использовали как ксилографическое издание текста, которое хранится в составе сумбума Таранатхи в коллекции тибетского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН, так и оцифрованную версию на сайте Буддийского цифрового ресурсного центра [Taranatha].

II. Отдельные тексты из «Драгоценного источника...» вводились в научный оборот [Батомункуева 2021а, б; 2022].

III. Эту группу составляют: 10 хранителей сторон, 8 великих божеств, 8 великих нагов, 8 божеств планет, 4 Махараджи, 28 божеств созвездий, 9 великих Бхайрав.

IV. В источнике приводятся названия садхан, к примеру: «Садхана Желтого шестирукого Махакалы, преумножающего ум и охраняющего богатство». Нами вычленены лишь имена божеств, т. е. определенной формы, и представлены в авторском переводе с транслитерацией по системе Уайли. В квадратных скобках указаны номера листов в сочинении «Драгоценный источник...», где латинская «а» обозначает лицевую сторону листа, а «b» – оборотную.

V. Шантигупта родом из Джаламандалы.

VI. Нагарджуна жил в VII в. н. э. Согласно Б. Бхаттачарье, являлся учеником Сарахи, автором многих садхан, которого не стоит путать с другим известным Нагарджуной – основателем мадхьямаки [Bhattacharya 1958: 44].

VII. Гало (1203–1282) также известен как Намгьял Дордже [Гой-лоцава 2001: 413].

VIII. Также: Махакала Гур / Ваджрапанджара Махакала (тиб. mgon po gur, rdo rje gur). Панджарнатха Махакала изначально был покровителем и хранителем монастыря Наланда в Индии, а его имя происходит из текста, известного как Ваджрапанджара-тантра [Бир 2013: 185].

IX. Нгок/Ок/Ог один из основных четырех учеников Марпы лоцавы [Taranatha: 60], также известен как Нгоктон Чокьи Дорчже (1036–1102) [Шоннупэл 2001: 227].

X. То есть вахана – ездовое животное данной формы Махакалы – тигр.

XI. Традиция длинных устных наставлений от учителя ученику – «из уст в ухо», считается что линия берет начало от Падмасамбхавы.

XII. Атиша (982–1054).

XIII. Также известен как Одиночный Махакала с изогнутым ножом [ЦВРК ИМБТ СО РАН. № 12. Л. 71a].

XIV. Каче Панчен Шакаяшри (тиб. kha che paN chen sha kya shri, 1127–1225) – великий пандита из Кашмира, также известен как Субхути Шришанти [Шоннупэл 2001: 60].

XV. Садхана относится к традиции Джан лоцавы [ЦВРК ИМБТ СО РАН. № 12. Л. 80a].

XVI. Садхана в традиции Джняны [Там же].

XVII. То есть с ваханой льва. Данную форму также называют Махакала-Ганапати [Там же].

XVIII. Нью лоцава Йонтен Драгпа (973–1113).

XIX. Дакпо относится к школе кагью, известной также как традиция Владыки Марпы (1012–1097), переданная Гампой (1079–1153).

XX. Имя божества буквально переводится как «без определенного пола, гермафродит, евнух».

XXI. К четырем активностям, или действиям, относятся умиротворение, приумножение/увеличение, подчинение, гневная активность/разрушение.

Источники и литература

Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН): тибетский фонд, инв. № 12. № TSP6 0572 (Taranatha. yi dam rgya mtsho'i sgrub thabs rin chen 'byung gnas (Драгоценный источник садхан океана идамов)).

Taranatha. yi dam rgya mtsho'i sgrub thabs rin chen 'byung gnas (Драгоценный источник садхан океана идамов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://library.bdrclibrary.org/show/bdr:MW1PD45495_828A80? (дата обращения: 04.04.2026).

Батомункуева С. Р. Образ Шестирукого Махакалы и его окружения в тексте «Ритуал умилоствления и подношения торма Быстродействующему защитнику мудрости – Шестирукому Махакале» / С. Р. Батомункуева // *Oriental Studies*. – 2021a. – Т. 14. – № 3. – С. 568–580.

Батомункуева С. Р. Садханы Желтого, Красного и Зеленого Махакал в сочинении Таранатхи «Драгоценный источник садхан океана идамов» / С. Р. Батомункуева // *Буддологические исследования. Религиоведческий альманах*. – 2021b. – С. 151–157.

Батомункуева С. Р. О Вьягра-вахана Махакале – защитнике, восседающем на тигре / С. Р. Батомункуева // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. – 2022. – № 4(48). – С. 171–175.

Бир Р. Тибетские буддийские символы / Р. Бир; пер. с англ. – М.: Ориенталия, 2013. – 336 с.

Шоннупэл Гой-лоцава. Синяя летопись. История буддизма в Тибете, VI–XV вв. / Гой-лоцава Шоннупэл; пер. с тиб. и англ. – СПб.: Евразия, 2001. – 768 с.

Bhattacharyya B. The Indian Buddhist iconography / B. Bhattacharyya. – Calcutta: Ghosh printing house private limited, 1958. – 479 p.

Chandra L. The Rin-lhan and Rin-byun: To the Memory of Professor F. D. Lessing / L. Chandra // *Oriens Extremus*. – 1961. – No. 8(2). – P. 188–207.

Clark W. E. Two Lamaistic Pantheons / W. E. Clark. – Cambridge: Harvard University Press, 1937.

Nebesky-Wojkowitz R. Oracles and Demons of Tibet: The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities / R. Nebesky-Wojkowitz. – Delhi: Rashtra Rachna Printers, 1993. – 573 p.

Peter F. A. The Rin-hbyun / F. A. Peter // *The Journal Of The Royal Asiatic Society of Bengal*. – 1943. – Vol. IX. – P. 1–17.

References

Centr vostochnyh rukopisej i ksilografov IMBT SO RAN (CVRK IMBT SO RAN): tibetskij fond, inv. № 12. № TSP6 0572 (Taranatha. yi dam rgya mtsho'i sgrub thabs rin chen 'byung gnas (Dragocennyj istochnik sadhan okeana idamov)).

Taranatha. yi dam rgya mtsho'i sgrub thabs rin chen 'byung gnas (Dragocennyj istochnik sadhan okeana idamov) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://library.bdrc.io/show/bdr:MW1PD45495_828A80? (data obrashcheniya: 04.04.2026).

Batomunkueva S. R. Obraz Shestirukogo Mahakaly i ego okruzheniya v tekste «Ritual umilostivleniya i podnosheniya torma Bystrodejstvuyushchemu zashchitniku mudrosti – Shestirukomu Mahakale» / S. R. Batomunkueva // *Oriental Studies*. – 2021a. – T. 14. – № 3. – S. 568–580.

Batomunkueva S. R. Sadhany Zheltogo, Krasnogo i Zelenogo Mahakal v sochinenii Taranathi «Dragocennyj istochnik sadhan okeana idamov» / S. R. Batomunkueva // *Buddologicheskie issledovaniya. Religiovedcheskij al'manah*. – 2021b. – S. 151–157.

Batomunkueva S. R. O V'yagra-vahana Mahakale – zashchitnike, vossedayushchem na tigre / S. R. Batomunkueva // *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN*. – 2022. – № 4(48). – S. 171–175.

Bir R. Tibetskie buddijskie simvoly / R. Bir; per. s angl. – M.: Orientaliya, 2013. – 336 s.

Shonnupel Goj-locava. Sinyaya letopis'. Istoriya buddizma v Tibete, VI–XV vv. / Goj-locava Shonnupel; per. s tib. i angl. – SPb.: Evraziya, 2001. – 768 s.

Bhattacharyya B. The Indian Buddhist iconography / B. Bhattacharyya. – Calcutta: Ghosh printing house private limited, 1958. – 479 p.

Chandra L. The Rin-lhan and Rin-byun: To the Memory of Professor F. D. Lessing / L. Chandra // *Oriens Extremus*. – 1961. – No. 8(2). – R. 188–207.

Clark W. E. Two Lamaistic Pantheons / W. E. Clark. – Cambridge: Harvard University Press, 1937.

Nebesky-Wojkowitz R. Oracles and Demons of Tibet: The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities / R. Nebesky-Wojkowitz. – Delhi: Rashtra Rachna Printers, 1993. – 573 p.

Peter F. A. The Rin-hbyun / F. A. Peter // *The Journal Of The Royal Asiatic Society of Bengal*. – 1943. – Vol. IX. – P. 1–17.

УДК 930

ББК 63.2

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-115-120

М. В. Аюшеева

МОНГОЛЬСКАЯ ГРАММАТИКА В ИЗЛОЖЕНИИ Г.-Ж. ДЫЛГИРОВА

В статье рассмотрены грамматические пособия для обучения монгольской письменности, составленные бурятским ламой Г.-Ж. Дылгировым. Даны характеристика и краткое содержание двух текстов «123 монгольских буквы» и «18 монгольских букв». Выявлены особенности их переизданий.

Ключевые слова: монгольская письменность, Г.-Ж. Дылгиров, грамматика, азбука, ксилограф, бурятские дацаны.

M. V. Ayusheeva

MONGOLIAN GRAMMAR BY G.-ZH. DYLGIROV

The article analyzes grammatical manuals for teaching the Mongolian script, compiled by the Buryat lama G.-Zh. Dylgirov. The two texts “18 Mongolian letters” and “123 Mongolian letters” are investigated. Their reprints from the Mongolian fond of the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the IMBTS SB RAS are considered.

Keywords: Mongolian Script, Dylgirov, grammar, alphabet, xylographs, Buryat datsans.

Письменная традиция монгольских народов получила огромный толчок с распространением буддизма. Сочинения на монгольской письменности, излагающие историю буддизма в Монголии, как правило, не обходят стороной вопрос о составлении монгольского алфавита Сакья-пандитой Гунга-Жалцаном и ее реформу Чойджи-Одзером, причисляя заслуги в развитии письма среди монголов исключительно буддийской традиции. В ее рамках на формирование монгольской грамматики большое влияние оказала индо-тибетская лингвистическая мысль, в частности, были заимствованы принципы силлабического описания алфавита [Цендина 2014: 107–108]. Потому монгольское слово *üsüg* (совр. монг. буква) в отношении средневековых грамматических текстов соответствует не только букве (как гласные *a*, *e*, *u*), но слогу, сочетанию согласных с гласными, что можно перевести как «буква-слог».

Задачам просвещения и составления грамматических сочинений уделяли внимание многие издательские центры и ученые ламы. Одним из ранних авторов был Чойджи-Одзер (XIV в.), который написал сочинение по грамматике монгольского языка «*jirüken-ü tolta*» (Сердечный покров). Другой ученый-монах Гунга-Одзер (XVII в.) также составил одноименный трактат [Касьяненко 2010: 68]. Дальнейшее развитие филологической мысли в XVII–XVIII вв. у монголов связано с широким распространением буддизма и активизацией переводческой деятельности. Исследователи отмечают многочисленные труды филологов-грамматистов, отражающих как общемонгольский пласт, так и локальные традиции [Отгонбаатар, Цендина 2014: 8]. В монгольском фонде Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН широко представлены разнообразные грамматические сочинения на монгольской письменности: «Комментарий на “Сердечный покров”» (*jirüken-ü tolta-yin tayilburi*), «Грамматика под названием “Украшение речи”, обстоятельно излагающая законы монгольской письменности» (*mongyol üsüg-ün yosun-i sayitur nomlaysan kelen-ü čimeg kemegdekü oruşıba*), «123 монгольские буквы» (*mongyol-un jaγun qorin yurban üsüg oruşıba*), а также тексты азбучного типа, в которых излагается монгольский алфавит: «18 монгольских букв» (*mongyol-un arban naiman üsüg oruşıba*), «Монгольские буквы» (*mongyol üsüg*), «100 монгольских букв» (*mongyol-un nigen jaγun üsüg oruşıba*) и т. д. [Annotated catalogue... 2004: 273–279].

АЮШЕЕВА Марина Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: ayagma@yandex.ru.

Наибольшую популярность и известность получило филологическое сочинение XVIII в. «Комментарий на “Сердечный покров”», автором которого является монлам-рабжамба Данзин-Дагба (XVIII в.). По свидетельству П. Б. Балданжапова, данный труд послужил основой для составления последующих оригинальных грамматических сочинений по монгольскому классическому языку [1962: 3], среди которых следует назвать текст бурятского ламы Г.-Ж. Дылгирова «123 монгольские буквы» (*mongγol-un jaγun qorin γurban üsüg orusiba*. 4 л.). Следует отметить, что перу этого автора принадлежат и другие грамматических сочинения на монгольской письменности: «16 гласных и 34 согласных букв индийского алфавита» (*enedkeg-ün arban jirγuyan egešig kiged yučin dörben geyigülügči üsüg-ün gešigün-lüge selte orusiba*. 5 л.), «30 согласных тибетского языка» (*töbed-ün geyigülügči yučin üsüg*. 2 л.) и «18 монгольских букв» (*mongγol-un arban naiman üsüg oruši=ba*. 3 л.). Составление подобных сочинений способствовало развитию литературной традиции, напрямую зависящей от грамотности как авторов, так и читателей. Небольшие тексты Г.-Ж. Дылгирова представляют собой учебные пособия для легкого изучения тибетского, санскритского и монгольского алфавита.

Ниже рассмотрим два текста, непосредственно касающиеся монгольской грамматики, это «123 монгольские буквы» и «18 монгольских букв», которые пользовались большой популярностью и были неоднократно переизданы, как и многие другие сочинения Г.-Ж. Дылгирова [Сыртыпова, Базаров, Гармаева 2006: 79]. В монгольском фонде ЦВРК насчитывается более двух десятков печатных текстов под идентичным названием «*mongγol-un jaγun qorin γurban üsüg orusiba*». Однако они имеют между собой незначительные различия, которые позволили выделить среди них по месту издания три типа ксилографов [1].

Поскольку физическое состояние и сохранность рассматриваемых экземпляров, а также бумага, качество печати различаются, то для описания из трех выявленных типов отобрано по одному экземпляру, а именно: из первого типа единица хранения № МП-975, из второго – МП-968 и МП-1016 как образец третьего типа печати. Все три ксилографа имеют одинаковых объем – 4 листа (1г–4г). Основные отличия касаются оформления титульного листа и пагинации, наличия маргинального (краткого) названия, написания отдельных слов, содержания колофона.

Ксилограф МП-071/1 (1-й тип) имеет следующие характеристики: размер листа 9×44 см, размер рамки текста (л. 1 v) 6,3×36, размер рамки титула 2,8×14,5 см. Заглавие написано в 6 строк: «*mongγol-un/jaγun/qorin/γurban/üsüg/orusiba::*». Пагинация дана монгольскими числительными прописью за рамкой основного текста.

Ксилограф МП-968 (2-й тип) имеет следующие характеристики: размер листа 9×44 см, размер рамки текста (л. 1 v) 6,5×37,4, размер рамки титула 2,2×14,8 см. Название написано в 6 строк: «*mongγol-un/jaγun/qorin/γurban/üsüg/orusiba::*». Основным отличием данного ксилографа является наличие в малом палисаде с левого края листа маргинального названия – *üsüg* (буква). Пагинация следует ниже краткого названия монгольскими числительными прописью.

Ксилограф МП-1016 (3-й тип) отпечатан на бумаге размером 9×44 см, размер рамки текста (л. 1 v) 6×36,2, размер рамки титула составляет 2×14 см. Заглавие вырезано в 7 строк: «*mongγol-un/jaγun/qorin/γurban/üsüg/orusi/=ba::*». Пагинация приведена в малом палисаде с левого края листа монгольскими числительными прописью.

Ксилографы 1-го и 3-го типов имеют одинаковый колофон, согласно которому данное сочинение было вырезано на ксилографических досках в 1866 г. и автором является Вагиндра-сумати-калпа-бхадра-дана, т. е. Г.-Ж. Дылгиров, второй настоятель Цугольского дацана. Тем не менее по тексту наблюдаются незначительные изменения, в частности, слово «мягкий» в первом варианте записан как *köndei*, а в третьем – как *köndüi*. Также колофон третьего типа имеет межстрочные тибетские глоссы, дублирующие имя автора – *wa gin+dra su ma ti ka l+pha pa Dra dA na*.

Второй вариант по написанию отдельных слов близок к первому, имея с ним одинаковое оформление названия в 6 строк. Но отличается наличием маргинального назва-

ния *üsüg* и колофоном, согласно которому составление данного текста принадлежит Сумати Дхьяне, при этом нет указаний на время составления.

Три рассмотренных варианта «123 монгольских букв» имеют между собой незначительные расхождения в оформлении и передаче некоторых слов. Ни в одном из образцов нет указания на место издания. Согласно каталогу А. Г. Сазыкина, по особенностям оформления определено, что первый тип ксилографов был издан в Цугольском дацане, второй принадлежит печатне Агинского дацана, а третий является переизданием ксилографа Цугольского дацана, отпечатанным при Эгитуйском дацане.

Текст «123 монгольские буквы» в основном повторяет структуру сочинения монлам-рабжамбы Данзин-Дагбы, но значительно сократив объем [Ш].

Краткий текст Г.-Ж. Дылгирова можно разделить на три части: первая – историческая, в которой объясняется количество букв-слогов – 123; во второй – алфавите – даны примеры сочетания монгольских букв-слогов с дэбискерами (так называемыми подстилающими буквами, на которые может заканчиваться слог); третья часть – грамматическая, где освещены категории падежа, частицы-связки и др.

Историческая часть начинается с сообщения о создании во времена Хубилай-хагана Сакья-пандитой 43 монгольских букв, разделенных на три группы – твердые, мягкие и нейтральные. Тот алфавит состоял из трех гласных (*a* – сильного/твердого ряда, *э* – слабого/мягкого ряда, *и* – нейтрального ряда) в сочетании с 14 согласными: *a, e, i, na, ne, ni, ba, be, bi, qa, ke, ki, ya, ge, gi, ma, me, mi, la, le, li, ra, re, ri, sa, se, si, da, de, di, ta, te, ti, ya, ye, yi, ča, če, či, ja, j=e, ji, va, ve*. Последняя буква *v* могла образовывать сочетания только с *a* и *э*.

Во времена правления Хайсан-Хулуг-хагана была проведена реформа монгольской письменности сакьяским ламой Чойджи-Одзером и для более точного отображения звуков к 44 буквам-слогам были добавлены еще 56. То есть сочетания согласных (без последней буквы *v*) с 4 гласными: *o, u* – твердого ряда и *ö, ü* – мягкого ряда: *o, u, ö, ü, no, nu, nō, nū, bo, bu, bō, bū, qo, qu, kō, kü, yo, yu, gō, gū, mo, mu, mō, mū, lo, lu, lō, lū, ro, ru, rō, rū, so, su, sō, sū, do, du, dō, dū, to, tu, tō, tū, yo, yu, yō, yū, čo, ču, čō, čū, jo, ju, jō, jū*. Вместе они составили 100 букв монгольского алфавита, к которым также были прибавлены еще 23 буквы-слога: *pa, pe, pi, po, pu, pō, pū, ša, še, šī, šo, šu, šō, šū, ja, je, ji, jo, ju, jō, jū, ng, iyer*.

Во второй части грамматического сочинения Г.-Ж. Дылгиров перечисляет сочетания 11 букв дэбискеров, которые также делятся на сильные дэбискеры: *an, ab, ay, am, al, ar, as, ad, ai, au, ang* и соответствующие им слабые. Помимо них приводятся примеры двойных дэбискеров, как: *a+yi+n, ayib, ayiy, ayim, ayil, ayir, ayis, ayid, aying*, и дэбискеры с орхицей-откидной буквой, которая пишется отдельно: это *a, i, in* в сочетаниях с 11 дэбискерами.

Третья часть текста Г.-Ж. Дылгирова содержит значительное сокращение из грамматики монлам-рабжамбы «Комментарий на “Сердечные покровы”». При этом бурятский автор изменил порядок изложения оригинальной грамматики. Он начинает третью часть своего текста с краткого изложения «сопутствующих элементов слов» [Ш] (*üsüg-ün nöküčel*, досл. «условия букв») – частиц, соединяющих слова, в числе которых привел следующие: *luγ=a, lüge, ba, be, qo, kü, ta, te, dur, dūr, tur, tūr, bar, ber, iyar, iyer, ača, yin, bui, uu, kiged, buyu* с примерами их употребления. Далее им перечисляются «созвучия слов» (*üges-ün ayalγ-u*): *anu, inü, kiged, ba, böged, bür-ün, ele, boluyu, bölüge, bolai, buyu, bolbai, boltuyai*, которые служат украшениями к словам, и после этого записаны 8 падежей. В то время как в «Комментарии на “Сердечные покровы”» в начале подробно описаны падежи, затем частицы, соединяющие слова, и далее следует разъяснение созвучий.

Из пространных рассуждений о правописании монлам-рабжамбы Г.-Ж. Дылгиров осветил весьма важный момент – это написание букв *qa* (*xa*) с диакритикой и *ya* (*ga*) без выделения двумя точками. Известно, что отличительной чертой бурятских ксилографов, в частности печатен Агинского, Цугольского и ряда дацанов Хоринского ведомства, является написание буквы *xa* с диакритическими точками. В то время как в монгольских изданиях, равно как и в современных монгольских грамматиках, устоя-

лось написание буквы *га* с диакритическими знаками, а буквы *ха* без них. Появление разнобоя в передаче букв *ха* и *га* Г.-Ж. Дылгирова вслед за монлам-рабжамбой относит к грамматическим правилам, составленным Гунга-Одзером. При этом бурятский ученый пишет: «В сочиненных Сакья-пандитой “Сердечных покровых” различают “na” и “qa” проставлением точек, но пандита Гунга-Одзер внес изменения в “Сердечные покровы” и проставил точки на букву “ya”. При этом другой вид «ya» оставил без точек. Тем временем сказано, что монгольские буквы, составленные Чойджи-Одзером в “Сердечных покровых”, являются безошибочными. Мудрецы, следуя правилам богдо, не будут осмеяны. Также сказано, если писари, желающие себя исправить, будут соблюдать прежние правила, то обретут хорошее собрание [заслуг] в сансаре и нирване» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 600. Л. 4г].

Можно предположить, что особенность бурятской орфографии в части написания *ха/га* объясняется стремлением бурятских авторов следовать «безошибочным» правилам, составленным еще богдо Сакья-пандитой. В то же время следует отметить, что подобное написание в некоторых случаях не имеет устоявшейся формы и наблюдается вариативность в передаче букв *ха* и *га* не только в разных сочинениях одного бурятского печатного центра, но даже в одном сочинении.

Завершается текст «123 монгольских букв» колофоном, в котором указан источник сочинения, краткое содержание, автор, дата составления и благопожелание: «Из “Комментария на сочиненные Чойджи-Одзером ‘Сердечные покровы’, называемый ‘Небесная жемчужина-мани, очищающая темные места и ошибки в правописании’” Вагиндра-Сумати-Калпа-Бхадра-Дана, желая, чтобы была польза для обучающихся монгольской грамоте, составил 123 монгольские буквы, 11 букв-дэбискеров, 3 откидные буквы-орхицы и частицы-связки, созвучия и 8 падежей в день земля-тигра месяца железо-тигра года огня-тигра [IV] и вырезал на ксилографических досках. Да завершат обучение монгольской грамоте читающие этот текст!» [Там же].

Следующий труд Г.-Ж. Дылгирова, посвященный монгольской грамоте, называется «18 монгольских букв» (3 л.). В монгольском фонде ЦВРК представлено три типа ксилографов «18 монгольских букв», изданные также в Цугольском, Агинском и Эгитуйском дацанах. Ксилографы разных печатен отличаются, как было рассмотрено выше на примере «123 монгольских букв», главным образом, по оформлению титульного листа, пагинации, размерам рамок. Текст во всех трех вариантах идентичен, в нем перечисляются 18 основных букв: *a, ba, qa, va, sa, ya, ya, ja, ta, ma, na, ča, pa, ja, ra, ša, da, la* в разных сочетаниях с семью гласными: *a, e, i, o, u, ö, ü*. При этом следует обратить внимание на другой порядок согласных, чем в тексте «123 монгольские буквы». Различие в перечислении букв «алфавита» имело свою практику в монгольских грамматических работах и азбуках, при этом состав согласных мог дополняться [Цендина 2014: 108]. Далее приведены примеры сочетания с 11 дэбискерами, двойными дэбискерами и 3 откидными буквами-орхицами, что полностью совпадает с текстом «123 монгольские буквы». Таким образом, «18 монгольских букв» – это краткая слоговая азбука. О предназначении данного текста сказано в колофоне: «...для легкого обучения маленьких детей» (досл. младенцев).

Заключение

Рассмотренные грамматические сочинения Г.-Ж. Дылгирова являются учебными пособиями и отражают локальную бурятскую орфографию. Они имели широкое распространение и неоднократно переиздавались. При этом могли вноситься незначительные изменения в текст – вариативное написание слова, сокращенный колофон. При полном сохранении колофона, в котором отмечается год и автор, выявить переиздание позволяют технические характеристики. Составление подобных сочинений как «123 монгольские буквы» и «18 монгольских букв» способствовало развитию грамотности среди светских и духовных лиц.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Памятники письменности истории и культуры народов России и Внутренней Азии: источниковедческие исследования и создание базы данных») № 126020616774-8.

Примечания

I. Ксилографы 1-го типа: МП-185, МП-71/1, 71/2, МП-791, МП-967, МП-975, МП-1007, МП-1243, МП-1489, МП-1543, МП-1711, БМ-291; 2-го типа: МП-968, МП-99, МП-102, МП-156); 3-го типа: МП-63, МП-99, МП-144, МП-154, МП-1260, КМ-602. Следует заметить, что данными тремя типами не ограничиваются все переиздания текста «123 монгольские буквы». Согласно каталогу А. Г. Сазыкина, имелось еще как минимум два переиздания: лито- и ксилографическое от 1922 г. [2004: 82–84].

II. В разных изданиях, представленных в монгольском фонде ЦВРК, сочинение монлам-рабжамбы отпечатано на 24, 25 и 26 листах. П. Б. Балданжаповым было опубликовано издание Агинского дацана на 25 листах.

III. Перевод П. Б. Балданжапова. В грамматике монлам-рабжамбы функция данных элементов разъяснена как «для выражения понятия» (см. подр.: [Балданжапов 1962: 74, 99]).

IV. 1866 г.

Литература

Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН): монгольский фонд, коллекция М-III, д. 071/1, 968, 1016 (mongyol-un jayun qorin yurban üsüg orusiba (= 123 монгольские буквы). 4 л.); коллекция КМ, д. 600 (mongyol-un arban naiman üsüg oruši=ba (= 18 монгольских букв). 3 л.).

Балданжапов П. Б. Jirüken-ü tolta-yin tayilburi: монгольское грамматическое сочинение XVIII века: монгольский текст и пер., введ. и примеч. П. Б. Балданжапов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. – 133 с.

Касьяненко З. К. Колофоны оригинальных сочинений – источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии / З. К. Касьяненко // Mongolica. – 2010. – Т. 9. – С. 67–68.

Отгонбаатар Р. Образцы письменной традиции Северной Монголии: алфавиты, транскрипции, языки (конец XVI – начало XX в.) / Р. Отгонбаатар, А. Д. Цендина. – М.: Вост. лит.-ра, 2014. – 237 с.

Сазыкин А. Г. Каталог бурятских ксилографированных и литографированных изданий из коллекций Санкт-Петербурга / А. Г. Сазыкин. – Киото: Университет Киото, 2004. – 173 с.

Сыртыпова С. Д. Буддийское книгопечатание Бурятии XIX – нач. XX в. / С. Д. Сыртыпова, Х. Ж. Гармаева, А. А. Базаров. – Улан-Батор: Адмон, 2006. – 222 с.

Цендина А. Д. Монгольские традиционные азбуки (конец XVI – начало XX вв.) [Электронный ресурс] / А. Д. Цендина // Проблемы современного образования. – 2014. – № 6. – С. 106–118. – Режим доступа: http://pmedu.ru/res/2014_6_7.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

Annotated catalogue of the collection of Mongolian manuscripts and xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences / N. Tsyrempilov; ed. Ts. Vanchikova. – Sendai: Tohoku University, 2004. – 310 p.: ill.

References

Centr vostochnyh rukopisej i ksilografov IMBT SO RAN (CVRK IMBT SO RAN): mongol'skij fond, kollekciya M-III, d. 071/1, 968, 1016 (mongyol-un jayun qorin yurban üsüg orusiba (= 123 mongol'skie bukvy). 4 l.); kollekciya KM, d. 600 (mongyol-un arban naiman üsüg oruši=ba (= 18 mongol'skih bukv). 3 l.).

Baldanzhapov P. B. Jirüken-ü tolta-yin tayilburi: mongol'skoe grammaticheskoe sochinenie XVIII veka: mongol'skij tekst i per., vved. i primech. P. B. Baldanzhapov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1962. – 133 s.

Kas'yanenko Z. K. Kolofony original'nyh sochinenij – istochnik informacii o formirovanii pis'mennoj kul'tury narodov Central'noj Azii / Z. K. Kas'yanenko // Mongolica. – 2010. – Т. 9. – С. 67–68.

Otgonbaatar R. Obrazcy pis'mennoj tradicii Severnoj Mongolii: alfavit, transkripcii, yazyki (konec XVI – nachalo XX v.) / P. Otgonbaatar, A. D. Cendina. – M.: Vost. lit-ra, 2014. – 237 s.

Sazykin A. G. Katalog buryatskih ksilografirovannyh i litografirovannyh izdanij iz kollekcij Sankt-Peterburga / A. G. Sazykin. – Kioto: Universitet Kioto, 2004. – 173 s.

Syrtypova S. D. Buddijskoe knigopechatanie Buryatii XIX – nach. XX v. / S. D. Syrtypova, H. Zh. Garmaeva, A. A. Bazarov. – Ulan-Bator: Admon, 2006. – 222 s.

Cendina A. D. Mongol'skie tradicionnye azbuki (konec XVI – nachalo XX vv.) [Elektronnyi resurs] / A. D. Cendina // Problemy sovremennogo obrazovaniya. – 2014. – № 6. – S. 106–118. – Rezhim dostupa: http://pmedu.ru/res/2014_6_7.pdf (data obrashcheniya: 20.03.2026).

Annotated catalogue of the collection of Mongolian manuscripts and xylographs M I of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences / N. Tsyrempilov; ed. Ts. Vanchikova. – Sendai: Tohoku University, 2004. – 310 p.: ill.

УДК 930(571.54)

ББК 63.2(2Р54)

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-121-126

Н. Д. Цыренова

ПИСЬМЕННАЯ ФИКСАЦИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА БУРЯТ
В XIX в.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
«НОВОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ...» 1841 г.

В статье в научный оборот вводятся архивные документы обычного права на монгольской письменности, в которых содержатся сведения, показывающие некоторые особенности социально-политических процессов и трансформации системы ценностей бурятского общества в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: обычное право бурят, источниковедение, монгольская письменность, архивные документы, Новое постановление 1841 г.

N. D. Tsyrenova

WRITTEN FIXATION OF BURYAT CUSTOMARY LAW
IN THE 19TH CENTURY: A SOURCE STUDY ANALYSIS
OF THE “NEW REGULATION...” OF 1841

This article introduces archival documents on customary law in the Mongolian script into scientific circulation. These sources provide insights into specific aspects of socio-political processes and the transformation of the Buryat society's value system during the 19th – early 20th centuries.

Keywords: Buryat customary law, source studies, Mongolian script, archival documents, New Regulation of 1841.

Изучение обычного права бурят XIX – начала XX в. занимает важное место в историографии Сибири и Центральной Азии. Правовые обычаи кочевых народов, долгое время существовавшие в устной форме, в исследуемый период начинают фиксироваться письменно под влиянием российской административной системы, а также внутренних процессов социальной стратификации и институционализации буддизма. Документы, фиксирующие нормы обычного права, представляют собой уникальный исторический источник, позволяющий реконструировать не только юридические практики, но и систему ценностей, социальную иерархию и механизмы самоуправления бурятского общества.

Исследование в этой области опирается на источниковедческий анализ и введение в научный оборот новых архивных материалов. Значительный вклад в эту область внес источниковед и историк Бимба Доржиевич Цибилов (1912–2006), выпустивший две монографии. «Обычное право хоринских бурят» (1992) представляет собой свод памятников на монгольской письменности и является первой полной их публикацией с переводом на русский язык и комментариями [1992]. Эти законодательные акты, регулировавшие общественную жизнь хоринских бурят в XVIII–XIX вв., имеют большое значение для изучения истории, культуры и социально-экономического уклада бурят. В «Обычное право селенгинских бурят» (1970) были включены сборники законов селенгинских бурят 1775, 1823 и 1841 гг. [1970]. Наряду с публикацией указанных законов, в издании содержатся их переводы и комментарии.

Среди них имеется источник под названием «Новое постановление о жизни и обычаях. Правила, установленные селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами в 1841 году» (далее – «Новое постановление» в издании 1970 г.). Этот документ идентичен рукописям, хранящимся в ЦВРК ИМБТ СО РАН

ЦЫРЕНОВА Номинь Дондоковна – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории «Центра переводов с восточных языков» Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: nomin_n@mail.ru.

под шифрами MI-251 и MI-271. «Новое постановление», опубликованное Б. Д. Цибиковым в 1970 г., хранится в монгольском фонде Института восточных рукописей РАН. В каталоге А. Г. Сазыкина упомянуты два документа: «Новое положение о том, как жить и быть – 1841 г. Материал к исследованию “Степного законодательства бурят” Забайкальской области» под шифром D121 и «Положение 1841 г. о хоринских и селенгинских бурятах» под шифром E240 [1998: 146–147, 152]. Рукопись D121 представляет собой тетрадь на 6 листах размером 21,8×28 см, выполненную на русской бумаге чернилами. Описание рукописи E240, отсутствующее в каталоге А. Г. Сазыкина, приведено в работе Л. С. Пучковского «Новое положение о жизни и обычаях. Устав, составленный в 1841 г. селенгинскими и хоринскими главными почетными духовными и светскими сайдами»: текст написан чернилами пером на русской бумаге размером 22×37,5 см, объем рукописи – 5 листов [Сазыкин 1998: 146–147; Пучковский 1957: 223–224].

Рукописи MI-251 и MI-271 ранее не были предметом специального источниковедческого исследования, что определяет актуальность и новизну данной работы.

Эти рукописи и «Новое постановление» схожи по содержанию, состоят из трех разделов (54 ст.). Однако рукопись MI-271 содержит 40 статей. Первый раздел всех документов (без подзаголовка) включает ст. 1–16, касающиеся поведения лам и хувараклов, наказаний за нарушения, контроля со стороны дацанов. Второй раздел «О должностных знаках отличия и одежде начальствующих и почетных людей» (ст. 17–25) регламентирует внешние атрибуты, отличающие представителей разных сословных групп. Третий раздел «О свадьбах и пиршествах» (ст. 26–40) устанавливает ограничения на многодневные и многолюдные пиршества. В нем также регламентируются свадебные обряды и связанные с ними расходы. Б. Д. Цибилов отмечает, что «статьи с 41 по 54 отдельно заглавия не имеют, но по своему содержанию относятся к первому или второму разделам сборника» [1970: 24]. В рукописи MI-251 ст. 41–54 приведены после слова «примечание» (*ajiyaly-a*) как приложение [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. MI-251. Л. 6v].

Рукопись MI-251

Документ был обнаружен известным бурятским краеведом Г.-Д. Нацовым 4 июня 1940 г. среди книг на монгольской письменности у обо Сагаан-хада в местности Нарын-Шибирь Дабатуйского сомона Заиграевского аймака. Ее полное название указано на титульном листе «Новое постановление о жизни и обычаях. Правила, установленные Селенгинскими и Хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами в 1841 году (*ači yabuqu jang yabudal-un sin-e toytural silingge-yin ba qori-yin aqalagči kündütü šara qara sayid-tai, 1841 on-a бүтүгөсөн кеб болар*)». Написана черными чернилами на желтой бумаге размером 18×22 см и насчитывает 8 листов. Текст начинается со слов: «Причины, по которой нижеподписавшиеся главный лама пандида-хамбо, настоятели дацанов ... собравшись при главном дацане 20 августа 1841 г. должны были сделать это добровольное обсуждение, состоит в следующем» [Там же. Л. 1v].

Во введении к документу излагается причина созыва съезда при главном дацане 20 августа 1841 г.: вышестоящие органы власти (предположительно, Восточно-Сибирское генерал-губернаторство) дали распоряжение бурятским нойонам упорядочить систему общественных и хозяйственно-экономических отношений в сфере религии, ремесел, сословных различий в одежде, а также ввести аттестацию и сертификацию лам-лекарей, астрологов, резчиков и других специалистов. Так, уже во введении обозначаются его основные темы, а содержание статей их детально раскрывает. В нем говорится о семи ключевых положениях, которые подробно рассматриваются в статьях: первый пункт раскрывает сам составленный документ; второй – ст. 7; третий – ст. 8; четвертый – ст. 9; пятый – второй раздел; шестой – третий раздел. На наш взгляд, интерес представляет седьмой пункт, который звучит следующим образом: «... есть обычай, когда инородцы сватают и берут невесту из среды своих родственников, а это запрещено по законам религии» [Там же. Л. 2v; Цибилов 1970: 76]. Ему соответствует ст. 39, в которой зафиксировано: «в традиционной практике инородцев бытует обычай сватов-

ства и заключения брака с невестами из числа родственников, что, однако, не соответствует общепринятым нормам (*busu törülten öberün törül bolqu ulus-iyar uruу bolju ökin-iyen abulčaqu jang bayinam. tere busu nom-un yosun-du qoriyusutai aji*)» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. МІ-251. Л. 6v; МІ-271. Л. 4r–5r; Цибилов 1970: 77].

Следует отметить, что на рукописи МІ-251 имеется надпись «копия» (*qooriy-a*) [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. МІ-251. Л. 1v]. Однако не представляется возможным установить точно, с какого оригинального текста был переписан данный экземпляр. В конце текста приводится приложение, идентичное «Новому постановлению» [Цибилов 1970: 281–282].

Рассматриваемые сочинения содержат важную информацию об эволюции брачных норм у хоринских бурят. Как отмечается в рукописи Д. Бубеева, изначально у хоринских бурят существовала древняя брачная система, согласно которой разрешалось вступать в брак троюродным братьям и сестрам. Однако в связи с ростом населения эти нормы были изменены [Цыренова 2020: 157]. Изменение нашло отражение в статье 39, где зафиксировано: «Строго запрещается брать невесту из дочерей родственников. В некоторых местностях невестками берут родных внучек по матери, а это по законам религии строго запрещено (*törül ulus-un keüked-iyer beri kiküi-yi čindalan qoriba. ilangyuу=a-i jarim yajar-nud-tu törügsen jige-ber beri henem. tere anu nom-un yosun-du masi qoriyusutai aji. tegüni čindalan kimayadaqu yosutai*)» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. МІ-271. Л. 4r–5r; МІ-251. Л. 6v]. Эта норма получила дальнейшее развитие в более поздних правовых памятниках. Так, аналогичное положение отмечено в «Своде степных законов» 1878 г., где в статье 15 первой части первого раздела запрещаются браки среди родственников [Там же. МІ-568. Л. 6r]. В то же время в «Сборнике обычного права сибирских инородцев» 1876 г. в разделе «Обычаи бурят Хоринского ведомства» данная статья отсутствует [Самоковасов 1876]. Это позволяет предположить, что запрет на браки с родственницами не вошел в общеперские своды, а был включен в локальные кодификации хоринских бурят.

Сопоставление рассматриваемых источников с другими правовыми документами хоринских бурят, в частности со «Сводом степных законов» (МІ-568), позволяет говорить о преемственности правовой традиции: многие нормы, зафиксированные в 1841 г., получают развитие в более поздних документах [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. МІ-568. Л. 6r].

Рукопись МІ-271

Рассматриваемый нами документ написан на монгольской письменности черными чернилами, на желтой русской бумаге размером 21,5×35 см, пагинация отсутствует. Хранится в монгольском фонде ЦВРК. Первые несколько листов утеряны, поэтому точный общий объем документа неизвестен. Сохранившаяся часть источника составляет 9 листов, на которых записаны 27 статей (ст. 14–40) обычного права. В общей сложности документ содержит 40 статей, разделенных на три раздела. Отсутствует приложение, которое имеется в «Новом постановлении» и в рукописи МІ-251.

Рукопись начинается со ст. 14, в которой говорится о том, что ламы и хувараки, не соблюдающие обеты (занимающиеся торговлей, вступившие в брак, уличенные в воровстве, обмане или пьянстве), должны быть строго наказаны и получить выговоры при дацанах. На том же листе размещены ст. 15 и 16, замыкающие первый раздел. Далее начинается изложение второго раздела, который заканчивается на втором листе. Третий раздел занимает два следующих листа.

На последних пяти листах поставлены 94 подписи разных должностных лиц, включая агинских лам и нойонов, принимавших участие в составлении и утверждении документа во время съезда. Подобные подписи отсутствуют в других доступных нам документах. Наличие подписей свидетельствует о широком представительстве на съезде. В заседании участвовали тайши и зайсаны, а также ламы и представители разных родов. Все подписи выполнены самими участниками, что подтверждается разными почерками.

Среди подписавшихся – Тугулдур Тобоев, который исполнял должность председателя Агинской степной думы с 1839 по 1842 г. Также имеются подписи Ринчина (Ринчин-Доржи) Дэмпилова, занимавшего должность главного тайши Хоринской степной думы с 1838 по 1849 г. При этом на документе отсутствуют оттиски печатей, что может свидетельствовать о промежуточном характере данной версии.

При сравнении трех рукописей (МІ-251, МІ-271, «Новое постановление») их содержание в целом совпадает, за исключением отдельных лексических и орфографических особенностей. Однако присутствуют и существенные расхождения. Например, ст. 17 в рукописях МІ-271 (л. 1r) и МІ-251 (л. 4v), гласящая о том, что «... помощник хамболамы имеет шапку того же цвета, украшение на головном уборе жэншэ (дэнзэ) из серебра в форме ваджра... (*mönggün vačir jingsitei*)», но она отсутствует в «Новом постановлении» [Цибиков 1970: 78]. Или, наоборот, ст. 36 «Нового постановления», содержащая положение о том, что «другим родственникам не следует дарить ткань на одежду» [Там же: 80], имеется в рукописи МІ-251 (л. 6r), но отсутствует в тексте МІ-271 (л. 4r). Это расхождение между тремя версиями может объясняться тем, что писари использовали разные рукописные списки либо же некоторые фрагменты были упущены в процессе переписки.

Сопоставление двух рукописей (МІ-251, МІ-271) позволяет сделать ряд выводов о процессе их создания и бытования. Во-первых, различие в количестве статей (39 – в МІ-271 и 54 – в МІ-251) свидетельствует о том, что перед нами не две редакции одного текста, а документы разного функционального назначения. МІ-271, вероятно, представляет собой протокол одного из заседаний съезда, на котором обсуждались и принимались статьи в предварительном порядке. На это указывает отсутствие печатей, незавершенность структуры и наличие подписей участников непосредственно в тексте статей. А рукопись МІ-251 – более поздняя копия итогового документа, предназначенного для распространения среди населения. На это указывает наличие заголовка «копия».

Таким образом, рукопись МІ-271, состоящая из 39 статей, является черновым вариантом протокола одного из заседаний. Это говорит о длительном многоэтапном характере процесса письменной фиксации и составления свода правил обычного права.

Ограничения на многодневные и многолюдные пиршества, зафиксированные в третьем разделе (ст. 26–39), прослеживаются в «Общественном приговоре» баргузинских бурят 1902 г. [Батомункуева, Цыренова 2025]. Однако в баргузинском документе установлены строгие требования и нормы, что может отражать региональные различия или ужесточение норм к концу XIX в. Например, ст. 33 сообщает, что «при проводах “Сагал сарход” [I] (*keiken-ü ečegede sayal sarayud kürgeküi-dür*) отцу невесты надлежит выезжать: в случае состоятельных – [в сопровождении] от пятнадцати до тридцати человек (исключительно родственников), с тремя головами скота и тридцатью литрами (кит. 升子) молочного вина ...; при среднем достатке – от десяти до пятнадцати человек с двумя головами скота; при низшем достатке – от двух до пяти человек с одной головой скота...» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. МФ. МІ-251. Л. 5v–6r; МІ-271. Л. 3r; Цибиков 1970: 79–80]. А в баргузинском «Общественном приговоре» количество участников уменьшилось. Отмечается, что для проведения обряда *сал* [II] разрешено выезжать от 5 до 25 чел.; на обряд сватовства – не более 5 чел. Также устанавливаются ограничения на количество забиваемого скота для обряда *сал* (от 10 до 20): зажиточным и чиновникам – не более трех голов скота, со средним достатком – не более двух, беднякам – задняя часть одной овцы [Батомункуева, Цыренова 2025: 125].

Источниковедческое сравнительное исследование рукописей МІ-251 и МІ-271 с опубликованным Б. Д. Цибиковым текстом «Нового постановления» позволяет сделать ряд выводов о характере письменной фиксации обычного права бурят в XIX в. Установлено, что между тремя версиями имеются лексические и содержательные расхождения, которые не могут быть объяснены только ошибками переписчиков. Сопоставление рукописей показало, что МІ-271 представляет собой промежуточный протокольный документ одного из заседаний съезда, тогда как МІ-251 является более поздней итоговой версией, предназначенной для распространения.

Анализ содержания статей, в частности норм, регламентирующих брачные отношения и ограничения на пиршества, выявил преемственность правовой традиции хоринских бурят. При этом сравнение с «Обычаями бурят Хоринского ведомства» из «Сборника обычного права сибирских инородцев» показывает, что часть норм бытовала только в локальных кодификациях.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Традиционная письменная культура народов Внутренней Азии в системе») № 126020516671-1.

Примечания

I. Термин *саал* (*sayali*) в данном контексте имеет значение свадебный подарок, а *сарход* (*sarqud*) представляет собой возвышенное, эпическое наименование алкогольного напитка. Поэтому, надо полагать, это является одним из свадебных обычаев. К сожалению, на данный момент мы не располагаем иными сведениями.

II. Термин *сал* – производное от *саал*, которое, в свою очередь, представляет собой сокращение от *sayali*.

Источники и литература

Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН): монгольский фонд, MI-271, MI-251, MI-568.

Батомункуева С. Р. О трансформации некоторых обычаев баргузинских бурят на материале «Общественного приговора» 1902 г / С. Р. Батомункуева, Н. Д. Цыренова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2025. – № 1(57). – С. 124–128.

Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1. История, право / Л. С. Пучковский; отв. ред.: Б. И. Панкратов, Д. И. Тихонов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 280 с.

Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР: в 3 т. Т. 1 / А. Г. Сазыкин; отв. ред. Д. Кара. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1988. – 508 с.

Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев / Д. Я. Самоквасов. – Варшава: Тип. И. Носковского, 1876. – [2], XII, [8], 282, [2] с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/69084-samokvasov-d-ya-sbornik-obychnogo-prava-sibirskih-inorodtsev-varshava-1876#mode/inspect/page/104/zoom/5> (дата обращения: 01.02.2026).

Цибилов Б. Д. Обычное право селенгинских бурят / Б. Д. Цибилов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. – 1970. – 283 с.

Цибилов Б. Д. Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности / Б. Д. Цибилов. – Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. изд. фирма, 1992. – 312 с.

Цыренова Н. Д. История хоринских бурят: рукопись Даши Бубеева / Н. Д. Цыренова // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 153–160.

References

Centr vostochnykh rukopisej i ksilografy IMBT SO RAN (CVRK IMBT SO RAN): mongol'skij fond, MI-271, MI-251, MI-568.

Batomunkueva S. R. O transformacii nekotoryh obyчаev barguzinskih buryat na materiale «Obshchestvennogo prigovora» 1902 g / S. R. Batomunkueva, N. D. Cyrenova // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2025. – № 1(57). – S. 124–128.

Puchkovskij L. S. Mongol'skie, buryat-mongol'skie i ojratskie rukopisi i ksilografy Instituta vostokovedeniya. Vyp. 1. Istorija, pravo / L. S. Puchkovskij; otv. red.: B. I. Pankratov, D. I. Tihonov. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. – 280 s.

Sazykin A. G. Katalog mongol'skikh rukopisej i ksilografy Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR: v 3 t. T. 1 / A. G. Sazykin; otv. red. D. Kara. – M.: Nauka; Gl. red. vost. lit-ry, 1988. – 508 s.

Samokvasov D. Ya. Sbornik obychnogo prava sibirskih inorodcev / D. Ya. Samokvasov. – Varshava: Tip. I. Noskovskogo, 1876. – [2], XII, [8], 282, [2] s. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim

dostupa: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/69084-samokvasov-d-ya-sbornik-obychnogo-prava-sibirskih-inorodtsev-varshava-1876#mode/inspect/page/104/zoom/5> (data obrashcheniya: 01.02.2026).

Cibikov B. D. Obychnoe pravo selenginskih buryat / B. D. Cibikov. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo. – 1970. – 283 s.

Cibikov B. D. Obychnoe pravo horinskih buryat: Pamyatniki staromongol'skoj pis'mennosti / B. D. Cibikov. – Novosibirsk: VO «Nauka». Sib. izd. firma, 1992. – 312 s.

Cyrenova N. D. Istoriya horinskih buryat: rukopis' Dashi Bubeeva / N. D. Cyrenova // Gumanitarnyj vektor. – 2020. – T. 15. – № 3. – S. 153–160.

УДК 94 (510)+930

ББК 63.2

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-127-131

Ч. Ц. Цыренов

РАННЕЦИНСКИЕ КАЗЕННЫЕ ПЕЧАТИ ЭПОХИ АБАХАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОГО СВОДА ХРОНИК «ЦИН ШИЛУ»

Статья посвящена анализу цитат из китайской исторической хроники «Цин шилу» (Правдивые записи о династии Цин), связанные с историей появления казенных печатей как важнейшего символа государственности, средства легитимизации власти и удостоверения подлинности приказов. Сделан вывод, что первые чжурчжэньские монархи династии Поздняя Цзинь и Цин быстро осознали важную роль казенных печатей и разработали собственную систему печатей как эффективное средство централизованного управления, делопроизводства и документооборота, включавшее в себя набор государственных печатей для всех гражданских и военных ведомств молодого государства.

Ключевые слова: «Цин шилу», казенные печати, сфрагистика, пайцзы, делопроизводство.

Ch. Ts. Tsyrenov

EARLY QING TREASURY SEALS OF THE ABAHAI ERA BASED ON THE HISTORICAL CHRONICLE “QING SHILU”

The article cites and analyzes quotes from the historical chronicle of the Chinese “Qing Shilu” related to the history of the appearance of state seals as the most important symbol of statehood and authority, a means of legitimizing power and verifying the authenticity of orders issued by the Jurchen leaders. It is concluded that the first Jurchen monarchs of the Late Jin and Qing dynasty quickly realized the important role of official seals and adopted an effective system of management, record keeping and document management, which included a set of state seals with inscriptions in Jurchen for all civil and military departments of the new state, as well as state seals in the Jurchen language, which were issued for the conquered vassals as a symbol of the highest state power.

Keywords: “Qing shilu”, official seals, sphragistic studies, paizi, clerical work.

Позднее Средневековье – необычайно интересный и важный период в истории Китая и Северо-Восточной Азии. Он характеризуется очень сложной динамикой взаимоотношений различных этнических и социальных групп населения. Речь идет о международных отношениях китайского позднесредневекового этноса, с одной стороны, и монголо-маньчжурскими народами – с другой. Наличие разработанной системы казенных печатей – один из показателей уровня общественного развития.

В деле изучения и анализа содержания исторических источников, связанных с чжурчжэньским этносом, до сих пор есть немало малоизученных и спорных вопросов. Один из них – история развития государственных чиновничьих печатей как средства заверения государственных документов, изданных правителем и его помощниками.

Как известно, маньчжурская письменность («письменность без точек и кружков») была разработана в 1599 г. ученым Эрдэни-бакши и министром Гагай-заргучи по указанию 40-летнего родового вождя чжурчжэньского союза племен по имени Нурхацзи (1559–1626) на основе монгольской вертикальной письменности и распространена на территории Поздней Цзинь.

Важнейшим источником по истории раннего маньчжурского завоевания Китая является историческая хроника «Дай Цин Тайцзун шилу», в которой отражены крупные

ключевые события, произошедшие при втором маньчжурском монархе Абахай (годы жизни: 1592–1643; годы правления: 1626–1643). Она входит в колоссальный по объему корпус исторических хроник под названием «Дай цин ли чао ши-лу». Изучением данного корпуса хроник и периодом правления Абахая занимались отечественные ученые [Мелихов 1969], заложившие основы источниковедческого анализа цинских хроник; Б. Г. Доронин [1988, 2002], исследовавший жанровые особенности и эволюцию форм китайского официального историописания; Т. А. Пан [2006], проанализировавшая маньчжурские источники раннего периода. Данная историческая хроника состоит из 65 свитков (цзюаней) и основана на исторических документах, сохранившихся в государственных архивах первых императоров династии Цин.

Следует отметить, что Абахай, как и все его преемники, принимал традиционный высший монгольский титул – Богдыхан. Работа над данной официальной хроникой была начата в 1652 г. в период правления сына Абахая по имени Фулинь (годы жизни: 1638–1661; годы правления: 1643–1661). В 1683 г. в период правления внука Абахая по имени Канси (личное имя – Сюань, храмовое – Шэн-цзу; годы жизни: 1654–1722, годы правления: 1661–1722) была начата переработка текста сочинения, был внесен целый ряд изменений. В 1734 г. (эпоха императора Юнчжэна) хроника вновь подверглась переработке. Окончательный вариант был сформирован в 1735 г., который приходится на 1-й год правления праправнука Абахая по имени Цяньлун (годы жизни: 1711–1799; годы правления: 1735–1796).

Как известно, Абахай, сын обедневшего, но удачливого потомственного чжурчжэньского аристократа и военачальника Нурхацы, смог преумножить славу своего отца и расширил границы маньчжурской империи за счет южных и восточных монгольских ханств, а также северо-восточных пограничных земель Минской империи. Необходимо отметить, что вожди больших и малых оседлых чжурчжэньских племен позднего периода династии Мин проживали в укрепленных деревянных крепостях, вокруг которых располагались сельские поселения с зависимым от них местным населением [Мелихов 1969]. Совокупность всех объективных и субъективных факторов позволили Нурхацы в 1616 г. основать государство Поздняя Цзинь (后金, 1616–1635) со столицей Синцзин (первый крупный чжурчжэньский город-крепость Хэтуалла (赫图阿拉)). С помощью иероглифа *цзинь* 金 Нурхацы подчеркнул прямую политическую преемственность с исторически первой чжурчжэньской империей – династии Цзинь (金, 1115–1234), основанной за пять веков до Нурхацы чжурчжэньским племенным вождем по имени Агуда (храмовое имя Цзинь Тай-цзу; годы жизни: 1068–1123) и уничтоженное монгольской конницей Чингисхана в 1234 г.

Производство печатей восходит своими корнями к седой древности. Каждое племя в древние времена имело свой тотем – священное животное или растение, изображения которых наносились на разнообразные предметы и могло служить идентификатором принадлежности к той или иной этнической общности.

Маньчжурская империя была многонациональным государством. В ее состав входили маньчжуры, монголы и китайцы. В ранний период в сношениях с минским Китаем Абахай признавал зависимый статус маньчжурского государства. В отношениях с монголами проводил гибкий и двоякий курс – с монголами, помогавшими созданию Маньчжурской империи, заключал клятвенные союзы равных сторон, других – принуждал подчиниться маньчжурам. К числу главных монгольских соперников относился чахарский аристократ Лигдан-хан. Считалось, что у него была «печать Чингисхана», которая якобы давала высшее легитимное право на управление всеми монгольскими ханами и Китаем. В октябре 1628 г., встав во главе маньчжурских и союзных ему монгольских войск, Абахай выступил в поход на Лигдан-хана. Последний от прямого столкновения уклонился. В 1632 г. Абахай повторил поход, и снова Лигдан-хан уклонился от прямого сражения с маньчжурскими силами. Вскоре Лигдан-хан внезапно скончался, и все его владения перешли маньчжурам. Весной 1635 г. Абахай получил от сына Лигдан-хана Эдже «печать Чингисхана». Это была одна из печатей императоров династии Юань (1271–1368), сделанная из яшмы с надписью, начертанной древним почерком чжуань: «Императорская печать, удостоверяющая приказы». Получение печати было

истолковано как знамение Неба, означающее скорый переход Мандата Неба (кит. тянь мин) на управление Поднебесной от минских императоров к маньчжурским ханам [清朝太祖太宗世祖朝实录蒙古史料抄... 2001: 344–345].

Ниже мы приводим три фрагмента, относящихся к разным годам правления Абахая из «Цин шилу», в которых упоминаются казенные печати в различных контекстах, а также краткий анализ их содержания:

1. Фрагмент от 1633 г. (7-й год правления Абахая):

«Ранее [хан] отправил Джиргалан-нойона и Сахалян-нойона к внешним монголам с целью разбора судебных дел и установления порядка. Он передал с ними для Ашидархана письмо на 20 страницах с личной печатью. Ашидархан отдал письмо на хранение Нихану, тот в свою очередь – своему слуге. В результате было потеряно девять страниц. Это дело сначала было передано для разбирательства в государственную канцелярию, оттуда – в министерство работ. За небрежное хранение письма с ханской печатью Нихану было назначено 100 плетей, которые были заменены штрафом. Ашидархан также подвергся штрафу за передачу письма» [Дайчин улсын... 2013: 87].

Из данного фрагмента видно, что механизмы передачи и исполнения указов хана на тот момент еще не были до конца сформированы в обширной растущей империи Поздняя Цзинь, а Абахай применял карательные санкции против своих подчиненных за небрежное отношение к ханским письмам для монгольских вассалов.

2. Фрагмент от 1635 г. (9-й год правления Абахая, весна):

«Ранее монгол по имени Ян догнал на хребте Хинган и убил пятерых преступников из северных племен, убивших на дороге посла нашего государства. Одобрив его героический поступок, в тот день хан удостоил Яна титула дархан-хатун-багатура и вручил ему грамоту с печатью, согласно которой его не следует называть настоящим именем, в военном походе он имеет право следовать впереди, а в облавной охоте – в середине.

День белой лошади. В благодарность за благополучную доставку супруги чахарского хана хан наградил чахарского сановника Дони-хулуга лошадью в доспехах. Он наделил его титулом дурагал-дархан-нойона, вручив грамоту с печатью, согласно которой он получал право на суточное довольствие при передвижении в пределах государства, право в военном походе следовать впереди, в облавной охоте – в середине. Также он освобождался от повинности предоставлять подводу и довольствие из поколения в поколение. [Хан] повелел не называть его настоящим именем, нарушение повлечет наказание» [Там же: 121–122].

Из данного фрагмента видно, что маньчжурский хан Абахай щедро вознаграждал монгольских сановников и рядовых подданных за усердное исполнение поручений хана путем пожалования грамот с печатью, которая фактически свидетельствовала о вассальном статусе монголов, принимавших подобные милости и пожалования.

3. Фрагмент от 1635 г. (9-й год правления Абахая, зима):

«Хан передал Хаогэ подданных восьми рот, Абатаю – подданных трех рот. Также он раздал земельные угодья, имущество и скот. [Истинно] синее знамя он присоединил к высшему императорскому знамени, образовав из них два. Командиром [истинно] желтого знамени был назначен младший брат эрхин-гуна Янгури-эфу Тантай, командиром желтого с каймой знамени – турул-ун Байнту. Командир [истинно] синего знамени Ги-оро Сэлэ был понижен до дзанги фланга, заместителя Байнту. Когда произвели обыск в доме Мангултая, были обнаружены 16 деревянных печатей, которые оказались ханскими печатями империи Цзинь» [Там же: 140–141].

В данном фрагменте хроники очень кратко приведен довольно интересный эпизод с обнаружением 16 деревянных печатей эпохи Золотой империи Цзинь (1115–1234) у маньчжурского аристократа и военачальника по имени Мангултай, который приходился Абахаю сводным братом и был обвинен в покушении на высшую власть в Поздней Цзинь. Интересно, что упомянутые печати эпохи Цзинь, которым было тогда уже около пяти веков, были сделаны из дерева, а не из камня или железа, несмотря на то что это были личные печати чжурчжэньского хана.

В связи с этим уместно привести фрагмент о чжурчжэньских печатях из исторической хроники о династии Цзинь под названием «История золотой империи» (запись

от 1214 г.): «В седьмой месяц государь Сюань-цзун утвердил печати: для чиновников шу-ми-юань – с изображением оленя, для чиновников сюань-фу-сы – с изображением рыбы; для тун-цзюнь-сы – с изображением тигра» [История Золотой империи 1998: 347]. Упомянутый здесь Сюань-цзун (宣宗) был 8-м по счету из 12 императором чжурчжэньской династии Цзинь (чжурчжэньское имя – Ваньянь Сюнь; годы правления: 1213–1223). Что касается изображений животных на печатах, то, скорее всего, данный факт связан с традицией тотемных животных чжурчжэньских племен.

Из всех вышеприведенных фрагментов видно, что Абахай хорошо понимал важность оформления формально-юридической стороны всех сфер государственного управления разнородным по своему этнокультурному составу населением создаваемой империи. Можно сказать, что внедрение стройной системы официальных казенных печатей стало важнейшим инструментом «мягкой силы» маньчжурской этнической элиты по отношению ко всем покоренным народам. Оттиск ханской печати на государственном документе служил визуальным воплощением могущества молодого государства. Казенные печати прилагались к пожалованным грамотам и считались атрибутом государственной власти маньчжурского монарха и символом высшей власти сюзерена.

Таким образом, анализ раннего периода развития Маньчжурской империи, а также выдержки из исторической хроники «Дай Цин Тайцзун шилу» позволяют сделать вывод: широкое использование печатей свидетельствует о высоком уровне культуры делопроизводства и документооборота и динамичном развитии культурно-политических и экономических отношений с соседними народами и государствами. Несмотря на острую борьбу с соседними восточномонгольскими ханствами и китайским государством, первые маньчжурские монархи обращали пристальное внимание на создание системы государственных казенных печатей, закладывая тем самым основы маньчжурской государственности на покоренных территориях.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Литература

- Доронин Б. Г. Китай XVII–XVIII веков. Проблемы историографии и источниковедения: учеб. пособие / Б. Г. Доронин. – Л., 1988. – 177 с.
- Доронин Б. Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. Отечественные исследования / Б. Г. Доронин. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. – 388 с.
- История Золотой империи / пер. Г. М. Розова; коммент. А. Г. Малявкина. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 288 с.
- Кузнецов В. С. Нурхац / В. С. Кузнецов. – Новосибирск: Наука, 1985. – 188 с.
- Кузнецов В. С. От стен Новой столицы до Великой стены / В. С. Кузнецов. – Новосибирск: Наука, 1987. – 176 с.
- Кычанов Е. И. Абахай / Е. И. Кычанов. – Новосибирск: Наука, 1986. – 149 с.
- Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). Сер. Nomadica / Е. И. Кычанов. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. – 363 с.
- Мелихов Г. В. «Да Цин личао шилу» как исторический источник / Г. В. Мелихов // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: проблемы истории и экономики. – М., 1969. – С. 68–79.
- Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. / Т. А. Пан; отв. ред. Е. И. Кычанов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 228 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Феодалные титулы в памятнике монгольского права XVIII в. «Халха джирум» [Электронный ресурс] // Проблемы востоковедения. – 2011. – № 3(53). – С. 62–66. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/feodalnye-tituly-v-pamyatnike-mongolskogo-prava-xviii-v-halha-dzhirum> (дата обращения: 14.10.2019).

Biggerstuff K. Some Notes on the Tung-hua lu and the Shih-lu / K. Biggerstuff // Harvard Journal of Asiatic studies. – 1938. – No. 3. – P. 296–297.

Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the first Half of the Ch'ing Dynasty / S. M. Grupper // The Journal of the Tibet Society. – 1984. – Vol. 4. – P. 47–76.

Дайчин улсын монголын магад хууль (Правдивые записи о монголах Цинской империи): в 6 т. Т. 1. – Хух-Хото: Изд-во просвещения Внутренней Монголии, 2013. – 1236 с.

Се Гуйань. «Цин шилу» янцзю (Исследования по «Правдивым записям династии Цин») / Гуйань Се. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2013. – 705 с.

清朝太祖太宗世祖朝实录蒙古史史料抄 – 乾隆本康熙本比较 / сост.: Ц. Цимудэаоэрги, Багэньна. – Хух-Хото: Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2001. – 884 с. – (清实录蒙古史史料抄 = Сборники исторических материалов по истории монголов династии Цин).

References

Doronin B. G. Kitaj XVII–XVIII vekov. Problemy istoriografii i istochnikovedeniya: ucheb. posobie / B. G. Doronin. – L., 1988. – 177 s.

Doronin B. G. Istoriografiya imperatorskogo Kitaya XVII–XVIII vv. Otechestvennye issledovaniya / B. G. Doronin. – SPb.: Filol. fak-t SPBGU, 2002. – 388 s.

Istoriya Zolotoj imperii / per. G. M. Rozova; komment. A. G. Malyavkina. – Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. – 288 s.

Kuznecov V. S. Nurhaci / V. S. Kuznecov. – Novosibirsk: Nauka, 1985. – 188 s.

Kuznecov B. C. Ot sten Novoj stolicy do Velikoj steny / V. S. Kuznecov. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 176 s.

Kychanov E. I. Abahaj / E. I. Kychanov. – Novosibirsk: Nauka, 1986. – 149 s.

Kychanov E. I. Istoriya prigranichnyh s Kitaem drevnih i srednevekovyh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov). Ser. Nomadica / E. I. Kychanov. – SPb.: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010. – 363 s.

Melihov G. V. «Da Cin lichao shilu» kak istoricheskij istochnik / G. V. Melihov // Strany Dal'nego Vostoka i Yugo-Vostochnoj Azii: problemy istorii i ekonomiki. – M., 1969. – S. 68–79.

Pan T. A. Man'chzhurskie pis'mennye pamyatniki po istorii i kul'ture imperii Cin XVII–XVIII vv. / T. A. Pan; otv. red. E. I. Kychanov. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. – 228 s.

Pyrbeev G. C. Feodal'nye tituly v pamyatnike mongol'skogo prava XVIII v. «Halha dzhirum» [Elektronnyj resurs] // Problemy vostokovedeniya. – 2011. – № 3(53). – S. 62–66. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/feodalnye-tituly-v-pamyatnike-mongolskogo-prava-xviii-v-halha-dzhirum> (data obrashcheniya: 14.10.2019).

Biggerstuff K. Some Notes on the Tung-hua lu and the Shih-lu / K. Biggerstuff // Harvard Journal of Asiatic studies. – 1938. – No. 3. – P. 296–297.

Grupper S. M. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the first Half of the Ch'ing Dynasty / S. M. Grupper // The Journal of the Tibet Society. – 1984. – Vol. 4. – P. 47–76.

Дайчин улсын монголын магад хууль (Правдивые записи о монголах Цинской империи): в 6 т. Т. 1. – Хух-Хото: Изд-во просвещения Внутренней Монголии, 2013. – 1236 с.

Се Гуйань. «Цин шилу» ян'чзю (Исследования по «Правдивым записям династии Цин») / Гуйань Се. – Шанхай: Шанхай гуцзи чубан'ше, 2013. – 705 с.

清朝太祖太宗世祖朝实录蒙古史史料抄 – 乾隆本康熙本比较 / сост.: Ц. Цимудэаоэрги, Багэньна. – Хух-Хото: Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2001. – 884 с. – (清实录蒙古史史料抄 = Sborniki istoricheskikh materialov po istorii mongolov dinastii Cin).

УДК 61(091)
ББК Pr(2)120
DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-132-136

Р. А. Фандо, Г. И. Любина

МЕДИЦИНСКАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ТРУДЫ ТРОИЦКОСАВСКО-КЯХТИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА». Ч. I

В статье рассмотрены публикации на медицинскую тематику, вошедшие в «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения ИРГО», издававшиеся с 1898 по 1912 г. Редактором и составителем журнала долгое время был Ю. Д. Талько-Грынцевич, глава ТКО, окружной врач Троицкосавска. На его страницах публиковались материалы по эпидемиологии чумы, гигиене, медицинской статистике, бальнеологии, народной медицине.

Ключевые слова: история медицины, «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО», санитарное просвещение.

R. A. Fando, G. I. Lubina

MEDICAL TOPICS ON THE PAGES OF THE JOURNAL
“PROCEEDINGS OF THE TROITSKOSAVSK AND KYAKHTA
BRANCH OF THE IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL
SOCIETY”. PART I

This article examines medical publications included in the “Proceedings of the Troitskosavsk and Kyakhta Branch of the IRGO” published from 1898 to 1912. The journal’s editor and compiler for many years was Yu. D. Talko-Gryntsevich, head of the Troitskosavsk and Kyakhta Branch (TKO) and district physician of Troitskosavsk. The journal published materials on plague epidemiology, hygiene, medical statistics, balneology, and traditional medicine.

Keywords: history of medicine, “Proceedings of the Troitskosavsk and Kyakhta Branch of the Russian Geographical Society”, health education.

В последней трети XIX в. под влиянием либеральных реформ 1860-х гг., особенно земской реформы 1864 г., открывших возможности для реализации инициатив органов местного самоуправления, в Российской империи развернулось широкое движение за создание системы общественной (земской) медицины для преимущественно сельского населения. Становление и развитие земской медицины последней трети XIX в. рассматривались отечественными [Киценко 2021; Данилов 2023] и зарубежными исследователями [Frieden 1981; Hutchinson 1990].

В Сибири развитие общественной медицины во многом зависело от задач колонизации территории, интеграции ее в общероссийское пространство. В Забайкалье из-за близости государственной границы и перспективности разработки горнорудных богатств в районе Нерчинска в последней трети XVIII в. появились первые медицинские пункты, обслуживающие специалистов военного и горного ведомств, тогда же силами государственных служащих и врачей было введено обязательное оспопрививание.

В далеком от промышленных центров Троицкосавске-Кяхте [1] зачатки общественной медицины пришли вместе с оспопрививанием и созданием в марте 1784 г. в Иркутске Приказа общественного призрения. В 1820 г. в Троицкосавске была открыта

ФАНДО Роман Алексеевич – доктор исторических наук, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (г. Москва, Россия). E-mail: fando@mail.ru.

ЛЮБИНА Галина Ивановна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (г. Москва, Россия). E-mail: g.lubina2011@yandex.ru.

гражданская больница. Здесь работало 5 врачей, но акушерок не было, роженицы часто помещались рядом с инфекционными больными. Высокая плата за лечение, малое количество коечных мест, равно как и обслуживающих специалистов, ограничивали доступность медицинской помощи [Батоев, Киселев 2018; Батоев 2018]. Другой причиной низкого охвата врачебной помощью коренных жителей являлся высокий авторитет в регионе тибетской медицины [Башкуев 2016].

С 1870-х гг. начал работу Верхнеудинский окружной Комитет общественного здравия – первый официальный орган санитарно-эпидемического контроля в Западном Забайкалье. Одной из его главных задач стало информирование местных органов самоуправления о вспышках эпидемий в регионе [Там же]. Троицкосавск и Кяхта к этому времени накопили уже некоторый потенциал для дальнейшего развития общественной медицины. Выгодное географическое положение назначило им место ворот на пути из Европы в Азию и обратно, обеспечило притяжение сюда путешественников, исследователей, военных, купцов, предпринимателей, создало определенный культурный и деловой ореол вокруг этой удаленной окраины России [Паликова 2014; Базаров 2025].

В 1851 г. было создано Кяхтинское градоначальство, включавшее Троицкосавск и его слободы Кяхту и Усть-Кяхту. В 1863 г. оно было упразднено, а его земли вошли в состав Забайкальской области, административным центром которой стала Чита. Городская дума и управа получили свободу распоряжаться местными ресурсами на нужды просвещения, здравоохранения, культуры, городского благоустройства, общественного призрения, ей дано было право изыскивать дополнительные источники финансирования в добавление к скудным государственным субсидиям [Катцина 2024].

Жители Кяхты связывали введение местного самоуправления с колонизационной политикой генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Для кяхтинцев он стал знаковой фигурой. Во время Крымской войны кяхтинские купцы оплатили сплав забайкальских казаков по Амуру для защиты дальневосточных рубежей России. В отличие от петербургских «порциателей» графа, инициировавших его почетную отставку, кяхтинцы дали высокую оценку его деятельности в Сибири и вкладу в распространение влияния России на Дальнем Востоке и экономическое развитие всего обширного региона. Губернатор неоднократно бывал в Троицкосавске-Кяхте. Местное купечество было ему благодарно за введение «градоначалия» и новых правил торговли чаем, исключавшим монополию крупных торговцев [Лушников 1901].

Добрую память о себе оставил в Троицкосавске и градоначальник А. И. Деспот-Зенович (1859–1860), впоследствии крупный государственный деятель, разработавший систему административного устройства Сибири. Он начал служебную карьеру в Троицкосавске как пограничный комиссар, тогда он был патроном хора певчих местной церкви, содержавшегося за счет купечества [Белокрыс 1999]. Деспот-Зенович озаменовал свою деятельность тем, что в 1860 г. открыл женскую прогимназию и создал первую печатную газету Забайкалья «Кяхтинский листок» (1862), правда, продержавшуюся сравнительно недолго (около 5 месяцев) [Петряев 1963]. Он одним из первых задал тон культурному развитию Троицкосавска [II].

Деловая репутация Троицкосавска-Кяхты привлекала сюда много образованных людей. Прежде всего это были выходцы из местного купечества. Наиболее многочисленную группу среди грамотных жителей города составляли представители первого и второго поколения этого сословия. Они лично присутствовали на культурных мероприятиях и оказывали щедрое пожертвования на различные нужды. Культурную среду города поддерживали государственные служащие, представители интеллектуальных профессий: учителя, врачи, статистики, агрономы, лесники, юристы. Своеобразную, хотя и немногочисленную группу составляли сотрудники военно-дипломатического корпуса: пограничные комиссары, консулы и их помощники, переводчики восточных языков, представлявшие Российскую империю в Монголии и Маньчжурии.

Было еще одно обстоятельство, которое сыграло на пользу Троицкосавска-Кяхты. Близость мест каторги и ссылки, традиционно считавшихся страшной «язвой» на теле Сибири, неожиданно обернулась для региона положительной стороной. Значительный

вклад в развитие поселения внесли бывшие политические ссыльные – от декабристов до народников и народовольцев. Многие из них были крупными учеными и культурными деятелями Сибири. Так, Н. М. Ядринцев, Д. А. Клеменц, Н. А. Чарушин, Г. Н. Потанин подготовили общественное мнение к мысли о необходимости устроить в городе музей и вместе с местными волонтерами заложили основу первых коллекций. Удивительно, что Кяхта и ее окрестности, принимавшие многих знаменитых путешественников, к концу XIX в. оставались все еще неизученными.

Именно поэтому, когда по предложению Приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского был создан Приамурский отдел Императорского Русского географического общества (ИРГО) с центром в Хабаровске, местом базирования одного из его отделений стали Троицкосавск-Кяхта [III]. 13 июня 1894 г. в присутствии большого числа ликующих граждан было объявлено об открытии Троицкосавско-Кяхтинского отделения (ТКО) Приамурского отдела ИРГО. Выступая на церемонии открытия, окружной врач Ю. Д. Талько-Грынцевич определил основные цели отделения. Он считал, что Кяхта, служившая долгое время общеевропейским торговым центром, должна стать форпостом, «научной станцией» мирового значения для изучения Востока, местом хранения естественнонаучных коллекций и пунктом непрерывных наблюдений за постоянно живущими здесь людьми. Он поставил перед членами общества задачу собирать новый материал и проводить добросовестные наблюдения, а описание, систематизацию и интерпретацию собранного предоставлять специалистам-профессионалам. Широкий устав ИРГО давал членам общества такие возможности [Гродеков 1894: 3]. Тогда же был избран правитель дел ТКО, им стал Ю. Д. Талько-Грынцевич, и назначен коллегиальный орган управления – распорядительный комитет.

Юлиан Доменикович Талько-Грынцевич (1850–1936) – практикующий врач и крупный ученый-антрополог, археолог, этнолог. В азиатской части России он встретил своих земляков, ссыльных поляков, участников восстания 1863 г., многие из которых внесли весомый вклад в изучение физической географии Сибири, о чем он напомнил при открытии ТКО. Сам же он приехал в Троицкосавск по доброй воле. Здесь он решил изучить антропологию современных и доисторических жителей Забайкалья с целью сравнить полученные результаты с аналогичными наблюдениями в западных областях европейской части России, особенно в г. Звенигородке Киевской губернии, где он проработал врачом около 15 лет (1876–1891), отвлекаясь только на занятия в лабораториях Парижа, Вены и других центров западноевропейской науки.

Забайкалью он отдал 16 лет жизни (1892–1908), из них 14 посвятил руководству ТКО. Он стал душой общества, благодаря ему оно, будучи наиболее молодым в системе отделений ИРГО, за сравнительно короткий срок стало одним из самых процветающих во всей Сибири. Талько-Грынцевич был неизменным редактором и плодотворным автором печатного издания «Трудов ТКО» – авторитетного журнала, пользовавшегося широкой известностью в России и за рубежом. По подсчетам биографа польского ученого Н. В. Эйльбарт, из 40 работ, напечатанных им на русском языке, 23, включая годовичные отчеты отделения, были опубликованы в «Трудах ТКО». Всего же забайкальской тематике он посвятил около 300 статей [2003: 155–156].

В пору руководства Талько-Грынцевича лица, призванные обслуживать медицинские потребности территории, были представлены в составе ТКО довольно скромно: врач Троицкосавской городской больницы И. Н. Шамаков, заведующий кяхтинской общественной аптекой, провизор И. И. Фриман (скончался в 1894 г.), железнодорожный врач ст. Боготол Сибирской железной дороги И. П. Михайловский, ветеринарные врачи А. А. Дудукалов и А. П. Свечников. Это те медики, деятельность которых отразилась в хрониках и публикациях ТКО. На самом деле их было немного больше, особенно если принять во внимание слободы Троицкосавска. При своей малочисленности это была наиболее образованная среди грамотного городского населения группа.

Профессиональная причастность Ю. Д. Талько-Грынцевича к проблемам здравоохранения и медицины, злободневность контроля за соблюдением санитарно-гигиенических норм для предотвращения эпидемий среди населения и поголовья скота способствовали тому, что эта тема нашла заметное развитие на страницах «Трудов ТКО». По-

мимо действительного положения дел, довольно незавидного с точки зрения санитарии, здесь обсуждались уже вполне реальные вещи: развитие водолечения и применение методов восточной медицины, внедрение превентивной вакцинации скота для предотвращения эпидемий. Кроме статей на злобу дня Ю. Д. Талько-Грынцевич публиковал свои научные наблюдения об антропологических и физиологических особенностях коренных народностей Забайкалья и Центральной Азии.

Статья выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансляция и модернизация буддизма в контексте его единства и разнообразия в России, странах Восточной и Внутренней Азии») № 126020516675-9.

Примечания

I. В исторической памяти более известна Кяхта – торговая слобода, находившаяся в 4 км от уездного города Троицкосавска. В советское время оба поселения слились в 1934 г. и получили название г. Кяхты.

II. А. И. Деспот-Зенович оказался в числе почетных членов ТКО, избранных при открытии отделения в 1894 г., избрание оказалось практически посмертным (скончался в апреле (мае) того же года).

III. В жизни ТКО сложилось так, что его музей находился в Кяхте в ветхом двухэтажном каменном здании, подаренном купцом А. Д. Старцевым, а основная часть членов отделения и грамотного населения проживала в Троицкосавске, там же в съемных помещениях проходили его собрания.

Литература

Базаров А. Б. Русско-китайская торговля через Кяхту: экономические аспекты взаимодействия XVIII – начала XX в. / А. Б. Базаров // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2025. – № 1(57). – С. 65–71.

Батоев С. Д. Начало институционализации здравоохранения Забайкалья в дореволюционный период / С. Д. Батоев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 54. – С. 5–9.

Батоев С. Д. Особенности зарождения основ здравоохранения в Забайкалье в период XVIII – первой половине XIX вв. (историко-экономический аспект) / С. Д. Батоев, А. С. Киселев // Проблемы современной экономики. – 2018. – № 2(66). – С. 271–274.

Башкуев В. Ю. Формирование российской государственной медицины и статус традиционных практик врачевания кочевых народов Центральной и Внутренней Азии (XVIII – начало XX в.) / В. Ю. Башкуев // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2016. – № 4(24). – С. 38–48.

Белокрыс М. А. Хоровая песнь генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому. К 140-летию подписания Айгунского трактата / М. А. Белокрыс // Вестник Омского государственного университета. – 1999. – № 2. – С. 122–127.

Гродеков Н. И. Об открытии Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества / Н. И. Гродеков. – Иркутск: Типолит. К. И. Витковского, 1894. – 27 с.

Данилов Е. В. Земская медицина и обращаемость за медицинской помощью в конце XIX века / Е. В. Данилов // Вестник Пермского университета. История. – 2023. – № 4(63). – С. 148–160.

Катцина Т. А. Стратегии формирования системной помощи населению Восточной Сибири (декабрь 1784 – январь 1920 г.). / Т. А. Катцина. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. – 372 с.

Киценко О. С. Земская медицина в борьбе с эпидемией холеры 1892 г. (на материалах Саратовской губернии) / О. С. Киценко // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. – 2021. – № 4. – С. 98–103.

Лушников А. А. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский по отношению к Кяхте / А. А. Лушников // Труды ТКО. – 1901. – Т. IV. – Вып. 2. – С. 24–31.

Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX начала XX вв.: источники и историография / Т. В. Паликова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. – 328 с.

Петряев Е. Д. Кяхтинский листок. К столетию первой забайкальской газеты / Е. Д. Петряев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 26 с.

Эйльбарт Н. В. Юлиан Доменикович Талько-Грынцевич – исследователь Забайкалья. 1850–1936 / Н. В. Эйльбарт. – М.: Наука, 2003. – 167 с.

Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905 / N. M. Frieden. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. – 398 p.

Hutchinson J. F. Politics and public health in revolutionary Russia, 1890–1918 / J. F. Hutchinson. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990. – 253 p.

References

Bazarov A. B. Russko-kitajskaya trgovlya cherez Kyahtu: ekonomicheskie aspekty vzaimodejstviya XVIII – nachala XX v. / A. B. Bazarov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2025. – № 1(57). – S. 65–71.

Batoev S. D. Nachalo institucionalizacii zdravoohraneniya Zabajkal'ya v dorevolucionnyj period / S. D. Batoev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2018. – № 54. – S. 5–9.

Batoev S. D. Osobennosti zarozhdeniya osnov zdravoohraneniya v Zabajkal'e v period XVIII – pervoj polovine XIX vv. (istoriko-ekonomicheskij aspekt) / S. D. Batoev, A. S. Kiselev // Problemy sovremennoj ekonomiki. – 2018. – № 2(66). – S. 271–274.

Bashkuev V. Yu. Formirovanie rossijskoj gosudarstvennoj mediciny i status tradicionnyh praktik vrachevaniya kochevyh narodov Central'noj i Vnutrennej Azii (XVIII – nachalo XX v.) / V. Yu. Bashkuev // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2016. – № 4(24). – S. 38–48.

Belokrys M. A. Horovaya pesn' general-gubernatoru Vostochnoj Sibiri N. N. Murav'evu-Amurskomu. K 140-letiyu podpisaniya Ajgun'skogo traktata / M. A. Belokrys // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. – 1999. – № 2. – S. 122–127.

Grodekov N. I. Ob otkrytii Troickosavsko-Kyahtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva / N. I. Grodekov. – Irkutsk: Tipo-lit. K. I. Vitkovskogo, 1894. – 27 s.

Danilov E. V. Zemskaya medicina i obrashchaemost' za medicinskoj pomoshch'yu v konce XIX veka / E. V. Danilov // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. – 2023. – № 4(63). – S. 148–160.

Katcina T. A. Strategii formirovaniya sistemnoj pomoshchi naseleniyu Vostochnoj Sibiri (dekabr' 1784 – yanvar' 1920 g.). / T. A. Katcina. – Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2024. – 372 s.

Kicenko O. S. Zemskaya medicina v bor'be s epidemiej holery 1892 g. (na materialah Saratovskoj gubernii) / O. S. Kicenko // Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko. – 2021. – № 4. – S. 98–103.

Lushnikov A. A. Graf N. N. Murav'ev-Amurskij po otnosheniyu k Kyahte / A. A. Lushnikov // Trudy TKO. – 1901. – T. IV. – Vyp. 2. – S. 24–31.

Palikova T. V. Goroda Zabajkal'ya vtoroj poloviny XIX nachala XX vv.: istochniki i istoriografiya / T. V. Palikova. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. – 328 с.

Petryaev E. D. Kyahtinskij listok. K stoletiyu pervoj zabajkal'skoj gazety / E. D. Petryaev. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 26 с.

Ejl'bart N. V. Yulian Domenikovich Tal'ko-Gryncevich – issledovatel' Zabajkal'ya. 1850–1936 / N. V. Ejl'bart. – М.: Наука, 2003. – 167 с.

Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905 / N. M. Frieden. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. – 398 p.

Hutchinson J. F. Politics and public health in revolutionary Russia, 1890–1918 / J. F. Hutchinson. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990. – 253 p.

УДК 94(47+57)

ББК 63.2+63.3(2)722

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-137-143

А. В. Пашинин

64-я ГВАРДЕЙСКАЯ СРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассмотрены источниковедческие возможности и особенности общедоступных архивных документов Центрального архива МО РФ по восстановлению боевого пути в 1942–1945 гг. стрелковой дивизии, имеющей в своем составе в том числе и призывников субъектов Байкальского региона: Иркутской области, Забайкальского края (Читинской области) и Республики Бурятия (Бурят-Монгольской АССР).

Ключевые слова: призывники, источниковедческий потенциал, боевой путь, общедоступный электронный банк данных.

A. V. Pashinin

64TH GUARDS RIFLE DIVISION: A SOURCE ANALYSIS

The article considers the source-study capabilities and features of publicly available archival documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation for the restoration of the combat path in 1942–1945 of the rifle division, which includes conscripts of the subjects of the Baikal region: Irkutsk Oblast, Zabaikalsky Krai (Chita region) and the Republic of Buryatia (Buryat-Mongolian ASSR).

Ключевые слова: conscripts, source potential, combat path, electronic databases.

Объект исследования – 853 призывника 64-й гвардейской стрелковой дивизии (до 19 января 1943 г. – 327-й стрелковой дивизии 1-го формирования) из Читинской (272 чел.), Иркутской областей (391 чел.) и Бурят-Монгольской АССР (190 чел.).

В Великой Отечественной войне дивизия воевала в период 1942–1945 гг. в оборонительных и наступательных боевых сражениях на территории Ленинградской области, Эстонской и Латвийской ССР.

В исследованиях, непосредственно касающихся в т. ч. боевого пути дивизии, принимали участие Б. И. Гаврилов [2006], С. С. Гагарин [1991], А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев и др. [Непокоренный Ленинград... 1970], Г. К. Жуков [1986], А. П. Крюковских [1995], В. В. Лохов [2015], А. В. Пашинин [2013] и В. Ю. Колесов [Пашинин, Колесов 2017], И. М. Чистяков [1985], Г. А. Шигин [2004] и др.

Предмет изучения – документальные материалы в отношении призывников Байкальского региона, воевавших в годы Великой Отечественной войны в составе указанной воинской части в 1941–1945 гг.

Цель исследования – поиск, выявление и анализ архивных и прочих источников, для реализации которой ставились следующие задачи:

1) установить источниковедческий потенциал архивных и ранее опубликованных документов в отношении сражавшихся в составе указанного воинского соединения;

2) осуществить систематизацию и выявить репрезентативность источников с применением компаративистского, типологического, системного и других методов исследования;

3) восстановить боевой путь гвардейской стрелковой дивизии с момента ее создания на основе обнаруженных, систематизированных и исследованных документальных архивных и прочих источников.

Хронологические рамки исследования в основном охватывают события периода Великой Отечественной войны. Территориальные рамки включают в себя только те на-

ПАШИНИН Александр Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: a.v.pashinin@yandex.ru

селенные пункты, которые входили в административно-территориальный состав трех регионов по состоянию на 1941–1945 гг., в т. ч. несколько районов Читинской области, ныне значащихся в Амурской области.

Источниковедческая база, главным образом, представлена обширным и комплексным массивом различных видов источников из личных архивов населения Забайкальского края, Иркутской области и Республики Бурятия, а также официальных интернет-сайтов Министерства обороны РФ – общедоступных электронных банков данных (ОБД) «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа». Для получения новых и перепроверки имеющихся сведений применялись дополнительно и специализированные региональные и общероссийские сайты «Бессмертного полка», «Дорога памяти» и «Помни меня» [Пашинин: 2013: 129–131; Пашинин, Колесов 2017: 40–54].

В настоящем исследовании использовались следующие документальные материалы (изложены в алфавитном порядке):

1) 115 актов 1942–1946 гг. (4,5 % от общего количества): а) 5 медицинских подразделений (в т. ч. 61-го ветеринарного лазарета 64-й гв. СД) – 5 актов; б) 1 хлебопекарни 64-й гв. СД – 1; в) 2 дивизионов (в т. ч. 70-го гв. ОИПТДН 64-й гв. СД) – 3; г) 3 рот 64-й гв. СД (92-й связи, 65-й разведывательной, 66-й автомобильной) – 6; д) 7 батальонов (в т. ч. отд. лыжного и 75-го отд. гв. саперного 64-й гв. СД) – 7; е) 38 полков (стрелковые (в т. ч. 191-го, 194-го и 137-го гв. СП 64-й гв. СД), артиллерийские (в т. ч. 134-го гв. АртП 64-й гв. СД), минометный) – 60; ж) 1-й стрелковой бригады – 1; з) 4 стрелковых дивизий (в т. ч. 64-й гв. СД) – 5; и) 3 армий – 4; к) 1 фронта – 1; л) 1 училища – 1; м) 15 военкоматов из Иркутской области (Аларский, Балаганский, Боханский, Братский, Жигаловский, Сталинский г. Иркутск, Качугский, Нижнеилимский, Нижнеудинский, Ольхонский, Тулунский, Усольский, Усть-Ордынский, Усть-Удинский, Черемховский) – 21 акт;

2) 13 анкет розыска (участника войны, розыска и на семью, получающую пособие) и подтверждения вхождения в состав армии 1946–1980 гг. 11 военкоматов (Алтайский край – 1; Бурятская АССР – 2; области: Амурская – 1, Иркутская – 3, Ленинградская – 1, Читинская – 3 военкомата);

3) 1 билет военный;

4) 2 боевых пути 2 армий 1944–1945 гг.;

5) 1 дело описи истории болезни 1 медицинского подразделения;

6) 204 донесения (о безвозвратных потерях) 1941–2011 гг. (8 % от общего количества): а) 10 медицинских подразделений (в т. ч. 68-го ОМСБ 64-й гв. СД) – 16 донесений; б) 1 армейской роты – 1; в) отд. учебного батальона 64-й гв. СД – 1; г) 6 полков (стрелковые, истребительно-противотанковый, воздушно-десантный) – 20 (в т. ч. 191-, 194- и 197-го – 17); д) 2 бригад (стрелковая, танковая) – 2; е) 30 дивизий (стрелковые) – 109 (в т. ч. 64-й гв. СД – 67); ж) 11 армий (общевойсковые) – 19 (в т. ч. 2-й уд. – 5, 8-й – 4, 67-й – 2); з) 1 флота (Балтийский) – 1; и) 4 фронтов – 7 (в т. ч. Волховского и Ленинградского – 5); к) 3 военных округов (Архангельский, Белорусский, Ленинградский) – 4; л) ВС СССР (ГПУ, НКО, 77628-й в/ч п/п) – 7; м) 12 военкоматов из БМАССР (Заиграевский), Красноярского края; областей: Амурской, Иркутской (ОВК, Сталинский г. Иркутск, Ольхонский), Ленинградской, Пермской, Читинской (Читинский ОВК, Карымский, Сретенский) – 17 донесений;

7) 71 журнал боевых действий (выписка из них) 1942–1945 гг. (2,8 % от общего количества): а) 64-й гв. СД – 6 журналов (в т. ч. 134-го гв. АртП – 4); б) 1-го стрелкового корпуса (30-го гв.) – 6; в) 6 армий – 23 (2-й уд. – 5, 6-й гв. – 3, 8-й – 7, 21-й – 3, 42-й – 3, 67-й – 2); г) 3 фронтов – 36 (Волховского – 14, Ленинградского – 21, 2-го Прибалтийского – 1 журнал);

8) 19 запросов 1946–1960 гг. НКО/МО СССР и 14-ти РВК из: Адыгейской республики, БМАССР – 3 РВК (Джидинский, Кяхтинский, Селенгинский); областей: Иркутской – 6 РВК (Бодайбинский, Жигаловский, Качугский, Осинский, Слюдянский, Усть-Ордынский), Читинской – 4 РВК (Акшинский, Газимуро-Заводской, Красночикийский, Кыринский);

9) 1 заявление родственника 1944 г.;

10) 44 извещения (их копии) 1943–1947 гг.: а) подразделений 64-й гв. (327-й) СД (65-й гв. разведроты, 68-го ОМСБ, 191-го гв. СП, 194-го гв. СП, 197-го гв. СП, 894-го АртП, штаба 64-й гв. СД) – 38; б) 2 стрелковых полков – 2; в) 1 в/ч п/п – 1; г) НКО СССР – 2; д) РВК Татарской АССР – 1;

11) 25 информации 1942–1956 гг.: а) 2 батальонов выздоравливающих – 2; б) 4 госпиталей – 4; в) 4 стрелковых полков – 7 (в т. ч. 197-го гв. СП 64-й гв. СД – 1); г) 2 стрелковых дивизий – 2; д) 1 морского флота – 1; е) 1 в/ч п/п – 1; ж) 1 фронта (Ленинградского) – 1; з) 1 военно-пехотного училища – 1; и) 1 ВПП – 1; к) 1 РВК Татарской АССР – 1; л) НКО/ГУК МО СССР – 4;

12) 5 картотек 1941–1945 гг.: политработников/политруков, учетно-послужная, личных дел, ранений и больных (с карточками на раненых и статкартами на умерших), моряков;

13) 170 карточек 1942–1973 гг. (6,6 % от общего количества): а) учета воинских захоронений – 59 (области: Вологодская, Воронежская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская; Белоруссия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Эстония); б) статистические и учета раненых ГВМСУ НКО (МО СССР) – 94; в) учета погибших и участников войны – 16 карточек 16 РВК (Бурятской АССР (Кабанский, Прибайкальский); областей: Амурской, Иркутской (Голуметский, Зиминский, Качугский, Слюдянский, Черемховский), Ленинградской, Читинской (Балейский, Приаргунский, Калганский, Кыринский, Черновский), Украинской ССР); г) на советского военнопленного – 1;

14) 270 карт 1941–1990 гг. (алфавитные, учетно-регистрационные, на погибшего воина Советской армии) (10,6 % от общего количества): а) 7 ВПП (Волховский, Горьковский, Ивановский, Ижевский, Кировский, Ленинградский (251 карта), Молотовский, Челябинский) – 17; б) 1 стрелковой бригады – 1; в) МО СССР – 1;

15) 68 книг 1942–1945 гг.: а) алфавитные, погребения, протоколов вскрытия учета погибших (умерших, захороненных, кремированных, пропавших без вести) воинов 15 медицинских подразделений (эвакуационных пунктов, медицинских батальонов и госпиталей (в т. ч. 68-го (574-го) ОМСБ 64-й гв. СД), 19 воинских подразделений (в т. ч. 75-го гв. сап. батальона 64-й гв. СД), 16 стрелковых и артиллерийского полков (в т. ч. 134-го гв. АртП, 191-, 194- и 197-го гв. СП 64-й гв. СД), 2 стрелковых дивизий (в т. ч. штаба 64-й гв. СД)), 2 РВК Ленинградской обл.) – 36 книг; б) прибывших и призванных из 23 запасных и учебных стрелковых полков, 1 стрелковой дивизии, 1 армии, 1 военного округа (Ленинградский), 5 военно-пропускных пунктов (Красноярский, Московский, Пензенский, Ташкентский, Томский) – 32;

16) 100 Книг памяти и томов КП 1990–2021 гг. (3,9 % от общего количества): а) 32 регионов и субъектов РФ (края: Алтайский, Забайкальский – 9 книг, Красноярский, Приморский, Хабаровский; области: Амурская, Воронежская, Иркутская – 16, Калининградская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Саратовская, Свердловская, Тамбовская, Челябинская; республики: Башкортостан, Бурятия – 15, Коми, Мордовия, Татарстан) – 96; б) погибших воинов-евреев – 1; в) 2 фондов ветеранов дипломатической службы России («Латвия», «Эстония») – 2; г) Украины (Черниговская обл.) – 1;

17) 2 купона (осведомительные учета раненых и больных);

18) 80 листов 1943–1945 гг. (учетно-послужные): 36-й ЗСД – 2, МО СССР – 77, Московского ВПП – 1;

19) 289 наградных листов 1942–1949 гг. (11,3 % от общего количества): а) 22 должностных лиц и подразделений 64-й гв. СД – 163 наградных листа; б) 27 различных в/подразделений (рот, дивизионов, батальонов, артбатарей, лазарета) – 35; в) 35 полков (стрелковые, артиллерийские, минометные, танковый, воздушно-десантный, кавалерийский) – 454; г) 3 бригад (танковые) – 34; д) 1 дивизии (стрелковая) – 1; е) 4 медицинских подразделений – 4; ж) 1 армии – 1; з) 3 фронтов (3-й Белорусский, Ленинградский, 1-й Украинский) – 5; и) 1 военного округа (Прибалтийский) – 1; к) 29 военкоматов: областей: Амурской, Брянской, Вологодской, Иркутской (Аларский, Баяндаевский, Боханский, Жигаловский, Иркутский, Нижнеудинский, Усть-Удинский), Кировской,

Читинской (Александрово-Заводской, Боханский, Быркинский, Дульдургинский, Красночикийский, Нерчинско-Заводской, Сковороднинский, Тыгдинский, Усть-Карский, Чернышевский, Читинский); БМАССР (Джидинский, Кабанский, Прибайкальский, Селенгинский, Пригородный г. Улан-Удэ), Украинской ССР – 31;

20) 13 военно-наступательных операций 64-й гв. СД, 2-й уд. армии, 67-й армии и Ленинградского фронта 1943–1945 гг.;

21) 6 паспортов воинских захоронений (Вологодская, Ленинградская обл., Польша);

22) 1 предписание стрелкового полка 1944 г.;

23) 463 приказа 1942–1949 гг. (18,1 % от общего количества): а) 55 полков (стрелковые, артиллерийские, минометные, кавалерийский) – 214 приказов (по 4 полкам 64-й гв. СД – 155); б) 14 бригад (танковые, стрелковые, минометные, артиллерийские, инженерно-саперная) – 16; в) 26 дивизий (стрелковые, артиллерийская, воздушно-десантная, кавалерийская) – 112 (по 64-й гв. СД – 83); г) 9 корпусов (стрелковые, танковый) – 21 (по 30-му гв. СКОРП – 11); д) 14 армий (общевойсковые, воздушная) – 27 (по 2-й уд. – 3, 6-й гв. – 2, 8-й – 2, 21-й – 3, 42-й – 1, 67-й – 1); е) 3 фронтов – 12 (по Волховскому – 2, по Ленинградскому – 9); ж) 4 прочих в/соединений (Балтийского флота, Ленинградского ВО) – 4; з) ГУК НКО (ВС) СССР – 60;

24) 1 реестр в/захоронений в Вологодской области;

25) 50 свидетельств 1942–1945 гг. 45 медицинских подразделений и РВК Московской области (о болезни, проходное);

26) 24 сводки обобщенного боевого опыта 1943–1945 гг.: а) 30-го гв. СКОРП – 1 сводка; б) 2-й уд. армии – 1; в) 6-й гв. армии – 3; г) 21-й армии – 2; д) 42-й армии – 1; е) Волховского фронта – 3; ж) 2-го Прибалтийского фронта – 3; з) Ленинградского фронта – 10;

27) 466 списков 1941–1954 гг. (именные безвозвратных потерь, награждений, призванных, погибших, извещений, курсантского состава, демографические, социодемографические, алфавитные, именные, извещений, похороненных, формулярные и т. д.) (18,2 % от общего количества): а) 41 военкомата (ССР: Белорусская, Украинская; АССР: Бурят-Монгольская (Баргузинский – 1, Баунтовский – 1, Заиграевский – 1, Иволгинский – 1, Курумканский – 1, Северобайкальский – 1, Тарбагатайский – 1, Тункинский – 1, Железнодорожный г. Улан-Удэ – 1), Удмуртская; край: Алтайский; области: Амурская, Иркутская (Аларский – 1, Иркутский ОВК – 1, Иркутский ГВК – 1, Иркутский РВК – 1, Ленинский г. Иркутск – 2, Свердловский г. Иркутск – 1, Качугский – 2, Осинский – 1, Тайшетский – 1, Тулунский – 4, Усть-Ордынский – 2, Черемховский – 2), Курская, Читинская (Балейский – 1, Борзинский – 1, Джелтулакский – 1, Карымский – 1, Ононский – 1, Улетовский – 2, Читинский ГВК – 3, Читинский ОВК – 2, Читинский РВК – 1, Шилкинский – 6) – 56; б) 28 медицинских подразделений (госпитали, батальоны выздоравливающих, медицинский батальон) – 42; в) 28 запасных полков (стрелковые, учебные) – 237; г) 1 запасной бригады (стрелковая) – 43; д) 1 запасной дивизии (стрелковая) – 31; е) 11 подразделений 64-й гв. СД (лазарет, разведывательная и учебная роты, саперный и связи батальоны, стрелковый и артиллерийский полки, штаб дивизии) – 25; ж) 9 ВПП (Волховский, Казанский, Кемеровский, Ивановский, Красноярский, Ленинградский, Московский, Раменский, Саратовский) – 10; з) 19 различных в/подразделений (минометного и стрелковых полков, артиллерийской бригады, стрелковый дивизий, армий, окружной школы, Забайкальского и Ленинградского фронтов, Забайкальского ВО, Северной группы войск, МО СССР) – 22;

28) 17 справок о ранении (гибели) 1943–1996 гг. 1 госпиталя, 2 запасных стрелковых полков, 1 военкомата Иркутской области (Качугского), НКО/МО (ГУК МО, ЦАМО) СССР/РФ;

29) 34 указа: а) Президиума ВС СССР 1945–1951 гг. – 33; б) Высшего Народного Хурала Монгольской Народной Республики 1969 г. – 1;

30) 3 формуляра (исторических) 1947 г. 3 стрелковых полков 64-й гв. СД;

31) 3 характеристики (краткие боевые) 1944–1945 гг. стрелкового полка и штаба 45-й гв. СД, 30-го гв. СКОРП.

Итого с применением возможностей в первую очередь электронных баз данных МО РФ, личных, государственных и краеведческих архивов непосредственно в данном исследовании использовалось 2560 документальных источников 31 вида за период их составления в 1941–2021 гг. Изученный документооборот затронул свыше 300 воинских частей и подразделений в составе отдельных взводов, рот, дивизионов, батальонов, полков, бригад, дивизий, корпусов, армий, групп войск, фронтов, округов, медико-санитарных заведений (госпитали, медсанбаты, эвакупункты), военкоматов, полевых касс, отрядов, баз, военно-пропускных и сборных пунктов, укрепрайонов, администраций, в/ч п/п (без наименований) и др.

Обращает на себя внимание внешнее оформление и состояние документации, ведение которой производилось в состоянии фронтовой обстановки. Документы, как правило, составлялись различными цветами чернил и «химических» карандашей на стандартных типографских бланках, листах от ученических тетрадей и с использованием школьных журналов или колхозных бухгалтерских и трофейных книг.

Некоторые документы из-за подтоплений и механических повреждений сохранились в усеченном и частично разрушенном состоянии, с трудом читаемы и различимы. На ряде оцифрованных документов имеются подлинные росписи видных советских военных и государственных деятелей.

Данное исследование позволило обобщить и ввести в оборот изучения неизвестные документы и факты, дополнить и систематизировать ранее опубликованные материалы по линии Министерства обороны России, проанализировать основные направления и особенности участия на различных фронтах Великой Отечественной войны в составе 64-й гв. стрелковой дивизии призванных воинов из Читинской области (Забайкальского края), Иркутской области и Республики Бурятия.

В настоящем исследовании практически у каждого лица имеется ссылка на наличие на него какого-либо документа в том или ином фонде (фондах) ЦАМО. Фонды по Приложению II: 33 (228 дел в 17 описях – 51,1 %), 56 (1), 58 (113 дел в 10 описях – 25,3 %), 124 (2 дела), 892 (2), 1193 (1), 1194 (6), 1197 (1), 1240 (1), 1253 (1), 6601 (2), 6608 (8), 6615 (3), 8301 (1), 8329 (1), 8351 (1), 8362 (3), 8515 (2), 8519 (2), 8540 (4), 8557 (1), 8589 (5), 8592 (7), 8641 (1), 8689 (2), 10510 (1), 10915 (1), 50921 (1), 77127 (1), Волховский ВПП (1), Выборгский ВПП (1), Ленинградский ВПП (37 дел в 3 описях), Молотовский ВПП (2), Пензенский ВПП (1), Ташкентский ВПП (1), Челябинский ВПП (1), картотека наградений (2 шкафа и 2 ящика), картотека ранений (10 ящиков), картотека общего учета (3 ящика), Ленинградская картотека 1941–1945 гг. (4 ящика). Всего 41 фонд (446 дел) и 2 шкафа (19 ящиков) ЦАМО.

Весь фонд 33 представляет собой многочисленные и разнообразные наградные документы, в т. ч. с описями 744807–744809 по материалам военкоматов различных регионов страны после войны.

В фонде 58 сосредоточены материалы безвозвратных потерь. Уникальными, например, по факту первых списочных и системных внесений сведений в отношении призывников исследуемых трех регионов (год и место рождения, подразделение, звание и должность, военкомат призыва, причина включения в документ (погиб, пропал без вести, ранен и т. д.), дата и место случившегося, родственники и место их жительства), являются донесения о безвозвратных потерях 64-й гв. СД начиная с 1942 г.: от 30 июля 1942 г. № 015 (от 4 августа 1942 г. № 19593), от 15 октября 1942 г. № 091 (от 28 октября 1942 г. № 29783), от 8 ноября 1942 г. № 0145 (от 14 ноября 1942 г. № 32596), от 10 ноября 1942 г. № 0150 (от 21 ноября 1942 г. № 33583), от 1 декабря 1942 г. № 0256 (от 17 декабря 1942 г. № 36068), от 12 января 1943 г. № 055 (от 31 января 1943 г. № 3932), от 12 февраля 1943 г. № 0212 (от 20 февраля 1943 г. № 5194), от 18 февраля 1943 г. № 0272 (от 24 февраля 1943 г. № 5662), от 28 февраля 1943 г. № 0338 (от 6 марта 1943 г. № 7374), от 6 марта 1943 г. № 0379 (от 12 марта 1943 г. № 8612), от 11 марта 1943 г. № 0489 (от 24 марта 1943 г. № 11078), от 1 апреля 1943 г. № 0506 (от 8 апреля 1943 г. № 19406), от 15 апреля 1943 г. № 0686 (от 21 апреля 1943 г. № 15498), от 15 апреля 1943 г. № 0687 (от 21 апреля 1943 г. № 15500), от 21 апреля 1943 г. № 0734 (от 27 апреля 1943 г. № 16230), от 21 апреля 1943 г. № 0735 (от 27 апреля

1943 г. № 16226), от 9 мая 1943 г. № 0835 (от 13 мая 1943 г. № 18060), от 11 июня 1943 г. № 01175 (от 18 июня 1943 г. № 20381), от 30 июня 1943 г. № 01312 (от 14 июля 1943 г. № 24849), от 1 августа 1943 г. № 1607 (от 6 августа 1943 г. № 28295), от 3 августа 1943 г. № 01632 (от 9 августа 1943 г. № 27906), от 6 августа 1943 г. № 01656 (от 12 августа 1943 г. № 28582), от 7 августа 1943 г. № 01476 (от 17 августа 1943 г. № 07357), от 10 августа 1943 г. № 01687 (от 14 августа 1943 г. № 29036), от 10 августа 1943 г. № 01688 (от 14 августа 1943 г. № 29038), от 14 августа 1943 г. № 01734 (от 19 августа 1943 г. № 30052), от 28 августа 1943 г. № 01848 (от 4 сентября 1943 г. № 33082), от 20 сентября 1943 г. № 02078 (от 30 сентября 1943 г. № 38572), от 24 ноября 1943 г. № 02599 (от 30 ноября 1943 г. № 51016), от 4 декабря 1943 г. № 02724 (от 12 декабря 1943 г. № 50581), от 29 декабря 1943 г. № 03001 (от 5 января 1944 г. № 654) и др. Аналогичные многочисленные сведения размещены и в донесениях, например, 8-й армии от 27 апреля 1943 г. № 0261 (от 1 мая 1943 г. № 15219), от 5 мая 1943 г. № 025925 (от 9 мая 1943 г. № 17342), от 23 мая 1943 г. № 035040 (от 29 мая 1943 г. № 20694), от 14 марта 1945 г. № 036767 (от 19 марта 1945 г. № 34148). В данном фонде много интересной информации за 1942–1996 гг. также сосредоточено в делах с донесениями различных воинских подразделений, со справками и перепиской Министерства обороны с приложенными анкетами розыска и именными списками военкоматов в послевоенное время и т. д.

Содержательные документы находятся также в фондах: а) 344, 892, 6601, 6608, 6615, 10914, 10915 и др. (книги учета погибших и умерших, журналы боевых действий, исторические формуляры, краткие боевые характеристики подразделений 64-й гв. СД: 134-го гв. АртП, 191-го гв. СП, 194-го гв. СП, 194-го гв. СП; б) 204 и 217 (операции Волховского и Ленинградского фронтов); в) 46, 130, 217, 335, 977, 1882 и др. (сводки (краткие) обобщенного боевого опыта вышестоящих корпусов, армий и фронтов); г) ВПП (Волховский, Выборгский, Ленинградский, Молотовский и другие ВВП) и т. д. В филиале ЦАМО размещены военно-медицинские документальные источники со статкартами, свидетельствами о болезни и карточками учета умерших ГВМСУ РККА.

В ряде донесений 64-й гв. СД у отдельных воинов отметки о годах их рождения и привязке к конкретным воинским подразделениям данной дивизии отсутствуют. Не проходят, например, по фондам ЦАМО: извещения, паспорта и учетные карточки воинских захоронений.

Фотографически охвачено 211 призывников, родственники (жены, матери, отцы и др.) зафиксированы у 583 воинов.

Заключение

Таким образом, в ОБД «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа» МО РФ в различной степени сохранности отложены многообразные виды архивных документов, позволяющие при их комплексном использовании с личными и региональными архивными источниками осуществлению аналогичных исследований по военной тематике и изучению родословных истоков в различных российских субъектах. Подобные изыскания способствуют противодействию попыткам фальсификации итогов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и военно-патриотическому воспитанию подрастающего и современного поколения в России.

Литература

- Гаврилов Б. И. «Долина смерти». Трагедия и подвиг 2-й ударной армии / Б. И. Гаврилов. – М.: Дубравва, 2006. – 488 с.
- Гагарин С. С. Мясной Бор / С. С. Гагарин. – М.: Воениздат, 1991. – 607 с.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2 / Г. К. Жуков. – М.: АП Новости, 1986. – 328 с.
- Крюковских А. П. Как развивалась операция «Искра». Ленинградская битва. 1941–1944 / А. П. Крюковских. – СПб.: Областной музейный центр, 1995. – С. 141–154.
- Лохов В. В. Усольчане на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945) / В. В. Лохов. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 372 с.

Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенiskeвич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев. и др. – Л.: Наука, 1970. – 414 с.

Пашинин А. В. Информационный потенциал Интернет-ресурсов МО РФ как источник изучения родословных / А. В. Пашинин // Власть. – 2013. – № 1. – С. 129–131.

Пашинин А. В. Память (призывники Тарбагатайского райвоенкомата в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / А. В. Пашинин, В. Ю. Колесов. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 432 с.

Чистяков И. М. Служим Отчизне / И. М. Чистяков. – М.: Воениздат, 1985. – 288 с.

Шигин Г. А. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери / Г. А. Шигин. – СПб., 2004. – 316 с.

References

Gavrilov B. I. «Dolina smerti». Tragediya i podvig 2-j udarnoj armii / B. I. Gavrilov. – М.: Dubravva, 2006. – 488 s.

Gagarin S. S. Myasnoj Bor / S. S. Gagarin. – М.: Voenizdat, 1991. – 607 s.

Zhukov G. K. Vospominaniya i razmyshleniya: v 3 t. T. 2 / G. K. Zhukov. – М.: AP Novosti, 1986. – 328 s.

Kryukovskih A. P. Kak razvivalas' operaciya «Iskra». Leningradskaya bitva. 1941–1944 / A. P. Kryukovskih. – SPb.: Oblastnoj muzejnyj centr, 1995. – S. 141–154.

Lohov V. V. Usol'chane na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) / V. V. Lohov. – Irkutsk: Ottisk, 2015. – 372 s.

Nepokorennij Leningrad. Kratkij ocherk istorii goroda v period Velikoj Otechestvennoj vojny / A. R. Dzeniskevich, V. M. Koval'chuk, G. L. Sobolev. i dr. – Л.: Nauka, 1970. – 414 s.

Pashinin A. V. Informacionnyj potencial Internet-resursov MO RF kak istochnik izucheniya rodoslovnnyh / A. V. Pashinin // Vlast'. – 2013. – № 1. – S. 129–131.

Pashinin A. V. Pamyat' (prizyvniki Tarbagatajskogo rajvoenkomata v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.) / A. V. Pashinin, V. Yu. Kolesov. – Irkutsk: Ottisk, 2017. – 432 s.

Chistyakov I. M. Sluzhim Otchizne / I. M. Chistyakov. – М.: Voenizdat, 1985. – 288 s.

Shigin G. A. Bitva za Leningrad: krupnye operacii, «belye pyatna», poteri / G. A. Shagin. – SPb., 2004. – 316 s.

УДК 294.3

ББК 86.35-3

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-144-147

А. П. Лугавцова

УЧЕНИЕ «СИННЁ-ЭН» («[Безграничный] сад истинной сущности»)
КАК ПРИМЕР «НОВО-НОВЫХ» РЕЛИГИЙ В ЯПОНИИ.
Ч. 1. ИСТОКИ «САНГХИ ИСТИНЫ»

Статья представляет собой первую часть исследования, посвященного японскому религиозному движению «[Безграничный] Сад Истинной Сущности» (Синнё-эн), которое стало ярким примером появления и развития в стране «ново-новых» религиозных учений. Она содержит биографический анализ жизненного пути и личностных характеристик основателей Синнё-эн, супругов Ито:, с чьей деятельностью связано появление и расцвет популярности движения в Японии и за ее пределами.

Ключевые слова: Япония, необуддизм, «ново-новые» религии, Синнё-эн, мистицизм.

A. P. Lugavtsova

THE SHINNYO-EN (“[Boundless] Garden of Thusness”)
TRADITION AS AN EXAMPLE OF “NEO-NEW RELIGIONS”
IN JAPAN. PART 1. THE ORIGINS OF THE “SANGHA OF TRUTH”

This article is the first part of a study devoted to the Japanese religious movement “[Boundless] Garden of Thusness” (Shinnyo-en), which serves as a striking example of the emergence and development of “neo-new” religious teachings in the country. The article contains a biographical analysis of the life and personal characteristics of the founders of Shinnō-en, the Ito couple, whose activities are linked to the emergence and rise in popularity of the movement in Japan and beyond.

Ключевые слова: Japan, neo-Buddhism, “new new religions”, Shinnyo-en, mysticism.

Из-за стремительных экономических и социальных изменений, известных как «экономическое чудо», в Японии в 1970-е гг. активизировались группы, которые в религиозной литературе и журналистике получили название «ново-новые» религии (新新宗教, син синсю:кё:). В отличие от «новых» религий, массовых необуддистских движений, преимущественно ориентированных на учение Нитирэна (как Со:ка Гаккай (創価学会, Общество созидания ценностей, основано в 1930 г.)), «ново-новые» религии отличает явное влияние других традиций буддизма, в частности его эзотерической ветви, и акцент не на модернизации собственно буддизма, а, наоборот, на магии, мистике, вере в чудеса [Буддизм в Японии 1993: 352; Миры махаянского буддизма...2023: 131]. Не является исключением и движение Синнё-эн (真如苑, «[Безграничный] Сад Истинной Сущности»), восходящее к традициям как раз эзотерической школы сингон (真言宗, «Школа мантр («Истинного Слова»)). Несмотря на значительные масштабы (около 1 млн последователей по всему миру) и деятельное участие движения в событиях, происходящих в Японии и в мире, Синнё-эн и «ново-новые» религии в целом почти не рассматриваются в отечественном японоведении.

В настоящем исследовании, состоящем из двух частей, ставится цель представить общую характеристику движения, затронув как его историю и настоящее состояние, так и ритуально-практическую специфику и некоторые особенности структурной организации. В статье представлен краткий обзор зарождения и становления учения, в частности, содержит биографический анализ жизненного пути и личностных характеристик основателей Синнё-эн, супругов Ито:, поскольку появление и расцвет движения

ЛУГАВЦОВА Алена Петровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: alena.karnap@mail.ru.

неразрывно связаны с талантом и авторитетом его основателей, и их заслуги в том, что сейчас Синнэ-эн пользуется популярностью в Японии и за ее пределами, нельзя недооценить.

Синнэ-эн основано в 1936 г. Ито: Синдзё: (伊藤真乗, 1906–1989) и его женой Томодзи (伊藤友司, 1912–1967), от которых руководство перешло к их дочери Ито: Синсо: (данное при рождении имя – Масако, 伊藤真聡, 1942 – н. в.). Семья основателя, Ито: Синдзё:, который родился в 1906 г. в префектуре Яманаси, отличалась религиозностью: его отец был искусным прорицателем, а мать – ревностной последовательницей Тэнрикё: (天理教, «учение Тэнри» [I]), однако сам он до 30 лет вел вполне обычную жизнь – в 18 лет переехал в Токио, где посещал вечернюю школу и работал, отслужил в армии, в 23 года занял должность авиаинженера в компании «Татикава Хико:ки». Впрочем, как отмечают исследователи, уже тогда он выступал негласным ментором и поверенным среди коллег, в т. ч. демонстрируя техники прорицания, которые ему поведал отец [Schrimpf 2011: 182; Shiramizu 1979: 418–419].

Его супруга, Томодзи, родившаяся в 1912 г. в семье торговца, приходилась Синдзё: троюродной сестрой и тоже обладала наследственным талантом духовного практика – ее бабушка, принимавшая активное участие в воспитании девочки, якобы была наделена силой излечивать людей, одержимых кицунэ (狐), злыми духами лис, используя свою дочь, тетю Томодзи, в качестве медиума.

Синдзё: и Томодзи поженились в 1932 г., поселившись в Татикаве. Однако вскоре Синдзё: сильно заболел, настолько, что не мог работать, и ощутил первый порыв уйти из мира. В течение следующих трех лет они оба посвятили себя изучению эзотерического буддизма, уверовав в Ачалу [II] (不動明王, Фудо: Мё:о:). Одновременно Синдзё: продолжал практиковать гадания у себя дома, десятки людей обращались к нему за этой услугой, и его желание оставить работу не исчезло, напротив, только крепло. Однако Томодзи, обеспокоенная необходимостью обеспечивать выросшую семью, в которой подрастали две дочери, его отговорила, но тем не менее у самой Томодзи наследственный дар становился все сильнее, ее начали преследовать видения [Shiramizu 1979: 418–419]. В декабре 1935 г. в доме Ито: появилась древняя статуя Ачалы, и именно у нее через Томодзи, впавшую в глубокий транс, 3 февраля 1936 г. Будда повелел Синдзё: оставить мирскую должность и посвятить жизнь служению людям. Она уговорила мужа оставить работу, и он принял монашество в монастыре Дайго-дзи, главном храме школы сингон в Киото.

Слухи о талантах Синдзё: как гадалея и Томодзи как медиума постепенно ширились, в результате чего вокруг семьи Ито: сформировалась небольшая община (около 200 чел.), в которой Синдзё: выполнял роль духовного наставника и практика. Однако 1936 г., год основания их религиозного сообщества, принес семье Ито: не только радость, но и трагедию – от лихорадки скончался их первый сын Тибун (Томофуми). Тем не менее тяжелая личная утрата не поколебала их решимости заботиться о людях, и в 1938 г. супруги Ито: основали в Татикаве первый храм для своей общины, получивший название Синтё:-дзи. В 1942 г. у супругов родилась дочь Масако, будущая приемница (всего у пары было шесть детей, две старшие дочери из-за возникших с отцом разногласий не упоминаются на официальных ресурсах), а в 1943 г. Ито: Синдзё: завершил обучение в храме Дайго-дзи, получив титул Великого Ачарьи, «Учителя, что ведет других следовать дхарме» (大阿闍梨, дай-адзяри) [The Story of Shinyo-en...].

Поражение Японии во Второй мировой войне наложило свой отпечаток на религиозную жизнь страны. Буддизм и синтоизм, лидеры которых были солидарны с политикой государства, стали восприниматься как пособники милитаризма. Оккупационное правительство в течение 1945–1947 гг. провозгласило в капитулировавшей Японии полное разделение религии и государства (в т. ч. «отказ от божественности» императора Хирохито от 1 января 1946 г.), отменило ограничения, не позволявшие новым религиозным группам получать правовой статус (что позволило им обрести процессуальную правоспособность) и оградило от вмешательства со стороны властей в их внутренние дела. В то же время «старые» религиозные традиции (синтоизм, традиционные буддийские школы) остались без основополагающей государственной финансовой

поддержки, а также лишились большой массы прихожан ввиду разочарованности населения. Поэтому в 1946 г. Ито: Синдзё и Томодзи отделили свою группу от традиции сингон и переименовали духовную общину в «Сангху Истины» (まこと教団), провозгласив ее целью интеграцию буддийских учений в мирскую жизнь обычных людей. Однако в 1950 г. бывший ученик Ито: Синдзё: обвинил его в физическом насилии, в результате чего наставника заключили под стражу, разбирательства длились несколько лет, в конце концов суд ограничился вынесением условного срока [Schrimpf 2011: 183]. Это дело скомпрометировало «Сангху Истины», и, чтобы избежать негативных ассоциаций, после вступления в силу нового Закона о религиозных корпорациях в 1951 г. община официально приняла название Синнё-эн, что буквально означает «[Безграничный] Сад, [где каждый способен прикоснуться к] Истинной Сущности [учения Будды]». Важнейший этап развития общины снова совпал с огромной семейной трагедией: в 1952 г. скончался еще один их сын, Ю:ичи, долгое время страдавший от дегенеративного заболевания тазобедренного сустава, вызванного туберкулезом. Уход сына положил начало знаковому для движения ритуалу – спустя два месяца после его смерти Синдзё: и Томодзи провели первую памятную церемонию запуска фонарей памяти на оз. Касумигаура (преф. Ибараки). В 1956–1957 гг. Ито: Синдзё: утвердил основным доктринальным текстом движения «Сутру о Нирване» (涅槃經, Нэхан-гё:), в которой Будда Шакьямуни дает ученикам последние наставления перед уходом в нирвану [The Story of Shinnyo-en...].

В рамках своей цели – «помочь каждому человеку стать живым Буддой» – семья Томодзи в 1967 г. совершила путешествие по девяти странам Европы и Ближнего Востока, в т. ч. посетив Ватикан и Израиль. Однако здоровье Томодзи по окончании поездки резко ухудшилось, и в том же году она скончалась. В 1970 г. Ито: Синдзё: вместе с дочерью Масако впервые посетили США, где они вознесли молитвы об упокоении погибших во время нападения на Перл-Харбор на мемориале линкора «Аризона» ВВС США в Гонолулу (Гавайи). Примечательно, что именно на Гавайях в 1973 г. было освящено первое в мире святилище Синнё-эн за пределами Японии, за которым в течение 10 лет последовали открытия храмов в Сан-Франциско, Тайбэе и Париже. За это время Ито: Масако завершила свое религиозное обучение, получив высший сан буддийского монаха – «великого общинного распорядителя» (大僧正, дайсо:дзё:), что для женщины в мире японского буддизма является огромным достижением. Она приняла монашеское имя «Синсо:» и после смерти Ито: Синдзё: в 1989 г. официально стала главой движения Синнё-эн [Ibid.].

Несмотря на то что основатели Синнё-эн обособили свою общину от традиции эзотерического буддизма, посвящение, полученное как Ито: Синдзё:, так и его дочерью в главном храме школы сингон, дальнейшая тесная связь Ито: Синсо: с данной традицией (в 1997 г. она стала первой женщиной, возглавившей поминальную службу в главном зале храма Дайго-дзи, центрального храма школы сингон, с момента его основания (IX в.) [真如苑を知る...]), а также общий акцент на спасении всего живого позволяют утверждать, что формально Синнё-эн принадлежит к ветви буддизма Махаяны. Ито Синдзё: и его супруга декларируют в качестве ключевой идеи движения активную помощь окружающим, поскольку достижение подлинного спасения и счастья для себя полагалось невозможным без искренней заботы о других: личное освобождение было недостижимо, пока остальные люди томятся в страданиях сансары. В настоящее время последователи Синнё-эн также исходят из понимания неизбежной взаимосвязанности всех живых существ, что не могло не отразиться на их подходе к поиску просветления. На официальном сайте Синнё-эн утверждается, что «движение направлено на развитие осознания великой ценности добра, кроющегося во всех без исключения людях, не только самого верующего. Основываясь на понимании этого потенциала, последователи Синнё-эн стремятся рассматривать каждое мгновение как возможность для мудрых и сострадательных поступков, воплощающих Просветление в их жизни... Путь к миру и счастью, ведущий через Синнё-эн, достигим только через нашу связь с другими людьми, разделяемое глубокое чувство общей человечности» [Basics of Buddhism...; Frequently Asked Questions...]. Подобное сохранение общей направленности на учение Будды и в то же время своеобразный подход к подходам и практикам выступают яркой

чертой движения: так, медитация – одна из основных буддийских практик – в случае Синнэ-эн становится не обособленным одиноким размышлением, где верующий заперт в собственном разуме, а уникальным межличностным взаимодействием. Подробный разбор этой и других особенностей практик и структуры движения, а также его общественной активности, выступающей визитной карточкой Синнэ-эн, будет представлен во второй части данного исследования.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансляция и модернизация буддизма в контексте его единства и разнообразия в России, странах Восточной и Внутренней Азии») № 126020516675-9.

Примечания

I. Японское новое религиозное движение, основанное в 1838 г. крестьянкой-целительницей Мики Накаямой.

II. Гневное божество-защитник буддийского направления Ваджраяны.

Литература

- Буддизм в Японии / под ред. Т. П. Григорьевой. – М.: Наука, 1993. – 701 с.
- Миры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. – 396 с.
- Basics of Buddhism // Shinnyo-en Official Homepage [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shinnyoen.org/resources/basics-of-buddhism/> (дата обращения: 03.11.2025).
- Frequently Asked Questions [Электронный ресурс] // Shinnyo-en Official Homepage. – Режим доступа: <https://shinnyoen.org/resources/frequently-asked-questions/> (дата обращения: 03.12.2025).
- Schrimpf M. Shinnyo-en / M. Schrimpf // Establishing the Revolutionary: An Introduction to New Religions in Japan / eds.: Birgit Staemmler, Ulrich Dehn. – Münster: Lit, 2011. – P. 181–199.
- Shiramizu H. Organizational Mediums: A Case Study of Shinnyo-en / H. Shiramizu // Japanese Journal of Religious Studies. – 1979. – Vol. 6. – No. 3. – P. 413–444.
- The Story of Shinnyo-en [Электронный ресурс] // Shinnyo-en Official Homepage. – Режим доступа: <https://shinnyoen.org/about-shinnyo-en/our-story/> (дата обращения: 11.01.2026).
- 真如苑を知る 真如継主の歩み // 真如苑公式サイト. = Познакомьтесь с истиной Синнэ: Путь Её Святейшества [Электронный ресурс] // Официальный сайт Синнэ-эн. – Режим доступа: <https://www.shinnyo-en.or.jp/sp/learn/keishu.html> (дата обращения: 11.12.2025). (на яп. яз.)

References

- Buddizm v Yaponii / pod red. T. P. Grigor'evoy. – M.: Nauka, 1993. – 701 s.
- Miry mahayanskogo buddizma v kontekste mirovyh civilizatsionnyh processov / otv. red. L. E. Yangutov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2023. – 396 s.
- Basics of Buddhism // Shinnyo-en Official Homepage [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://shinnyoen.org/resources/basics-of-buddhism/> (data obrashcheniya: 03.11.2025).
- Frequently Asked Questions [Elektronnyj resurs] // Shinnyo-en Official Homepage. – Rezhim dostupa: <https://shinnyoen.org/resources/frequently-asked-questions/> (data obrashcheniya: 03.12.2025).
- Schrimpf M. Shinnyo-en / M. Schrimpf // Establishing the Revolutionary: An Introduction to New Religions in Japan / eds.: Birgit Staemmler, Ulrich Dehn. – Münster: Lit, 2011. – P. 181–199.
- Shiramizu H. Organizational Mediums: A Case Study of Shinnyo-en / H. Shiramizu // Japanese Journal of Religious Studies. – 1979. – Vol. 6. – No. 3. – P. 413–444.
- The Story of Shinnyo-en [Elektronnyj resurs] // Shinnyo-en Official Homepage. – Rezhim dostupa: <https://shinnyoen.org/about-shinnyo-en/our-story/> (data obrashcheniya: 11.01.2026).
- 真如苑を知る 真如継主の歩み // 真如苑公式サイト. = Poznakom'tes' s istinoj Sinnyo: Put' Eyo Svyatejshestva [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Sinnyo-en. – Rezhim dostupa: <https://www.shinnyo-en.or.jp/sp/learn/keishu.html> (data obrashcheniya: 11.12.2025). (na yap. yaz.)

УДК 316.34/.35

ББК 63.3+60.5

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-148-153

И. И. Еникеева, Э. А. Салихова

ФРОНТИРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО
ТРАНСГРАНИЧЬЯ: СОЦИОЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТОПОЛОГИЯ
В МОНОГРАФИИ Д. Д. БАДАРАЕВА

Рец. на: Бадараев Д. Д. Российско-монгольское трансграничье: структурные и этнокультурные особенности социальных изменений / Д. Д. Бадараев; отв. ред. проф. З. Т. Голенкова. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. – 352 с.

I. I. Enikeeva, E. A. Salikhova

FRONTIER SOCIOLOGY OF THE RUSSIAN-MONGOLIAN
CROSS-BORDER AREA: SOCIO-ETHNOCULTURAL TOPOLOGY
IN D. D. BADARAEV'S MONOGRAPH

Review of the book: Badaraev D. D. Rossiisko-mongol'skoe transgranich'e: strukturnye i etnokul'turnye osobennosti sotsial'nykh izmenenii / D. D. Badaraev; ed. by Z. T. Golenkova. – Ulan-Ude: Izd-vo IMBT SO RAN, 2025. – 352 p.

Введение

В условиях глобализации трансграничные контексты пронизывают жизненный мир индивидов и сообществ, их траектории неизбежно пересекают приграничные зоны как пространственно-экзистенциальные оси. С конца 1980-х гг. рыночные реформы синхронно запустили мобильность, плюрализацию и демократизацию, породив новые страты и векторы трансформации, где глобализация сплетается с локальной резильентностью. Такая проблематизация возводит трансграничные общества в ранг объекта социологического дискурса, а российско-монгольское трансграничье – в модельную призму, где историческая преемственность и посткризисные сдвиги выявляют механизмы социальной устойчивости.

Монография Д. Д. Бадараева «Российско-монгольское трансграничье: структурные и этнокультурные особенности социальных изменений» [2025], представляющая многолетнее эмпирическое исследование социо- и этнокультурных процессов на российско-монгольском трансграничье при непосредственном участии автора, а также интегрирующая социологические результаты полевых работ групп и данных исследовательских институтов, вносит существенный вклад в осмысление динамики приграничных формаций. Ее отличительной чертой выступает парадигмальная комплексность: от теоретических конструкций социоэтнокультурной топологии трансграничья до прагматических императивов сохранения идентичностного континуума. Исследование интегрируется в полифоничный контекст научных разработок, обретая особую релевантность при сопоставлении с научными работами о сибирском трансграничье, включая реконструкции культурно-языковых ландшафтов Восточной Сибири и типологические разборы цивилизационной роли Сибири в евразийском пространстве [Иванов, Попков 2024].

ЕНИКЕЕВА Ирида Ирековна – доктор философских наук, профессор кафедры обществознания, права и социального управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия). E-mail: zekrist@mail.ru.

САЛИХОВА Эльвина Ахнафовна – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт этнологических исследований им. П. Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия). E-mail: Salelah12@yandex.ru.

В сравнении с рядом сибирских работ [Мандригина и др. 2022; Тюркские ареалы Сибири 2022] книга, с одной стороны, сфокусирована на этнографических наблюдениях и данных, аналогичных модели реконструкции ландшафта Сибири, в которой сочетаются диахронный и синхронный подходы с акцентом на коммуникативные практики. Маргинализация цифровых перемен подчеркивает уникальную эмпирическую парадигму монографии, перманентную актуальность экспедиционно-опросных традиций как базиса для грядущих гибридных методологий. Уникальные постсоветские трансформации Бурятии и Забайкалья позволили описать богатый контекстом гиперлокальный портрет, повышающий доверие к описанию трендов возрождения традиций.

С другой стороны, в отличие от современных этнологических диссертаций [Михалев 2020], проектов по этноинтеграции РНФ [Эпический ландшафт ойратов... 2024] данная монография обретает мощь через этнографическую вовлеченность: авторская призма рождает пульсирующую насыщенность описаний. Дефицит лингвокомпаративного охвата в контексте многоязычных корпусов обращается в преимущество сверхлокальной проработки русско-монгольского ареала, формируя контекстно-плотный социально-структурный рельеф анализа.

Структура и логика исследования

Структура монографии Д. Д. Бадараева эволюционирует от макротеоретических оснований к микросоциологическим императивам, обретая целостный дискурс. Общее описание ценности труда как комплексной социоэтнокультурной топологии трансграничья обретает плоть в последовательности глав: от теоретико-исторического фундамента (гл. 1) через эмпирические пласты динамики (гл. 2–3), идентификационные метаморфозы (гл. 4) к прогностическим горизонтам (гл. 5). Такой вектор не только систематизирует содержание, но и репрезентирует методологический императив.

В первой главе автор раскрывает методологические и концептуальные особенности сравнительных исследований изменяющихся обществ на российско-монгольском трансграничье, описывает ключевые понятия социальных перемен, такие конвергентные процессы, как урбанизация, миграция, расхождения в рыночных реформах России и Монголии, обусловивших и турбулентность, и возрождение традиций бурят и монголов.

Глава обосновывает методологию сравнения изменяющихся обществ Бурятии и Монголии, в ней выделены регионализация, этническая идентичность и потенциал устойчивого роста через их совместные проекты. Ключевые критерии сравнения строятся по шкалам изменчивости в аспектах: 1) этнической динамики – возрождение бурятско-монгольской идентичности в Бурятии через федеративные квоты, в Монголии – через национализм; 2) социально-экономических сдвигов – переход к неформальным рынкам в обоих регионах, но с разной степенью институционализации; 3) культурной адаптации – общий буддистско-шаманистский фонд как стабилизатор турбулентности.

Вторая глава посвящена анализу турбулентных зон трансграничья, где автор характеризует механизмы адаптации местных сообществ Бурятии и Монголии к кризисам переходного периода. Ученый опирается на эмпирические наблюдения, подчеркивая переход от плановой экономики к рыночным реалиям 1990-х гг. и рассматривая миграционные потоки и урбанистический рост как ключевые дестабилизаторы. Интересен анализ турбулентных зон как динамичных «буферных арен», где сталкиваются глобальные влияния рынка и миграции с локальными традициями. В Бурятии это проявляется в депопуляции сельских районов и концентрации в Улан-Удэ, в Монголии – в перегруженности Улан-Батора мигрантами из аила, вызывающих социальные сдвиги в неформальной экономике и этническое напряжение.

Уникальность авторского взгляда состоит в трактовке этих зон как «трансформационных инкубаторов», где кризисы не разрушают идентичность, а стимулируют гибридные формы выживания. Возврат к шаманизму и буддизму как к якорям стабильности, кооперативы по переработке мяса и туризм на основе кочевых традиций – таковы адаптивные практики жителей Бурятии; организация родовыми общинами паст-

бищного менеджмента и трансграничной торговли скотом в обход бюрократии – практики монголов. Последние адаптируются через «негосударственные сети», организуют пастбищный менеджмент и трансграничную торговлю скотом, обходя бюрократию.

Своеобразие исследовательской позиции заключается в том, что ученый видит в турбулентности «адаптивный капитал» – бурятско-монгольские сообщества используют такой общий этнокультурный код, как буддизм и кочевое наследие, для создания трансграничных альянсов. Это контрастирует с экономоцентричными моделями, делающими акцент на культурной адаптивности как ключе к выживанию.

В третьей главе проводится анализ социальной структуры трансграничья. Исследователь деконструирует стратификацию (20,6 % – бедные слои, 56 % – средние) и урбанизационные асимметрии, раскрывает специфику социальной структуры Бурятии как трансграничного региона с низкими социально-экономическими показателями, где кризисные тенденции, повторяя общероссийские, усиливаются этнокультурным контекстом. Стратификационный анализ наряду со стабильными слоями общества (служащие, рабочие, пенсионеры, студенты) выявил увеличение числа аграрных работников при наличии трети экономически неактивной части населения (домохозяйки, безработные). Социальный статус зависит от власти, доходов и связей через родственников и предпринимательские сети; половина населения работает не по специальности, несоответствие квалификации – у 1/6 части.

Социальная структурность трансграничья проявляется в институциональной ригидности (государственный сектор как стабилизатор) и в динамике мобильности (частный сектор как генератор неравенства), где посткризисные адаптации 1990-х гг. усилили стратификационную асимметрию между российской и монгольской сторонами. Низкая вертикальная мобильность низших слоев коррелирует с конформистской зависимостью от неформальных связей, где 26,9 % занятых практикуют подработки вне официальной занятости (50 % – госсектор, 33 % – частный). Такая неформальность выступает компенсаторным механизмом пауперизации, обусловленной недоступностью квалифицированных работ, и усиливает горизонтальную маргинализацию (56 %).

Этнокультурная специфика Бурятии стабилизирует стратификационную пирамиду, компенсируя институциональные дефициты и воспринимаемое неравенство (77 % респондентов фиксируют разрыв между богатыми и бедными). Эти сети отражают региональную устойчивость, где личная инициатива как ключевой фактор успеха по опросам сталкивается с дискриминацией, усиливая турбулентность трансграничья и диверсифицируя источники дохода за пределами зарплаты.

В четвертой главе монографии автором представлен системный анализ трансформаций социальной идентичности на российско-монгольском трансграничье, исследован идентичностный треугольник – этнолингворелигиозная резильентность.

Этноязыковая динамика российско-монгольского трансграничья иллюстрирует устойчивость монгольского языкового континуума в условиях постсоциалистических трансформаций, где бурятский и хори-бурятский диалекты сохраняют преэминентность с монгольским. В Бурятии бурятский язык (монгольская группа) функционирует как этноидентификационный маркер для 460 тыс. носителей с доминированием центрального диалекта (хоринский), тогда как в Монголии хори-бурятский интегрируется в национальный стандарт. Русско-бурятский билингвизм в РФ, монголо-бурятский – в приграничье выступает адаптивным механизмом: 70–80 % бурят владеют русским языком, минимизируя языковую ассимиляцию и усиливая трансграничную коммуникацию через диалектный континуум.

Посткризисные турбулентности активировали ревитализацию – рост бурятоязычных СМИ, введение кириллического алфавита в Монголии для бурятских диалектов и школьное обучение на родном языке (20% школ в Бурятии). Однако урбанизация провоцирует сдвиги – среди молодежи русский язык доминирует в 60 % случаев, компенсируемый этнокультурными сетями (родовые практики, *Сагаалган* (бурят.) / *Цаган Сар* (монг.)), где язык стабилизирует идентичность под глобализационным давлением. Этноязыковая динамика артикулирует устойчивость трансграничья, где диалектные свя-

зи Бурятии – Монголии противостоят унифицирующим тенденциям, интегрируясь со стратификационными практиками и усиливая социальную структурность.

Д. Д. Бадараев конструирует парадигму ревитализации бурятско-монгольского этноса, где институциональные квоты в Бурятии коррелируют с этническими нарративами Монголии, порождая гибридные идентичностные формации у трансграничных бурят (аймаки Дорнод и Хэнтий). Диахронический русско-монгольский билингвизм функционирует как семиотический барьер глобализации, консервируя архаичные эпические дискурсы.

Религиозная устойчивость российско-монгольского трансграничья проявляется как мощный стабилизатор этносоциальной структуры, где буддизм ламаизма, шаманизм и синкретические практики противостоят постсоциалистическим кризисам и глобализационным эрозиям. Исторически буддизм гэлугпы пережил советские репрессии 1930-х гг. (уничтожение 90 % ламства), восстановившись в 1990-е гг. через ревитализацию. В настоящее время 20–30 % бурят практикуют ламаизм с паломничествами к Богдо-гэгэну в Улан-Баторе. Шаманизм в виде тенгрианства и анимизма сохраняет 10–15 % приверженцев в родовых обрядах (поклонение духам местности – *обоо*, родовым очагам – *табуны*), компенсируя урбанистическую секуляризацию и усиливая диалектный континуум с монгольским буддизмом (87 % верующих в Монголии). Посткризисная динамика 1990-х гг. активировала синкретизм: 70 % бурят комбинировали буддизм с шаманизмом, где религия стабилизирует стратификацию. Праздник Белого месяца Сагаалган (*Сагаан харын найндэр; Цаган Сар*) как идентификационный ритуал усиливает родовые сети в Бурятии, активизирует разветвленные родовые сети хангинов, баргутов и хори, где даже удаленные родственники преодолевают расстояния, восстанавливая солидарность.

В Монголии хори-бурятские общины (*дадал*) сохраняют ламские традиции, несмотря на пережитые репрессии, и выступают буфером против неравенства (77 % воспринимают разрыв), интегрируясь с неформальными подработками (26,9 %). Тем самым буддизм и шаманизм репрезентируют аксиологический мост, обеспечивая интерконфессиональную кооперацию (Улан-Удэ – Улан-Батор) и ритуальную буферизацию урбанизационной энтропии. Новизна исследовательского подхода заключается в моделировании религиозной адаптивности, интегрирующей неинституциональные культы в традиционалистский континуум.

Автор квалифицирует современный номадизм в Монголии как идентификационный архетип, как гибридный феномен, в котором модернизация и глобализация объединяют материальный успех с традиционными ценностями кочевой культуры. В Бурятии возрождение кочевничества позиционируется как стратегический ответ на кризисы при заимствовании монгольского опыта для малозатратных практик с адаптивным скотом. Традиционное животноводство представляется как перформативный конструкт идентичности, где монгольская пастбищная парадигма и низкочастотный пастбищный менеджмент предлагаются для бурятской локализации, трансформируя архаику в ресурс посткризисной турбулентности. Для Бурятии это означает внедрение таких технологий, как сезонные отгонки, родовые кооперативы по переработке, юрточный кочевой туризм.

Методологический анализ социокультурных процессов на российско-монгольском трансграничье обладает высокой ценностью как аналитическая модель адаптации приграничных зон, которая может применяться к другим регионам России, включая «внутренний фронт» Башкортостана с его татаро-башкирскими и русскими интерфейсами, а в историческом прошлом – с казахскими.

Монгольский опыт номадизма полезен для Башкортостана как модель кочевья, где этнокультурные традиции усиливают экономическую устойчивость в многоэтнических регионах. Номадные отгонки снижают нагрузку на почвы. Для Башкортостана это возрождение «внутреннего номадизма» – своего рода буфер против нефтяной монокультуры. Важно отметить, что башкиры и казахи исторически имели связи с кочевым образом жизни, аналогичные бурятам и монголам через общий тюрко-монгольский суб-

страт Золотой Орды, что делает опыт номадизма трансграничья Бурятии – Монголии применимым для Башкортостана. Башкиры восточных и юго-восточных родов добровольно вошли в состав монгольского ханства под Муйтен-бием, сохранив родовые земли и пайцзы как вассалы Чингисхана. Казахи Младшего жуза соседствовали с ними, разделяя традиции войлочного производства, ткачества и эпические предания; башкирско-казахские браки и конные состязания со стрельбой из лука укрепляли культурный код, уходящий истоками в бронзовый век. Буряты как монголоязычные номады и башкиры-кыпчаки объединены золотоордынским тюркско-монгольским слоем – это родовые союзы, культ гор и пастбищная экономика. Отметим, что эпос «Урал-батыр» имеет сходство с эпосами тюркско-монгольских народов, прежде всего с бурятским эпосом «Гэсэр». Монгольское влияние проникло в башкирскую культуру через Орду (титулы биев, дань), создав универсальный кочевой архетип – от Забайкалья до Урала.

В пятой главе автор анализирует тенденции трансформации трансграничных сообществ российско-монгольского фронта под воздействием глобализационных процессов и локальных кризисов, прогнозируя их эволюцию. Нестабильная социально-экономическая ситуация порождает нестандартные формы занятости: неформальные подработки, выездной труд и самозанятость, обусловленные низким уровнем жизни, спадом производства, байкальскими экологическими ограничениями и агрокризисом.

Модель будущего монгольского общества подобна «грибу» с расширяющейся «шляпкой» средних слоев, подкрепленная модернизацией ЖКХ, ростом ИЧР и удовлетворенностью семейными отношениями. Экономические перспективы и вызовы связаны с тем, что трансгранижье России и Монголии (Бурятия, Забайкалье) характеризуется как ресурсодобывающий регион с высоким потенциалом полезных ископаемых, но депрессивный по уровню социально-экономического развития. Он балансирует между оседлым животноводством Бурятии и модернизируемым номадизмом Монголии, где малые села видятся опорой для переработки сырья и сельского среднего класса.

Динамика трансграничных обществ, по мнению А. А. Бадараева, определяется синергией локальных социально-экономических потенциалов, модернизацией систем жизнеобеспечения и глобализационными векторами, открывающими горизонты интеграции в транснациональные мегапроекты.

Выводы

Таким образом, рецензируемая монография по социокультурным и этнокультурным процессам на российско-монгольском трансгранижье представляет высокую ценность для науки благодаря своей актуальности в изучении социальных трансформаций, а также разработке стратегических императивов устойчивого развития евразийских приграничных зон, предлагая эмпирически обоснованную аналитическую матрицу для прогнозирования и оптимизации социально-экономических траекторий в условиях глобальных вызовов.

Работа выполнена в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН (проект «Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие этнических групп в республиках Урало-Поволжья (на примере Республики Башкортостан)» на 2025–2027 гг.) № 1022040500508-1-6.1.1.

Литература

Бадараев Д. Д. Российско-монгольское трансгранижье: структурные и этнокультурные особенности социальных изменений / Д. Д. Бадараев; отв. ред. проф. З. Т. Голенкова. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. – 352 с.

Иванов А. В. Новый восточный поворот / А. В. Иванов, Ю. В. Попков // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22. – № 1. – С. 112–125.

Мандригина Л. А. Информационное сопровождение проблемы «Тюркские народы Сибири»: база данных и библиографический указатель / Л. А. Мандригина, В. В. Рыкова, Т. В. Бусыгина, Н. А. Балуткина // Труды ГПНТБ СО РАН. – 2022. – № 2. – С. 70–80.

Михалев М. С. Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические проблемы в судьбе коренных народов российско-китайского трансграничья: конец XX – начало XXI в.: дис. ... д-ра ист. наук / М. С. Михалев; ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. – М., 2020. – 339 с.: ил.

Тюркские ареалы Сибири / отв. ред.: И. А. Невская, Н. Б. Кошкарёва. – Новосибирск: Академиздат, 2022. – 438 с.

Эпический ландшафт ойратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста): отчет о научно-исследовательской работе (проект № 24-48-03026) [Электронный ресурс] / рук. темы М. С. Михалев; Российский научный фонд. – Режим доступа: <https://rscf.ru/project/24-48-03026/> (дата обращения: 21.04.2026).

References

Badaraev D. D. Rossijsko-mongol'skoe transgranich'e: strukturnye i etnokul'turnye osobennosti social'nyh izmenenij / D. D. Badaraev; отв. red. prof. Z. T. Golenkova. – Ulan-Ude: Izd-vo IMBT SO RAN, 2025. – 352 s.

Ivanov A. V. Novyj vostochnyj povorot / A. V. Ivanov, Yu. V. Popkov // Rossiya v global'noj politike. – 2024. – T. 22. – № 1. – S. 112–125.

Mandrinina L. A. Informacionnoe soprovozhdenie problemy «Tyurkskie narody Sibiri»: baza dannyh i bibliograficheskij ukazatel' / L. A. Mandrinina, V. V. Rykova, T. V. Busygina, N. A. Balutkina // Trudy GPNTB SO RAN. – 2022. – № 2. – S. 70–80.

Mihalev M. S. Etnokul'turnye, etnosocial'nye i etnopoliticheskie problemy v sud'be korennyh narodov rossijsko-kitajskogo transgranich'ya: konec XX – nachalo XXI v.: dis. ... d-ra ist. nauk / M. S. Mihalev; FGBUN Ordена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. – М., 2020. – 339 с.: ил.

Tyurkskie arealy Sibiri / отв. red.: I. A. Nevskaya, N. B. Koshkareva. – Novosibirsk: Akademizdat, 2022. – 438 s.

Epicheskij landshaft ojratov Rossii, Mongolii i Kitaya (ot arhaicheskogo eposa do knizhnogo teksta): otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote (proekt № 24-48-03026) [Elektronnyj resurs] / ruk. temy M. S. Mihalev; Rossijskij nauchnyj fond. – Rezhim dostupa: <https://rscf.ru/project/24-48-03026/> (data obrashcheniya: 21.04.2026).

УДК 016

ББК 78.5

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-154-158

А. А. Кушнарева

ИМБТ СО РАН – 100 ЛЕТ. РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ИЗДАНИЯ БУРЯТСКОГО ИНСТИТУТА
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СО АН СССР (БИОН)
И БУРЯТСКОГО ИНСТИТУТА ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК СО АН
СССР (БИЕН). Ч. IV*

В статье представлена библиография изданий двух крупных подразделений Бурятского филиала СО АН СССР – Бурятского института общественных наук СО АН СССР (БИОН) и Бурятского института естественных наук СО АН СССР (БИЕН) за 1977–1979 гг.

Ключевые слова: ИМБТ СО РАН, Бурятский институт общественных наук, Бурятский институт естественных наук, библиография изданий, научная литература.

L. L. Kushnareva

IMBT SO RAN – 100 YEARS. RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITY.
PUBLICATIONS OF THE BURYAT INSTITUTE OF SOCIAL
SCIENCES OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES (BION)
AND THE BURYAT INSTITUTE OF NATURAL SCIENCES
OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES (BIEN). PART 4

The article presents a bibliography of publications of two large divisions of the Buryat branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences – the Buryat Institute of Social Sciences of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (BION) and the Buryat Institute of Natural Sciences of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (BIEN) for 1977–1979.

Ключевые слова: IMBT SB RAS, Buryat Institute of Social Sciences, Buryat Institute of Natural Sciences, bibliography of publications, scientific literature.

*Издания Бурятского института общественных наук СО АН СССР (БИОН)
и Бурятского института естественных наук СО АН СССР (БИЕН)*

1977

Герштейн А. М. Культурно-просветительная работа в Бурятии в условиях развитого социализма (1959–1970 гг.): очерк истории / А. М. Герштейн / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. – 283 с.

Ильин К. Е. Совершенствование симментализированного скота в Бурятии / К. Е. Ильин; отв. ред. Н. Г. Лопатин; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. – 330 с.

Исследование бурятских и русских говоров / отв. ред. Ц. Б. Цыдендамбаев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ, 1977. – 219 с.

Исследования по истории и филологии Монголии / отв. ред. Ш. Б. Чимитдоржиев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт обществен-

КУШНАРЕВА Людмила Леонидовна – кандидат филологических наук, начальник Научной библиотеки, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: makosh76@mail.ru.

* Продолжение. Начало см.: Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2025. – № 4(60). – С. 169–174; 2026. – № 1(61). – С. 147–152; 2026. – № 2(62). – С. 147–152.

ных наук. – Улан-Удэ, 1977. – 104 с. (Труды Бурятского института общественных наук. Серия востоковедения. Вып. 28).

Исследования по распространению электромагнитных волн / отв. ред. Н. Б. Чимитдоржиев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ, 1977. – 127 с. (Труды Бурятского института естественных наук. Серия физики. Вып. 22).

Кузьмина Л. П. Народно-поэтическое творчество рабочих Сибири: (рабочий фольклор как исторический источник) / Л. П. Кузьмина; отв. ред. Л. Е. Элиасов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. – 296 с.

Мохосоев М. В. Состояние ионов молибдена и вольфрама в водных растворах / М. В. Мохосоев, Н. А. Шевцова; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. – 168 с.

Потанина Р. П. Свадебная поэзия семейских Забайкалья (конец XIX – семидесятые годы XX вв.) / Р. П. Потанина; отв. ред. Л. Е. Элиасов, Р. П. Матвеева; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. – 160 с.

Продуктивность наземных фотосинтезирующих систем в экстремальных условиях / отв. ред. М. В. Ефимов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ, 1977. – 192 с.

Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов / Г. Д. Санжеев; отв. ред. И. Д. Бураев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. – 161 с.

Фаунистические и экологические исследования в Забайкалье / отв. ред. А. Г. Богданов. – Улан-Удэ, 1977. – 245 с. – (Труды Бурятского института естественных наук / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Серия Зоологическая. Выпуск 15).

Федоров П. И. Химия галлия, индия и таллия / П. И. Федоров, М. В. Мохосоев, Ф. П. Алексеев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1977. – 224 с.

Цыдыпов Ч. Ц. Распространение ультракоротких радиоволн / Ч. Ц. Цыдыпов; отв. ред. И. М. Виленский; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1977. – 206 с.

Эрозия почв бассейна озера Байкал и меры борьбы с ней / отв. ред. Н. Б. Намжилов. Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ, 1977. – 154 с.

1978

Бадараев Б.-Д. Краткая инструкция по подготовке текста к набору на старописьменном монгольском языке / Б.-Д. Бадараев. – Улан-Удэ, 1978. – 10 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Балдано М. Н. Социалистическое соревнование рабочих Бурятии в годы семилетки (1959–1965 гг.) / М. Н. Балдано; отв. ред. Г. Л. Санжиев. – Улан-Удэ, 1978. – 12 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Балханов Г. И. Коммунистическая пропаганда и двуязычие / Г. И. Балханов; отв. ред. Д. Д. Лубсанов. – Улан-Удэ, 1978. – 12 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Балханов Г. И. Печать и соревнование (на примере республиканской газеты «Правда Бурятии») / Г. И. Балханов; отв. ред. Д. Д. Лубсанов. – Улан-Удэ, 1978. – 12 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Баранникова Е. В. Бурятские волшеббно-фантастические сказки / Е. В. Баранникова; отв. ред. И. А. Ким; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Новосибирск: Наука, 1978. – 253 с.

Беликов В. В. Повышение культурно-технического уровня рабочих Бурятии / В. В. Беликов; отв. ред. Г. Л. Санжиев. – Улан-Удэ, 1978. – 24 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Богомолов Т. Б. Рост общественной активности трудящихся – важнейший фактор социального прогресса / Т. Б. Богомолов; отв. ред. Д. Д. Лубсанов. – Улан-Удэ, 1978. – 13 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении / Ц. Б. Будаев; отв. ред. В. И. Рассадин; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. – 302 с.

Бюраева Э. И. Ритмомелодика простых нераспространенных предложений бурятского языка / Э. И. Бюраева; отв. ред. В. И. Наделяев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978. – 128 с.

Васильева А. В. История перед судом писателя: (о романе И. Калашникова «Жестокий век») / А. В. Васильева; отв. ред. В. Ц. Найдаков. – Улан-Удэ, 1978. – 25 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Взаимовлияние языков в Бурятии / отв. ред. Л. Д. Шагдаров; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1978. – 123 с.

Вычислительная техника и программирование / отв. ред. А. Н. Буинов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1978. – 137 с.

Дугаров Н. Б. Лексические синонимы в современном бурятском литературном языке / Н. Б. Дугаров; отв. ред. Л. Д. Шагдаров; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – М.: Наука, 1978. – 71 с.

Жербаков О. И. Влияние средств массовой информации и пропаганды на формирование профессиональных интересов молодежи / О. И. Жербаков. – Улан-Удэ, 1978. – 14 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Иванов Г. М. Биогеохимия марганца и меди в ландшафтах Тункинского Прибайкалья / Г. М. Иванов; отв. ред. М. В. Ефимов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. – 142 с.

Максанов С. А. Идеино-политическая работа коммунистической партии в Бурятии: (октябрь 1917 г. – июнь 1941 г.): на материалах Бурятской АССР, Агинского и Усть-Ордынского бурятских автономных округов / С. А. Максанов; отв. ред. Н. Д. Шулунов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978. – 274 с.

Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт атеистической интерпретации / И. А. Манжигеев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – М.: Наука, 1978. – 127 с.

Мастерство современных бурятских сказителей / отв. ред. С. С. Бардаханова; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1978. – 135 с.

Мохосоев М. В. Диаграммы состояния молибдатных и вольфраматных систем / М. В. Мохосоев, Ф. П. Алексеев, В. И. Луцык; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. – 320 с.

Паликова А. К. Песни желанной свободы: революционная поэзия в рукописных журналах Восточной Сибири начала XX в. / А. К. Паликова; отв. ред. А. И. Уланов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. – 141 с.

Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении / В. И. Рассадина; отв. ред. Л. Г. Шагдаров; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – М.: Наука, 1978. – 287 с.

Санхядова Л. К. Молодежная газета как средство нравственного воспитания: (контент-анализ) / Л. К. Санхядова. – Улан-Удэ, 1978. – 12 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Соктоева К. Б. Судьбы народов Сибири в русской советской литературе / К. Б. Соктоева; отв. ред. В. Ц. Найдаков; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. – 143 с.

Халбаев М. Н. Индустриальное развитие национальных районов Сибири 1959–1970 / М. Н. Халбаев; отв. ред. Е. Е. Тармаханов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. – 256 с.

Харитонов Е. Г. Выпускники школ как источник пополнения рабочего класса Бурятского АССР в годы восьмой пятилетки / Е. Г. Харитонов. – Улан-Удэ, 1978. – 9 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Хилтухина С. Г. К вопросу формирования социально-профессиональных групп интеллигенций Бурятской АССР / С. Г. Хилтухина. – Улан-Удэ, 1978. – 11 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Химия, технология и природное сырье молибдена и вольфрама / отв. ред. В. И. Спицын; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Улан-Удэ, 1978. – 167 с.

Цырендоржиева Д. Ш. Абстрактные структуры математики в свете марксистской категории количества / Д. Ш. Цырендоржиева. – Улан-Удэ, 1978. – 12 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России XVII – XVIII вв. / Ш. Б. Чимитдоржиев; отв. ред. Е. М. Залкинд; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – М.: Наука, 1978. – 216 с.

1979

Айдурай Мэргэн: [бурятский улигер] / записан Ц. Жамцарано от сказителя Б. Булдаева; подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хоимонова, отв. ред. Е. В. Баранникова; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. – 128 с.

Бадмаев К. П. О социально-воспитательных функциях социалистического соревнования / К. П. Бадмаев. – Улан-Удэ, 1979. – 9 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Булдаев Ботохша. Айдурай Мэргэн: [бурятский улигер] / записан Ц. Жамцарано от сказителя Б. Булдаева; подг. текста, пер., предисл. и прим. М. П. Хоимонова; отв. ред. Е. В. Баранникова; Академия наук СССР, Сибирское отделение, Бурятский филиал, Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. – 128 с. – Автор указан на 5-й с. – Часть текста параллельно на русском, бурятском языке.

Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии / Л. Г. Ивашина; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирская отделение, 1979. – 158 с.

Кяхте – 250 лет: сборник статей / отв. ред. Д. Д. Лубсанов и др.; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978 (на обложке 1979). – 102 с.

Нагорнова А. Я. Руководство Бурятской организации КПСС совершенствованием книгоиздательского дела в период развитого социализма (1959–1970 гг.) / А. Я. Нагорнова; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. – 163 с.

Никифоров К. А. Комбинированный способ переработки сыннырита / К. А. Никифоров, М. В. Мохосоев, М. И. Турунхаева; отв. ред. Ф. П. Алексеев. – Улан-Удэ, 1979. – 66 с. – (Препринт / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук).

Онһон үгэ оностой [пословицы и поговорки]: буряад арада онһон хошоо үгэнүүдэйсуглуулбари / ред. А. Б. Соктоев; согсологшод Ц.-А. Дугар-Нимаев, Б. Д. Даксанова, Р. Ж. Жалсанова; СССР-эй Наукануудай Академии. Сибириин таһаг. Буряадай филиалай ниитын эрдэмэй институт. – Улан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1979. – 219 с.

Растительные ресурсы Забайкалья, их охрана и использование / отв. ред. М. В. Ефимов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук, отдел биологии. – Улан-Удэ: СО АН СССР. Бурятский филиал, 1979. – 96 с.

Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост., вступ. ст. и коммент. Р. П. Матвеевой; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Бурятский институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1979. – 303 с.

Русские свадебные песни Сибири / сост., вступ. ст. и примеч. Р. П. Потаниной; отв. ред. А. И. Уланов; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Бурятский институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1979. – 334 с.

Современная литература Бурятии / отв. ред. А. Б. Соктоев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Бурятский институт общественных наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. – 149 с.

Социалистический реализм в творчестве Хоца Намсараева / отв. ред. А. Б. Соктоев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Бурятский институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1979. – 94 с.

Тармаханов Е. Е. Промышленность и рабочий класс советской Бурятии 1938–1958 / Е. Е. Тармаханов; отв. ред. В. В. Алексеев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Бурятский институт общественных наук. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1979. – 333 с.

Түмэн таабари = Десять тысяч загадок / ред. А. Б. Соктоев, Ц.-А. Дугар-Нимаев; согсологшод Ц.-А. Дугар-Нимаев, Б. Д. Даксанова, Р. Ж. Жалсанова; СССР-эй наукануудай Академии. Сибириин таһаг. Буряадай филиалай ниитын эрдэмэй институт. – Улан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1979. – 352 н.

Химия соединений Мо (VI) и W (VI) / отв. ред. М. В. Мохосоев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Бурятский институт естественных наук. – Новосибирск: Наука, 1979. – 158 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении / Ц. Б. Цыдендамбаев; отв. ред. В. И. Рассадин / Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – М.: Наука, 1979. – 148 с.

Цыдыпов Ч. Ц. Исследование электрических свойств подстилающей среды / Ч. Ц. Цыдыпов, В. Д. Цыденов, Ю. Б. Башкуев; отв. ред. В. С. Доржиев; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт естественных наук. – Новосибирск: Наука, 1979. – 176 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. / Ш. Б. Чимитдоржиев; отв. ред. Е. М. Залкинд; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Бурятский филиал. Институт общественных наук. – М.: Наука, 1979. – 86 с.

УДК 930

ББК 63.2

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-159-162

Э. В. Батунаев

МОНГОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ
И ПЕРВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ КНР:
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНДОВ
ПО ИТОГАМ ОТКРЫТОГО СЕМИНАРА В ИМБТ СО РАН

E. V. Batunaev

MONGOLIAN NATIONAL ARCHIVE
AND THE FIRST HISTORICAL ARCHIVE
OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA:
GENERAL CHARACTERISTICS OF THE FUNDS

2 апреля 2026 г. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН состоялся методический семинар младшего научного сотрудника отдела источниковедения, документации и информатики Института истории и этнологии Академии наук Монголии Батцоожийн Элзийсайхан на тему «Монгольский национальный архив и Первый исторический архив КНР: общая характеристика и обзор фондов». Докладчик успешно прошла научную стажировку в Институте в рамках программы научного обмена с ИИЭ АНМ.

В начале выступления был представлен краткий исторический экскурс, посвященный истории Монголии в цинский период, а также освещены основные этапы вхождения монгольских территорий в состав Цинской империи. В 1636 г. была включена Внутренняя Монголия, в 1691 г. – Халха, а в 1755 г. – Джунгарское ханство. На протяжении более чем 200 лет эти территории находились под властью маньчжурской династии – вплоть до провозглашения монгольской независимости в 1911 г.

Б. Элзийсайхан отметила, что в указанный период создавались различные документы на маньчжурском, монгольском и китайском языках, а также составлялись религиозные тексты на тибетском языке и санскрите. Знакомство с этими источниками, включающими императорские указы, донесения князей, записи почтовых караулов, а также документы административных единиц (хошунов, чуулганов, дзасаков, управлений канцеляриями и военных управлений), имеет ключевое значение для изучения истории Монголии.

Перечисленные документы хранятся в двух крупных архивах:

1. Монгольский национальный архив, в котором сосредоточены документы локального характера, связанные с повседневной деятельностью Халхи, в частности Шабинского ведомства, канцелярий хошунов, чуулганов, почтовых станций и караулов.

2. Первый исторический архив КНР, содержащий документы эпохи Мин, а также многочисленные материалы династии Цин, в т. ч. касающиеся маньчжурских императоров, военного управления, дворцовых ведомств и пограничной политики.

В ходе выступления докладчик подробно остановилась на формировании архивного дела и развитии научных исследований в Монголии. Особая роль в становлении науки принадлежит Ученому комитету Монголии, созданному в 1921 г. Именно с этого момента было положено начало современным научным учреждениям в Монголии, началась систематическая работа по сбору, учету и введению в научный оборот древних рукописей и исторических памятников. Ученый комитет заложил основу для становления современной системы архивов, музеев и библиотек Монголии. Его деятельность охватывала централизацию письменного наследия, проведение полевых исследований,

БАТУНАЕВ Эдуард Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: Batunaeveduard@mail.ru.

перевод и распространение текстов на иностранных языках, а также охрану историко-культурных памятников, что в совокупности способствовало формированию основных фондов Национального архива Монголии.

В Национальном архиве Монголии хранятся документы эпохи Цин, периода автономии Богдо-хана, социалистического и современного периодов, различные фонды личного происхождения, фотографии, карты, цифровые базы данных. В контексте изучения цинского периода особенно значим фонд с литерой «М» (маньчжурский фонд), насчитывающий 224 дела. В него входят документы, связанные с маньчжурскими наместниками в Хурэ, маньчжурским генеральным управлением в Улясутае, монгольской военной канцелярией в Улясутае, четырьмя аймачными канцеляриями в Халхе, канцеляриями помощников генерал-губернатора в Улясутае, казначействами разных хошунов, управлением Шабинского ведомства, казначействами Джебцзун-Дамба-хутухты, почтовыми станциями, караулами, территориями Танну-Алтай, Танну-Урянхай, Дурбэт и др. Также имеются документы на китайском языке и тибетские тексты.

Б. Өлзийсайхан отметила, что с этим фондом знакомится ограниченное число историков, поскольку большинство документов составлено на китайском и маньчжурском языках, что создает определенные языковые трудности. В Национальном архиве Монголии хранятся документы для изучения административного устройства религиозных институтов периода маньчжурской династии, в частности фонд Эрдэнэ-шанцзотбы Шабинского ведомства, крупный фонд Джебцзун-Дамба-хутухты, а также материалы, связанные с Хурэ, монастырями дацанов, направлениями основных почтовых станций. Кроме того, такие станции и маршруты, как Харчин, Халхин-Горин, Саир-Ус-Хуре-Хиагт, Улиастай-Ховд, Улиастай-Хурейн-Суман, а также посты охраны являются важными источниками для изучения систем дорожного сообщения и передачи информации.

В целом эти документы позволяют реконструировать реализацию политики управления Халхой Цинской империей в условиях значительной территориальной удаленности. Среди них особый интерес представляют источники, отражающие численный состав населения, поголовье скота, систему налогов и повинностей, военную организацию, почтово-караульную систему, земельные отношения, дела лам и знати, таможенное дело и судебные процессы. Эти материалы на маньчжурском языке достаточно ясно демонстрируют трудности, возникавшие в Цинской империи при управлении отдаленными территориями.

Далее докладчик сообщила важную практическую информацию о графике работы архива, необходимых для посещения документах, маршруте проезда, поскольку исследователям, впервые оказавшимся в Монголии, довольно сложно добраться до архива. Заказанные документы выдаются на следующий день, предоставляются в виде первоисточников и могут просматриваться в течение 14 дней. Стоимость сканирования (копирования) одной страницы составляет 8 тыс. тугриков. Важно отметить, что архивные документы и их описи в открытом доступе отсутствуют. График работы архива: понедельник – пятница, 8:30–17:00 ч.

Далее исследователь обратилась к Первому историческому архиву КНР. Всего в Китае насчитывается три архива, обладающих статусом центральных. Первый исторический архив КНР находится в Пекине и хранит документы эпохи Цин. Второй расположен в Нанкине и содержит документы периода Китайской Республики. Третий также находится в Пекине и включает материалы, относящиеся к периоду после 1949 г., т. е. после образования КНР. Первый архив до недавнего времени размещался в императорском дворце. Б. Өлзийсайхан привела краткую историческую справку об архиве и его переезде в 2021 г. в новое здание.

В фондах Первого исторического архива насчитывается более 10 млн ед. хр., объединенных в 77 фондов за период с 1607 по 1911 г. Один из них (более 3 тыс. ед. хр.) относится к эпохе правления императоров Мин, остальные документы принадлежат маньчжурской династии Цин. Фонды включают документы различных категорий центральных государственных учреждений, таких как Военный совет, министерство церемоний, охранное ведомство, а также региональных органов управления, управления военного губернатора Хэйлунцзяна и личных архивов, в т. ч. последнего императора маньчжур-

ской династии Цин Пу И. Это указы, доклады, карты, реестры и др. на маньчжурском языке. Кроме того, имеется значительный корпус монгольских документов (более 6 тыс. тетрадей и 240 тыс. дел), а также большое количество источников на других языках.

Основной фонд по истории Монголии периода Цин – фонд «Военного совета», созданный в 1730 г. в правление цинского императора Юнчжэня и содержащий документы по военным делам и пограничной политике. Всего насчитывается 825358 ед. хр., охватывающих период с 1730 по 1911 г. Документы представлены на маньчжурском, монгольском и китайском, тибетском языках, а также на санскрите.

Особый интерес представляют ежемесячные сводки докладов императору. Исследователь привела порядок подачи доклада цинским чиновником на рассмотрение императора. После рассмотрения доклада император делал пометки красной кистью и издавал указ. После этого оригинал возвращался обратно подавшему его чиновнику. По истечении определенного срока их собирали и сдавали на хранение во дворец. И назывались они «докладами с пометками красной кистью». Если такой доклад до его возвращения чиновнику тайно копировали и оставляли себе, то такая копия называлась «скопированным докладом» (или «докладом-копией»). Впервые эти ежемесячные сводки были изучены в 1965 г. (всего 1537 списков).

В дальнейшем эту работу продолжил Первый исторический архив в рамках научных проектов совместно с Центром изучения приграничной истории Академии общественных наук Китая и Институтом истории династии Цин Народного университета Китая. Были переведены заголовки и краткое содержание около 120 тыс. маньчжурских докладов. По итогам работы опубликовано 13 томов «Каталогов маньчжурских архивных документов по приграничным вопросам эпохи Цин». Эти материалы охватывают широкий круг вопросов, связанных с политикой, экономикой, военным делом, культурой и религией следующих регионов: Мукдэн, Гирин, Хэйлунцзян (Хар Мөрөн), Внутренняя Монголия, Улясутай, Синьцзян, Тибет, Чжили, Шаньдун, Цзянсу, Гуандун, Гуанси, Юньнань, Фуцзянь, Тайвань.

Далее Б. Ёлзийсайхан предоставила практическую информацию о графике работы Первого исторического архива, необходимых документах, маршруте проезда и т. д. За неделю до посещения архива необходимо зарегистрироваться на сайте архива. Все документы отсканированы и доступны для просмотра в цифровом формате за компьютером. Что касается онлайн-доступа, то в течение года одному исследователю предоставляется возможность бесплатно заказать до 20 документов.

В Китае действует строгий порядок доступа к архивным документам: для их просмотра необходимо пройти соответствующую проверку. График работы архива: понедельник – пятница, 8:30–16:30 ч.; суббота, 9:00–17:00 ч.; архив не работает по воскресеньям и праздничным дням. Необходимо зайти на сайт fhac.com.cn, затем зарегистрироваться в WeChat. Из 77 фондов онлайн доступны каталоги 44 фондов. В результате поиска по онлайн-каталогу необходимо будет выписать шифры материалов, которые сочтете важными. Заказы принимаются только в онлайн-формате, отсутствуют бумажные требования. При его посещении необходимо взять паспорт или другое удостоверение личности.

Дополнительно докладчик рассказала о небольшом цинском архиве при императорском дворце, изначально не заявленном в теме доклада, и привела краткую историческую справку об образовании архива на Тайване. Большая его часть была перевезена из Пекина в Тайбэй в период гражданской войны по указанию Чан Кайши. Описи архива доступны бесплатно на сайте.

В заключение Б. Ёлзийсайхан подвела итоги, охарактеризовав три крупных архива, в которых хранятся различные виды документов цинского периода по истории Монголии: Национальный архив Монголии, Первый исторический архив КНР и Тайваньский архив при императорском дворце. В Национальном архиве Монголии сосредоточены локальные документы, связанные с повседневной деятельностью Халхи, в частности Шабинского ведомства, канцелярий хошунов, чуулганов, почтовых станций и караулов. Документы, хранящиеся в Пекине и на Тайване, относятся к центральной власти, и на их основе можно реконструировать политику Цинской империи, проводившуюся непосредственно в отношении монгольских территорий.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Источники

Главное архивное управление Монголии: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archives.gov.mn> (дата обращения: 05.04.2026).

Национальный архив Тайваня: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.archives.gov.tw> (дата обращения: 05.04.2026).

Национальный дворцовый музей: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.npm.gov.tw> (дата обращения: 05.04.2026).

Первый исторический архив Китая: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fhac.com.cn> (дата обращения: 05.04.2026).

Второй исторический архив Китая: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shac.net.cn> (дата обращения: 05.04.2026).

References

Glavnoe arhivnoe upravlenie Mongolii: oficial'nyj sayt [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://archives.gov.mn> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

Nacional'nyj arhiv Tajvanya: oficial'nyj sayt [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.archives.gov.tw> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

Nacional'nyj dvorcovyj muzej: oficial'nyj sayt [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.npm.gov.tw> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

Pervyj istoricheskij arhiv Kitaya: oficial'nyj sayt [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.fhac.com.cn> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

Vtoroj istoricheskij arhiv Kitaya: oficial'nyj sayt [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.shac.net.cn> (data obrashcheniya: 05.04.2026).

УДК 1(091)
ББК 72.6 (2Рос.Бур)
DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-163-168

М. В. Орбодоева

ФИЛОСОФИЯ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ:
К 75-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК
ИРИНЫ САФРОНОВНЫ УРБАНАЕВОЙ

M. V. Orbodoeva

PHILOSOPHY AS A WAY OF LIFE:
TO THE 75TH ANNIVERSARY OF IRINA S. URBANAEVA,
DOCTOR OF PHILOSOPHICAL SCIENCES

В 2026 г. исполняется 75 лет Ирине Сафроновне Урбанаевой, доктору философских наук, главному научному сотруднику отдела философии, культурологии и религиоведения ИМБТ СО РАН. Родилась она 13 августа (9 октября) 1951 г. в улусе Таловка (Захшон) Ольхонского района Иркутской области в семье учителей. Позже семья переехала в Бурятию, где в 1958 г. Ирина Сафроновна поступила в Зун-Хурайскую школу. Переехав вместе с семьей в с. Можайка Еравнинского района, училась в Можайской средней школе, окончила Сосново-Озерскую среднюю школу (Еравнинский район) в 1968 г. с серебряной медалью и поступила в Московский энергетический институт на теплоэнергетический факультет. Но, поняв, что инженер-энергетик – не ее призвание, оставила МЭИ и один год посвятила преподаванию физики и химии в Тужинской школе. В 1969–1971 гг. училась на физическом факультете МГПИ им. Ленина, но с 3-го курса прекратила обучение, так как не хотела быть учительницей физики – она мечтала стать физиком-теоретиком. Но к тому времени она увлеклась философскими проблемами пространства и времени и в 1974 г. поступила на философский факультет МГУ им. Ломоносова. Там она специализировалась на кафедрах логики и этики. В 1979 г. завершила обучение в университете и начала преподавательскую деятельность в Алтайском государственном институте культуры в г. Барнауле. И хотя она проработала там меньше трех лет, бывшие коллеги и студенты до сих пор вспоминают Ирину Сафроновну с уважением и теплом.

В ноябре 1981 г. она вернулась в МГУ уже аспирантом философского факультета по специальности «этика». В 1985 г. И. С. Урбанаева защитила кандидатскую диссертацию по теме «Специфика этического знания» и пришла в Бурятский институт общественных наук, ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, где и работает по сей день.

В 1995 г. Ирина Сафроновна защитила докторскую диссертацию на тему «Человек у Байкала и мир Центральной Азии: философия истории» на объединенном диссертационном совете Монгольского национального университета и Института философии, социологии и права Монгольской академии наук и в 1996 г. получила монгольский ди-

плом доктора философских наук. В 1997 г. на основании представления докторской диссертации в ВАК России она получила также российский диплом доктора философских наук.

Область научных интересов Ирины Сафроновны довольно обширна: философия морали и методология науки, философия истории и религии Внутренней Азии, философская антропология и эзотерика; буддизм и тибетология, сравнительная философия. Основной сферой исследований И. С. Урбанаевой являются проблемы философии тибетского буддизма: онтология, логика, медитация, тибетоязычные письменные и устные источники, взаимодействие науки и буддизма, сравнение буддийской и западной философии, сравнительная буддология. Она автор свыше 150 научных трудов, в т. ч. переводов: Дхармаракшита, Атиша «Колесо острых кинжалов», Намкха Пел «Лоджонг “Лучи Солнца”» [2006], Шантидева «Bodhicaryavatara: Вступление в практику Бодхисаттв» [2007], Пабонгка Ринпоче «Ламрим: Освобождение в наших руках» (в двух книгах) [2008а, б], Цонкапа Лосанг Драгпа «Океан аргументов: Большой комментарий к тексту Нагарджуны “Mūlamadhyamakakārikā”» (в двух томах) [2020, 2021], Ра Ёше Сенге «Намтар Досточтимого Ра Лоцавы: Всепроникающий Звук Барабана Совершенного Освобождения Могущественного Мастера Тантры» [2018] и монографий: «Основания этического знания и единая наука» [1988], «Дхарамсала и мир тибетской эмиграции» [2005], «Человек у Байкала и мир Центральной Азии: философия истории» [1995], «Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тенгрианство в свете эзотерических учений» (в двух томах, 2000), «Буддийская философия и медитация в компаративистском контексте» [2014а], «Становление тибетской и китайской махаяны: в контексте проблемы аутентичного буддизма» [2014б], «Буддийская философия и практика: “постепенный” и/или “мгновенный путь” просветления» [2016], «Буддийская философия и практика. Ч. II. Махаяна и “мгновенный” путь просветления» [2018], «“Муламадхьямака-карики” Нагарджуны и интерпретации мадхьямаки» [2022], «Стадиальная система махаянского пути в индо-тибето-монгольской традиции» (совм. с А. В. Лощенковым [2024]; «Человек у Байкала и мир Внутренней Азии» [2025].

Академик Б. В. Базаров, д. филос. н. И. С. Урбанаева, глава Республики Бурятия А. С. Цыденов

Свой путь в науке Ирина Сафроновна начала с изучения методологических проблем гуманитарных наук и философии морали в монографии «Основания этического знания и единая наука» [1988], затем – философии истории Центральной Азии, шаманизма и тенгрианства в монографиях: «Человек у Байкала и мир Центральной Азии:

философия истории» [1995] и «Шаманская философия бурят-монголов: центрально-азиатское тенгрианство в свете эзотерических учений» [2000]. В этих работах ею была сформулирована оригинальная концепция тенгрианства как преемственной философской и духовной основы цивилизаций кочевников Внутренней Азии и наличия философии Чингисхана, а также впервые на основе сравнительной философской методологии был раскрыт глубокий философско-эзотерический символизм в бурят-монгольском шаманизме и фольклоре.

В 2025 г. в новой редакции опубликована монография 1995 г. «Человек у Байкала и мир Внутренней Азии: философская ретроспектива суперэтнической кочевой цивилизации». В новое издание внесены значительные дополнения и исправления. Объектом философского исследования стала суперэтническая история Байкальского региона. В работе сквозь призму цивилизационного подхода раскрывается философско-антропологическая, мировоззренческая, культурная, этико-психологическая содержательность истории Байкальской Азии как части более глобального и единого мира кочевников Внутренней Азии. В монографии показаны особенности их традиционного мировоззрения, экологии, этики межличностных и международных отношений, духовной жизни, философской культуры. Кроме того, автором обоснованы равновеликость и альтернативность цивилизационного развития мира кочевников Внутренней Азии и Китая.

Основная научная деятельность И. С. Урбанаевой неразрывно связана с изучением буддизма. В целях фундаментального и корректного изучения буддийской философии и практики в 2003–2004 гг. она прошла интенсивный курс тибетского языка в Буддийском колледже Сараа, являющемся филиалом Института буддийской диалектики (Дхарамсала, Индия), а также на протяжении более 30 лет изучает устную традицию тибетского буддизма на основе учений Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо и других выдающихся современных держателей тибетского буддизма. Благодаря своему трудолюбию и таланту она стала одним из самых известных буддологов в стране и первой буддийской монахиней России. Ирина Сафроновна опубликовала ряд монографий и переводов, которые внесли неоценимый вклад не только в российскую, но и в мировую науку.

Буддологические исследования Ирины Сафроновны можно сгруппировать в следующие тематические блоки: аспекты буддийского пути; проблематика аутентичности буддизма; сравнение тибетской и китайской традиции махаяны; комментарии к тибетским и монгольским источникам; наука и буддизм; сравнительный анализ буддизма и философской традиции Запада; переводы тибетских источников; буддизм в социокультурном пространстве. Причем классификация работ Ирины Сафроновны – это тема отдельного научного исследования [Янгуты, Орбодоева, Лощенков 2022].

И. С. Урбанаева исследует тибетскую традицию буддизма на основе оригинальных тибетских текстов и индийских источников, демонстрируя также знание устной комментаторской традиции Тибета, используя собственную научную методологию, с одной стороны, продолжающую лучшие традиции российской и мировой буддологии, с другой – представляющую собой герменевтический метод совмещения академических научных принципов с «внутренним» подходом, основанным на знании буддизма «изнутри» тибетской традиции. Это отражает одну из главных особенностей ее академической работы: все, что она ис-

И. С. Урбанаева на Международной конференции «Нити преемственности: непреходящее наследие буддизма» (31 августа 2025 г., г. Гонконг, КНР)

следует, представляет для нее личный жизненный интерес и потребность. Вместе с тем ее работы содержат широкий сравнительный подход: сравнение тибетской и китайской махаяны в аспекте исторического становления и в аспекте философских воззрений, сравнение буддийской и западной философии, сравнение буддизма и науки. По ее словам, академическая буддология должна стать одним из важнейших средств сохранения в мире аутентичного буддизма [Янгутов 2016].

Хотелось бы отметить, что Ирина Сафроновна – замечательный наставник. Под ее руководством защитили кандидатские диссертации Б. Б. Сибиданов на тему «Мировоззренческие предпосылки исследования пространства-времени в традиционной культуре бурят» (2000), С. М. Найданова на тему «Буддийские основания тибетской медицины» (2015) и А. В. Лощенков «Текст “Быстрый путь” Панчен-ламы Лосанга Еше в системе источников традиции Ламрим» (2017).

И. С. Урбанаева ведет активную научно-организационную работу: она была инициатором, соорганизатором и участником таких крупных международных научных мероприятий, как конференция «Буддизм в изменяющемся мире» (2014), «Миры махаянского буддизма» (2023), I и II Международные буддийские форумы «Традиционный буддизм и вызовы современности» (2023, 2024).

Ирина Сафроновна является для нас примером трудолюбия, жажды новых знаний и неиссякаемой жизненной энергии. Мы поздравляем Ирину Сафроновну с юбилеем и желаем ей здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов!

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансляция и модернизация буддизма в контексте его единства и разнообразия в России, странах Восточной и Внутренней Азии») № 126020516675-9.

Литература

Дхармаракишта. Колесо острых кинжалов. Махаянская тренировка ума: Махаянская тренировка ума / Дхармаракишта, Атиша; пер. с тиб. Тензин Чойдрон (И. Урбанаева). – Улан-Удэ: Буддийск. община «Зеленая Тара»; Вита Магистра, 2005 (Полигр. отд. ГУЗ РЦМП МЗ РБ). – 57 с.

Намкха Пел. Лоджонг «Лучи Солнца»: Тренировка ума, подобная лучам солнца / Пел Намкха; пер. с тиб., предисл. и коммент. И. С. Урбанаевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 192 с.

Пабонгка Ринпоче. Ламрим: Освобождение в наших руках (Lam rim gnam grol lag bcangs). Т. I, кн. 1 / Ринпоче Пабонгка; изд. тиб. текста: Триджанг Ринпоче; пер. с тиб., вступ. ст. и коммент. И. С. Урбанаевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008а. – 192 с.

Пабонгка Ринпоче. Ламрим: Освобождение в наших руках (Lam rim gnam grol lag bcangs). Т. I, кн. 2 / Ринпоче Пабонгка; изд. тиб. текста: Триджанг Ринпоче; пер. с тиб., вступ. ст., коммент. и прил. И. С. Урбанаевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008б. – 219 с.

Ра Еше Сенге. Намтар Досточтимого Ра Лоцавы: Всепроникающий Звук Барабана Совершенного Освобождения Могущественного Мастера Тантры / Еше Сенге Ра; пер. с тиб., предисл. и примеч. И. С. Урбанаевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – 302 с.

Урбанаева И. С. Основания этического знания и единая наука / И. С. Урбанаева. – Новосибирск: Наука, 1988. – 194 с.

Урбанаева И. С. Человек у Байкала и мир Центральной Азии: философия истории / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 287 с.

Урбанаева И. С. Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тэнгрианство в свете духовных учений: в 2 ч. Ч. 1 / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – 2000а. – 265 с.

Урбанаева И. С. Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тэнгрианство в свете духовных учений: в 2 ч. Ч. 2 / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН СО РАН. – 2000б. – 203 с.

Урбанаева И. С. Дхарамсала и мир тибетской эмиграции / И. С. Урбанаева; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 182 с.

Урбанаева И. С. Буддийская философия и медитация в компаративистском контексте / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014а. – 376 с.

Урбанаева И. С. Становление тибетской и китайской махаяны: в контексте проблемы аутентичного буддизма / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014б. – 364 с.

Урбанаева И. С. Буддийская философия и практика: «постепенный» и/или «мгновенный путь» просветления / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 420 с.

Урбанаева И. С. Буддийская философия и практика. Ч. II: Махаяна и «мгновенный» путь просветления / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – 292 с.

Урбанаева И. С. «Муламадхьямака-карики» Нагарджуны и интерпретации мадхьямаки / И. С. Урбанаева. – Иркутск: Оттиск, 2022. – 448 с.

Урбанаева И. С. Человек у Байкала и мир Внутренней Азии: философская ретроспектива суперэтнической кочевой цивилизации / И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. – 402 с.

Урбанаева И. С. Стадиальная система махаянского пути в индо-тибето-монгольской традиции / И. С. Урбанаева, А. В. Лощенков. – Иркутск: Оттиск, 2024. – 424 с.

Философская интерпретация и трансляция буддизма (на материале индо-тибетской и китайской традиций): кол. моногр. / И. С. Урбанаева, Л. Е. Янгутов, А. В. Чебунин и др.: отв. ред. И. С. Урбанаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – 270 с.

Цонкапа Лосанг Драгпа. Океан аргументов: Большой комментарий к тексту Нагарджуны «Mūlamadhyamakakārikā» (предв. раздел и гл. I–VIII) / Лосанг Драгпа Цонкапа; пер. с тиб., вступ. статья, примеч. И. С. Урбанаевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. – 348 с.

Цонкапа Лосанг Драгпа. Океан аргументов: Большой комментарий к тексту Нагарджуны «Mūlamadhyamakakārikā» (гл. IX–XXVII) / Лосанг Драгпа Цонкапа; пер. с тиб., исслед. и прил. И. С. Урбанаевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. – 310 с.

Шантидева. Bodhicaryavatara: Вступление в практику Бодхисаттв (byang chub sems dra'i spyodpa la 'jug pa zhes bya ba bzhugs so) / Шантидева; пер., предисл. и коммент. И. С. Урбанаевой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 327 с.

Янгутов Л. Е. В неустанных поисках истины и себя / Л. Е. Янгутов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2016. – № 3(23). – С. 214–216.

Янгутов Л. Е. Тибетоязычные источники по буддизму в трудах доктора философских наук Ирины Сафроновны Урбанаевой (к 70-летию со дня рождения) / Л. Е. Янгутов, М. В. Орбодоева, А. В. Лощенков // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2022. – № 1(45). – С. 126–132.

References

Dharmarakshita. Koleso ostryh kinzhalov. Mahayanskaya trenirovka uma: Mahayanskaya trenirovka uma / Dharmarakshita, Atisha; per. s tib. Tenzin Chojdron (I. Urbanaeva). – Ulan-Ude: Buddijsk. obshchina «Zelenaya Tara»; Vita Magistra, 2005 (Poligr. otd. GUZ RCMP MZ RB). – 57 s.

Namkha Pel. Lodzhong «Luchi Solnca»: Trenirovka uma, podobnaya lucham solnca / Pel Namkha; per. s tib., predisl. i komment. I. S. Urbanaevoy. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2006. – 192 s.

Pabongka Rinpoche. Lamrim: Osvobozhdenie v nashih rukah (Lam rim rnam grol lag bcangs). T. I, kn. 1 / Rinpoche Pabongka; izd. tib. teksta: Tridzhang Rinpoche; per. s tib., vstup. st. i komment. I. S. Urbanaevoy. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2008a. – 192 s.

Pabongka Rinpoche. Lamrim: Osvobozhdenie v nashih rukah (Lam rim rnam grol lag bcangs). T. I, kn. 2 / Rinpoche Pabongka; izd. tib. teksta: Tridzhang Rinpoche; per. s tib., vstup. st., komment. i pril. I. S. Urbanaevoy. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2008b. – 219 s.

Ra Eshe Senge. Namtar Dostoctimogo Ra Locavy: Vsepronikayushchij Zvuk Barabana Sovershennogo Osvobozhdeniya Mogushchestvennogo Mastera Tantry / Eshe Senge Ra; per. s tib., predisl. i primech. I. S. Urbanaevoy. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2018. – 302 c.

Urbanaeva I. S. Osnovaniya eticheskogo znaniya i edinaya nauka / I. S. Urbanaeva. – Novosibirsk: Nauka, 1988. – 194 c.

Urbanaeva I. S. Chelovek u Bajkala i mir Central'noj Azii: filosofiya istorii / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: BNC SO RAN, 1995. – 287 s.

Urbanaeva I. S. Shamanskaya filosofiya buryat-mongolov: central'noaziatskoe tengrianstvo v svete duhovnyh uchenij: v 2 ch. Ch. 1 / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN. – 2000a. – 265 s.

Urbanaeva I. S. Shamanskaya filosofiya buryat-mongolov: central'noaziatskoe tengrianstvo v svete duhovnyh uchenij: v 2 ch. Ch. 2 / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN SO RAN. – 2000b. – 203 s.

Urbanaeva I. S. Dharamsala i mir tibetskoj emigracii / I. S. Urbanaeva; In-t mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2005. – 182 s.

Urbanaeva I. S. Buddijskaya filosofiya i meditaciya v komparativistskom kontekste / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2014a. – 376 s.

Urbanaeva I. S. Stanovlenie tibetskoj i kitajskoj mahayany: v kontekste problemy autentichnogo buddizma / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2014b. – 364 s.

Urbanaeva I. S. Buddijskaya filosofiya i praktika: «postepennyj» i/ili «mgnovennyj put'» prosvetleniya / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2016. – 420 s.

Urbanaeva I. S. Buddijskaya filosofiya i praktika. Ch. II: Mahayana i «mgnovennyj» put' prosvetleniya / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2018. – 292 s.

Urbanaeva I. S. «Mulamadh'yamaka-kariki» Nagardzhuny i interpretacii madh'yamaki / I. S. Urbanaeva. – Irkutsk: Ottisk, 2022. – 448 s.

Urbanaeva I. S. Chelovek u Bajkala i mir Vnutrennej Azii: filosofskaya retrospektiva superetnicheskoj kochevoj civilizacii / I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo IMBT SO RAN, 2025. – 402 s.

Urbanaeva I. S. Stadijal'naya sistema mahayanskogo puti v indo-tibeto-mongol'skoj tradicii / I. S. Urbanaeva, A. V. Loshchenkov. – Irkutsk: Ottisk, 2024. – 424 s.

Filosofskaya interpretaciya i translyaciya buddizma (na materiale indo-tibetskoj i kitajskoj tradicii): kol. monogr. / I. S. Urbanaeva, L. E. Yangutov, A. V. Chebunin i dr.: otv. red. I. S. Urbanaeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2019. – 270 s.

Conkapa Losang Dragpa. Okean argumentov: Bol'shoj kommentarij k tekstu Nagardzhuny «Mūlamadhyamakakārikā» (predv. razdel i gl. I–VIII) / Losang Dragpa Conkapa; per. s tib., vstup. stat'ya, primech. I. S. Urbanaevoj. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2020. – 348 s.

Conkapa Losang Dragpa. Okean argumentov: Bol'shoj kommentarij k tekstu Nagardzhuny «Mūlamadhyamakakārikā» (gl. IX–XXVII) / Losang Dragpa Conkapa; per. s tib., issled. i pril. I. S. Urbanaevoj. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2021. – 310 s.

Shantideva. Bodhicaryavatara: Vstuplenie v praktiku Bodhisattv (byang chub sems dpa'i spyodpa la 'jug pa zhes bya ba bzugs so) / Shantideva; per., predisl. i komment. I. S. Urbanaevoj. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2007. – 327 s.

Yangutov L. E. V neustannyh poiskah istiny i sebya / L. E. Yangutov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2016. – № 3(23). – S. 214–216.

Yangutov L. E. Tibetoyazychnye istochniki po buddizmu v trudah doktora filosofskih nauk Iriny Safronovny Urbanaevoj (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya) / L. E. Yangutov, M. V. Orbodoeva, A. V. Loshchenkov // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2022. – № 1(45). – S. 126–132.

УДК 811.512.31

ББК 81.642

DOI 10.30792/2222-9175-2026-63-169-175

Ч. С. Цыбенова

СОЦИОЛИНГВИСТИКА В БУРЯТИИ:
К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ГАЛИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ДЫРХЕЕВОЙ

Ch. S. Tsybenova

SOCIOLINGUISTICS IN BURYATIA:
TO THE ANNIVERSARY OF DOCTOR OF PHILOLOGICAL SCIENCES,
PROFESSOR GALINA ALEKSANDROVNA DYRKHEEVA

Социалингвистика в бурятском языкознании как самостоятельное направление начало формироваться с конца 1960–1970-х гг. под влиянием масштабных социальных трансформаций в обществе: урбанизации, индустриализации и расширения общественно-производственных сфер, в которых доминировало использование русского языка. Этот период характеризовался активным изучением вопросов функционального развития национального бурятского языка. Ведущие бурятоведы того времени (Ц. Б. Цыдендамбаев, Т. А. Бертагаев, А. А. Дарбеева, И. Д. Бураев, В. И. Рассадин, Л. Д. Шагдаров, А. Р. Бадмаев и др.) внесли огромный вклад в исследование различных аспектов языка и языковой жизни Бурятии. В их работах рассматривались становление и нормирование бурятского литературного языка (орфография, пунктуация, кодификация), особенности его диалектного разнообразия, функционирование языка в новых социокультурных условиях, особенности бурятско-русского двуязычия, включая взаимодействие языков в различных коммуникативных сферах. Первоначальный этап характеризовался доминированием описательных методов, что соответствовало задаче систематизации наблюдаемых языковых процессов. Эти исследования составили научный фундамент дальнейшего развития бурятской социалингвистики.

Начиная с 80-х гг. XX в. в бурятском языкознании наметился качественный перелом в изучении социалингвистической проблематики. Подобный научный подход объясняется несколькими взаимосвязанными процессами: развитием теоретико-методологических основ самой социалингвистики как научной дисциплины и существенными изменениями в языковой ситуации Бурятии. Именно в этот период формируются принципиально новые исследовательские подходы, связанные с научными взглядами и научной деятельностью Г. А. Дырхеевой.

Галина Александровна Дырхеева – доктор филологических наук, профессор. Родилась в 1951 г. в г. Улан-Удэ. В 1973 г. она окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (ныне Санкт-Петербургский государственный университет) по специальности «структурная, прикладная и математическая лингвистика». Сразу после учебы она начала научную деятельность в Бурятском институте общественных наук (БИОН) БФ СО АН СССР, где уже на раннем этапе проявился ее интерес к проблемам языкового взаимодействия.

В период с 1976 по 1979 г. Г. А. Дырхеева проходила подготовку в аспирантуре БИОН СО РАН. Ее научным руководителем выступил профессор Ленинградского государственного университета А. С. Герд. Под его руководством ею была подготовлена и успешно защищена в 1987 г. кандидатская диссертация на тему «Вероятностно-статистическое моделирование бурятского художественного текста». Это исследование стало новаторским для бурятского языкознания. В нем впервые были применены методы статистического анализа к художественным текстам на бурятском языке. Навыки ма-

ЦЫБЕНОВА Чечек Сергеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: tschechek@mail.ru.

тематического моделирования, статистического анализа послужили методологической основой для многих последующих исследований Г. А. Дырхеевой. Знание этих методов нашли успешное применение и в ее работах по социолингвистике, где количественный подход позволил объективно оценивать языковые процессы и выявлять динамику развития языка.

В эти годы Г. А. Дырхеева разрабатывает свою концепцию анализа современного состояния бурятского языка и особенностей бурятско-русского двуязычия. Ею была составлена программа по исследованию языковой ситуации в Бурятской АССР [I], в которой она дала детальное описание цели исследования, его социального объекта, сроков проведения, методов исследования. В программе также подробно описывается каждый пункт коллективной и индивидуальной анкет, объясняется назначение лингвистической части, содержание. Галина Александровна тщательно подходит и к выборке исследования, дает характеристику его общего объема, мест проведения анкетирования. Она указывает на необходимость обработки результатов анкетирования с помощью ЭВМ как на основной способ первичной обработки социолингвистических данных.

О глубоком понимании языковых процессов, происходящих в обществе, свидетельствует и гипотеза работы, в которой она пишет: «... использование языковых вариантов зависит от следующих социальных признаков: возраст, образование, социальное положение, место детства, место наиболее длительного жительства, регулярность получения информации по радио, телевидению, из газет и т. д.». Полученные в дальнейшие годы результаты многочисленных социолингвистических обследований не раз подтвердили, что на использование языка влияет множество факторов – не только социальная среда, но и языковой ландшафт, языковая среда, языковые установки и др. Работа примечательна тем, что в ней также содержится бланк анкеты, состоящей из социолингвистической (14 вопросов) и лингвистической (8 вопросов) частей.

Позже программа стала основой для проведения массового социолингвистического обследования бурятского населения на территории этнической Бурятии (Республика Бурятия, Агинский, Усть-Ордынский национальные округа) в период с 1988 по 1990 г. Общая выборка исследования составила 3223 чел. (примерно 1 % всего бурятского населения указанных территорий по данным переписи 1989 г.) [Дырхеева, Будаев, Бажеева 1999: 10–11]. Для выявления языковой компетенции носителей языка Галина Александровна предложила свою методику и выделила такие виды речевой деятельности, как понимание, говорение, чтение и письмо. Каждый из этих видов оценивался самими респондентами по параметрам «очень хорошо», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо» и «не владею». Подобная градация позволяет более точно определить уровень владения языком и оказалась наиболее понятной для носителей языка. Позднее в одной своей статье она отметила, что на практике «... такая форма выявления языковой компетенции удобна и объективна. Субъективная оценка респондентами своих языковых знаний обычно подтверждалась в лингвистической части опросника» [Дырхеева 2015: 5].

В дальнейших исследованиях ряд вопросов для социолингвистических частей анкет оставался неизменным с целью мониторинга. Среди них классическим является и вопрос об использовании языка/языков в различных коммуникативных сферах: в семье, на работе, при общении с детьми, родителями, родственниками, а также при чтении литературы и газет, просмотре ТВ, прослушивании радио и т. д. К ним также относятся вопросы о языковой компетенции, родном языке респондента, родном языке его родителей и некоторые другие.

Как известно, после распада СССР в национальных регионах остро встал вопрос о статусе титульных языков, об их сохранении и развитии, о защите языковых прав жителей регионов. В Республике Бурятия Закон «О языках народов Республики Бурятия» был принят в 1992 г. в непростой обстановке. Одним из главных разработчиков этого важного документа является Г. А. Дырхеева. По прошествии двух лет, в 1994 г., в своих тезисах [II] о проблемах его реализации она указывает, что на данном этапе пока «трудно говорить о каких-либо существенных изменениях в языковой жизни республики». Однако Галина Александровна отмечает недочеты в официальном исполь-

зовании бурятского языка. Говоря об отсутствии финансовых средств, недостаточности пропаганды использования бурятского языка, о преобладании русского населения как социального фактора в языковой ситуации Бурятии, она констатирует такой факт, как «неразработанность языка, его неподготовленность к использованию в полном объеме в сфере делопроизводства». Она справедливо пишет, что «существовавшая ранее традиция ведения делопроизводства с использованием старомонгольской письменности была прервана рядом языковых реформ 30-х годов и полным переходом в данной сфере на русский язык. Практически, на современном бурятском языке делопроизводство не велось и не ведется. В связи с этим, к сожалению, в программе реализации Закона отсутствуют пункты по разрешению этой проблемы». Спустя более 30 лет проблема использования бурятского языка в сфере делопроизводства, развитие лексики делового бурятского языка до сих пор остается одним из актуальнейших вопросов бурятского языкознания.

Свою диссертацию «Бурятский язык в условиях двуязычия: история и современность, проблемы и перспективы» на соискание ученой степени доктора филологических наук Г. А. Дырхеева защитила в 2002 г. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Результаты диссертационного исследования она отразила в авторской монографии «Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития» [2002]. Кроме социолингвистической части, где дан анализ результатов анкетирования учащейся молодежи, в работе представлен глубокий анализ языковой ситуации в диахроническом аспекте, детально анализируются языковое законодательство, языковая политика Бурятии, различные факторы, влияющие на функционирование бурятского языка. Кроме того, в ней рассматривается лингвистический аспект взаимодействия бурятского и русского языков. В конце монографии ставится вопрос «Что делать?» – о перспективах развития бурятского языка. Особого внимания заслуживает ее мнение о том, что «сохранение и развитие титульного языка Бурятии – это повседневная, осознанная всем населением республики работа, рассчитанная на многие годы. Нужна большая разъяснительная работа, популяризация языка, главным образом, через средства массовой информации, поскольку языковая проблема – весьма деликатная область, требующая очень корректного подхода» [Там же: 165].

Г. А. Дырхеева активно исследует функционирование бурятского языка не только в этнической Бурятии. В начале 2000-х гг. она впервые собирает социолингвистический материал и проводит исследование среди этнических бурят Внутренней Монголии Китая и Монголии. Это позволило ей сравнивать развитие и состояние бурятского языка в различных этносоциокультурных условиях и составить типологию языковых ситуаций относительно одного и того же языка. Результаты этого исследования отражены в коллективной монографии «Бурятский язык в поликультурном пространстве (социолингвоисторическое исследование)» [2009].

В ходе полевой работы, проведенной в течение 2005–2006 гг., ей удалось опросить 461 респондента-бурята во Внутренней Монголии Китая и 296 – в Монголии (г. Улан-Батор, Хэнтэйский, Дорнодский, Селенгинский аймаки). В результате данного исследования Г. А. Дырхеева приходит к выводу, что в Монголии, как и в России, происходят существенные ассимилятивные процессы. Она отмечает, что относительно монгольских бурят «фактор наличия монгольского языка, считавшийся в случае с шэнхэнскими бурятами Китая положительным, в данном случае играет отрицательную роль – контактирование с близкородственным языком приводит к усилению языковой и этнической ассимиляции» [Там же: 67].

В последние десятилетия Галина Александровна также занимается мониторингом современной языковой ситуации в Бурятии и связанными с ней проблемами бурятско-русского двуязычия. По ее методике составлены и некоторые вопросы массовых социологических обследований, проведенных в 2020 и 2025 гг. группой социологов ИМБТ СО РАН. Их цель – социологический анализ состояния бурятского языка и тенденций его изменения в полиэтническом пространстве Республики Бурятия с позиций востребованности в условиях глобализирующегося общества. Итогом работы 2020 г.

стала коллективная монография «Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития» [2020].

Поиск путей сохранения языка, его дальнейшего развития требует выявления новых подходов. В рамках своих социолингвистических разработок Г. А. Дырхеева впервые предлагает рассматривать особенности национального (этнического) менталитета, национально-культурной картины мира, национальное (языковое) сознание. В бурятоведении вопросам двуязычия уделяется достаточное внимание. Вместе с тем описание особенностей языкового сознания бурят практически малоизученная проблема, в том числе и у носителей других малых национальных языков РФ. Галиной Александровной проведено несколько различных ассоциативных экспериментов среди бурят-билингвов на материале русского и бурятского языков. Результаты работы в этом направлении отражены во многих ее публикациях [Бурятско-русский билингвизм... 2010; Языковое сознание... 2016; Дырхеева, Цыбенова 2022].

Одной из крупных работ Г. А. Дырхеевой в психолингвистическом аспекте является монография «Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента)» [2020]. На основе данных ассоциативных экспериментов, проведенных среди бурят-билингвов в разные годы, а также сопоставления с материалами по «Русскому ассоциативному словарю», она анализирует общие и специфические черты семантического наполнения базовых понятий в бурятской языковой картине мира. Исследование показало, что такие базовые ценности, как человек, семья, здоровье, дружба, интеллект, смысл жизни, труд, Родина, внутренняя гармония, продолжают занимать центральное место в языковой картине мира бурят. Одним из важных выводов является то, что система языкового сознания бурят на родном бурятском языке остается стабильной.

Полученные данные также показали, что наиболее частыми оценочными словами-реакциями на бурятском языке являются именно слова с положительной коннотацией: *хайн* ‘хороший, добрый’, *сэбэр* ‘чистый’, *хүнэй* ‘человеческий’, *сагаан* ‘белый’ и др. По мнению Г. А. Дырхеевой, это свидетельствует о более миролюбивом, менее агрессивном национально-культурном своеобразии бурятского языкового сознания, в частности об открытости и доброжелательности бурятского этноса. Она также подчеркивает, что специфика этноязыкового сознания определяется системно-структурными особенностями языка и только во вторую очередь национальными различиями в представлении о мире. В этой работе Галиной Александровной обозначена и дальнейшая перспектива подобных исследований – установить билингвальный период и билингвальные процессы, способные типологически преобразовать язык.

Научные проекты и изыскания Г. А. Дырхеевой не раз становились победителями научных конкурсов, в т. ч. грантовых. Одной из таких работ в период с 2021 по 2023 г. стал научно-исследовательский проект «Русский язык в образовательном пространстве Монголии: современное состояние и перспективы развития», поддержанный Российским фондом фундаментальных исследований (ныне Российский научный фонд). Он был отмечен в конкурсе международных исследований, иностранным партнером которого выступили коллеги из Монгольского государственного университета. В исследовании приняли участие 1040 взрослых и молодых респондентов-монголов. Оценивая функционирование русского языка в образовательной сфере Монголии, исследовательский коллектив приходит к выводам, что его социокультурный потенциал в монгольском обществе еще не исчерпан, среди учащейся молодежи возобновляется интерес к получению образования в РФ, российское образование признается многими монголами как высококачественное, дающее глубокие знания [Русский язык в Монголии... 2023: 101].

Методика исследования языковой ситуации, предложенная Г. А. Дырхеевой, сегодня апробирована и на других малых национальных языках РФ. К примеру, под ее руководством в 2013 г. Ч. С. Цыбеновой защищена кандидатская диссертация «Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект» [2013]. Г. А. Дырхеева выступила научным консультантом Н. И. Ивановой, которая в 2021 г. защитила диссертацию «Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский

язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект)», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук [Иванова 2021]. Безусловно, методика дополняется, трансформируется с учетом конкретной языковой ситуации и языка, но основные вопросы и исследовательские подходы остаются неизменными.

Сегодня бурятский язык как один из малых и недоминирующих языков Российской Федерации относится к категории находящихся под угрозой исчезновения. Современные социолингвистические исследования фиксируют устойчивую тенденцию к сокращению числа активных носителей бурятского языка при одновременном росте бурятско-русских билингвов и формировании у них двойной этнокультурной идентичности. Урбанизация и технологический прогресс также усугубляют языковой сдвиг. Таким образом, проблема сохранения и поддержки бурятского языка за последние десятилетия не утратила своей актуальности. Именно социолингвистические данные, собранные Галиной Александровной с конца 1980-х гг., результаты ее многочисленных исследований среди различных групп бурятского населения и в разных социокультурных условиях в настоящий момент позволяют проводить мониторинговый анализ состояния бурятского языка, следить за его динамикой и развитием. Научные взгляды и концептуальные разработки Г. А. Дырхеевой по праву заложили теоретические и практические основы социолингвистики в бурятском языкознании, а также определили перспективы ее дальнейшего развития.

Свой юбилей Г. А. Дырхеева отмечает в должности главного научного сотрудника отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Тот факт, что в ее трудовой книжке значится лишь одно место работы, сам по себе говорит о глубокой преданности выбранному делу. Ее круг научных интересов значительно шире и охватывает такие разделы языкознания, как структурная, прикладная и математическая лингвистика, перспективные междисциплинарные направления – психолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика. Она является автором более 200 научных работ. Ею также разработаны уникальные спецкурсы «Проблемы когнитивной лингвистики», «Язык и культура», «Лингвокультурология».

Коллеги и друзья сердечно поздравляют Галину Александровну, ученого, наставника, замечательного человека, с юбилеем и желают ей крепкого здоровья, новых творческих успехов и талантливых учеников.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Функционирование монгольских языков в современном этнокультурном пространстве») № 126020516668-1.

Примечания

I. Рукопись «Программа (проект) социолингвистического обследования “Языковая ситуация в Бурятии”» написана Г. А. Дырхеевой в 1985 г. и содержит 16 печатных листов формата А4.

II. Рукопись «Закон “О языках народов Республики Бурятия”: проблемы реализации» написана Г. А. Дырхеевой в 1994 г. и содержит 3 печатных листа формата А4. Тезисы озвучены на конференции «Язык и общество» в г. Москва в 1994 г. (из приписки на рукописи. – Ч. Ц.).

Литература

Бурятский язык в поликультурном пространстве (социолингвистическое исследование) / Г. А. Дырхеева, Н. Б. Даржаева, Ц. Ц. Бальжинмаева [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 232 с.

Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития / отв. ред. Д. Д. Бадараев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. – 256 с.

Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект / П. П. Дашиинимаева, Г. А. Дырхеева, Ж. Б. Жалсанова, Э. В. Хилханова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 166 с.

Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития / Г. А. Дырхеева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 187 с.

Дырхеева Г. А. Социолингвистическое исследование недоминирующего языка: к проблеме проведения мониторинга языковой ситуации в Бурятии / Г. А. Дырхеева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 10-1. – С. 3–7.

Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента) / Г. А. Дырхеева; отв. ред. Б. Д. Цыренов; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. – 236 с.

Дырхеева Г. А. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект): кол. моногр. / Г. А. Дырхеева, Б. Ж. Будаев, Т. П. Бажеева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 142 с.

Дырхеева Г. А. Белый цвет в традиционном мировоззрении тувинцев и бурят: семантика и ассоциативный тезаурус / Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенкова // Монголоведение. – 2022. – Т. 14. – № 3. – С. 634–648.

Иванова Н. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Иванова. – Якутск, 2021. – 51 с.

Русский язык в Монголии: сфера образования: кол. моногр. / Ч. С. Цыбенкова, Г. А. Дырхеева, В. Г. Жалсанова и др.; отв. ред. Г. А. Дырхеева, Ц. Саранцацрал; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. – 200 с.

Цыбенкова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ч. С. Цыбенкова. – Улан-Удэ, 2013. – 24 с.

Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края) / Э. В. Хилханова, Г. А. Дырхеева, Л. М. Любимова, Д. Б. Сундуева. – М.: Вост. лит-ра, 2016. – 174 с.

References

Buryatskij yazyk v polikul'turnom prostranstve (sociolingvoistoricheskoe issledovanie) / G. A. Dyrheeva, N. B. Darzhaeva, C. C. Bal'zhinimaeva [i dr.]. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2009. – 232 s.

Buryatskij yazyk v regionah Rossii, Mongolii i Kitaya: sostoyanie, problemy, faktory sohraneniya i razvitiya / otv. red. D. D. Badaraev. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2020. – 256 s.

Buryatsko-russkij bilingvizm: psiholingvisticheskij aspekt / P. P. Dashinimaeva, G. A. Dyrheeva, Zh. B. Zhalsanova, E. V. Hilhanova. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2010. – 166 s.

Dyrheeva G. A. Buryatskij yazyk v usloviyah dvuyazychiya: problemy funkcionirovaniya i perspektivy razvitiya / G. A. Dyrheeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2002. – 187 s.

Dyrheeva G. A. Sociolingvisticheskoe issledovanie nedominiruyushchego yazyka: k probleme provedeniya monitoringa yazykovoj situacii v Buryatii / G. A. Dyrheeva // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – №10-1. – S. 3–7.

Dyrheeva G. A. Buryatskij yazyk v usloviyah dvuyazychiya: osobennosti transformacii yazykovogo soznaniya (po rezul'tatam associativnogo eksperimenta) / G. A. Dyrheeva; otv. red. B. D. Cyrenov; In-t mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2020. – 236 s.

Dyrheeva G. A. Buryatskij yazyk: sovremennoe sostoyanie (sociolingvisticheskij aspekt): kol. monogr. / G. A. Dyrheeva, B. Zh. Budaev, T. P. Bazheeva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 1999. – 142 s.

Dyrheeva G. A. Belyj cvet v tradicionnom mirovozzrenii tuvincev i buryat: semantika i associativnyj tezaurus / G. A. Dyrheeva, Ch. S. Cybenova // Mongolovedenie. – 2022. – T. 14. – № 3. – S. 634–648.

Ivanova N. I. Yazykovaya situaciya v Respublike Saha (Yakutiya): yakutskij yazyk v usloviyah yazykovoj neodnorodnosti (etnosociopsiholingvisticheskij aspekt): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / N. I. Ivanova. – Yakutsk, 2021. – 51 s.

Russkij yazyk v Mongolii: sfera obrazovaniya: kol. monogr. / Ch. S. Cybenova, G. A. Dyrheeva, V. G. Zhalsanova i dr.; otv. red. G. A. Dyrheeva, C. Sarancacral; In-t mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2023. – 200 s.

Cybenova Ch. S. Sovremennaya yazykovaya situaciya v Respublike Tyva: sociopsiholingvisticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Ch. S. Cybenova. – Ulan-Ude, 2013. – 24 s.

Yazykovoe soznanie i yazykovye ustanovki zhitelej prigranichnyh rajonov vostoka Rossii (na primere Respubliki Buryatiya i Zabajkal'skogo kraya) / E. V. Hilhanova, G. A. Dyrheeva, L. M. Lyubimova, D. B. Sundueva. – M.: Vost. lit-ra, 2016. – 174 s.

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СО РАН

Научный журнал
№ 3(63)

Выходит 4 раза в год

Редактор, корректор *Г. В. Кашина, А. Е. Болонев*
Художник *Д. Т. Олоев*
Компьютерная верстка и макет – *А. Е. Болонев*

Редакционно-издательский отдел
Издательства ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Подписано в печать 15.09.2026.
Дата выхода 25.09.2026.
Формат 70x100 1/16.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 13,2.
Тираж 200. Заказ № 12.
Цена свободная.